

Фрэнсис Бернетт

Маленький сад
Маленький лорд
Фаунтлерой
Маленькая принцесса.
Приключения Сары Кру

ЛУЧШИЕ ПОВЕСТИ

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

**Таинственный сад;
Маленький лорд Фаунтлерой;
Маленькая принцесса**

«АСТ»

2010

Бёрнетт Ф.

Таинственный сад; Маленький лорд Фаунтлерой; Маленькая принцесса / Ф. Бёрнетт — «АСТ», 2010

Произведения Фрэнсис Бернетт любимы многими поколениями разных стран. Может быть, потому, что в них рассказывается о детских горестях, радостях и приключениях очень искренно, без назиданий и занудства. Писательница родилась в Англии, рано потеряла отца, в восемнадцать лет потеряла и мать. Так девушке пришлось стать опорой своим четырем младшим братьям. Пройдя нелегкую школу жизни, Фрэнсис Бернетт стала одной из самых замечательных детских писателей. Книга адресована детям среднего школьного возраста.

© Бёрнетт Ф., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Таинственный сад	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	19
Глава VI	23
Глава VII	26
Глава VIII	29
Глава IX	32
Глава X	35
Глава XI	39
Глава XII	42
Глава XIII	48
Глава XIV	54
Глава XV	60
Глава XVI	65
Глава XVII	69
Глава XVIII	73
Глава XIX	76
Глава XX	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Фрэнсис Элиза Бёрнетт

Таинственный сад; Маленький лорд Фаунтлерой; Маленькая принцесса. Приключения Сары Кру (сборник)

Таинственный сад

Глава I

Когда Мери Леннокс прислали жить к дяде, в Миссельтуэйт-Мэнор, все говорили, что она самый неприятный ребенок, какого им когда-либо приходилось видеть. Это была правда. У нее было маленькое худое лицо и маленькое худое тело. Волосы у нее были белокурые, жидкие, а лицо, с вечно кислым выражением, желтое, потому что она родилась в Индии и вечно хворала то тем, то другим.

Отец ее состоял на службе у английского правительства, всегда бывал очень занят и тоже часто хворал, а мать ее была красавица, которая любила только бывать в гостях и веселиться в кругу веселых людей. Ей вовсе не нужен был ребенок, и, когда родилась Мери, она поручила уход за нею туземной служанке, или айэ, которой дали понять, что если она желает угодить мем-саиб {Так называют в Индии белых женщин.}, то ребенок не должен попадаться ей на глаза.

Мери не помнила, чтобы когда-либо видела близко что-нибудь, кроме смуглого лица своей айэ или других туземных слуг; а так как все они всегда повиновались ей и позволяли ей делать все по-своему, потому что мем-саиб могла рассердиться, если бы ее беспокоил крик ребенка, то шести лет от роду Мери была величайшей эгоисткой и тиранкой.

Молодая гувернантка-англичанка, которую взяли, чтобы научить Мери читать и писать, так невзлюбила ее, что через три месяца отказалась от места, а когда являлись другие гувернантки, то они уходили через еще более короткое время, чем первая. И если бы Мери самой не захотелось выучиться читать и писать, то она никогда не имела бы возможности научиться даже азбуке.

В одно страшно жаркое утро – ей тогда было уже около девяти лет – она проснулась особенно злая и разозлилась еще больше, когда увидела, что служанка, стоявшая возле ее постели, была не ее айэ.

– Зачем ты пришла? – сказала она чужой женщине. – Я не позволю тебе остаться тут. Пришли мне мою айэ!

У женщины был испуганный вид, и она пробормотала, что айэ не может прийти, а когда Мери в неистовстве стала бить и толкать ее, она только испугалась еще больше и повторила, что айэ невозможно прийти к мисси саиб.

В это утро в самом воздухе точно носилось что-то таинственное. Ничего не делали обычным порядком, и некоторых из туземных слуг вовсе не было видно, а те, которых Мери видела, двигались торопливо или украдкой, с бледно-серыми испуганными лицами. Но ей никто ничего не говорил, и ее айэ все не являлась.

Утро проходило; скоро она осталась совсем одна, наконец вышла в сад и стала играть тоже одна под деревом, около веранды. Она делала вид, что устраивает цветочную клумбу, и втыкала большие ярко-алые цветы в маленькие кучки земли, все больше и больше раздражаясь

и бормоча себе под нос все то, что собиралась сказать саиди, все те бранные слова, которыми собиралась обозвать ее, когда она вернется.

– Свинья! Свинья! Свиное отродье! – говорила она, потому что назвать туземца свиньей – это самое худшее оскорбление.

Она скрежетала зубами, повторяя эту фразу, когда услышала, что на веранду вышла ее мать еще с кем-то. Это был белокурый молодой человек, и оба они стояли и говорили какими-то странными тихими голосами.

Мери знала белокурого молодого человека, похожего на мальчика; она слышала, что он был очень молодой офицер, который недавно приехал из Англии.

Девочка глядела на них обоих, но более пристально глядела на свою мать.

Она всегда это делала, когда только представлялся случай видеть ее, потому что мем-саиб – Мери часто звала ее именно так, а не иначе – была такая высокая, стройная, красивая дама и носила прелестные наряды. У нее были волосы, как волнистый шелк, красивый маленький нос, презрительно вздернутый, и большие смеющиеся глаза. Одежда ее всегда была легкая и развевающаяся и, как выражалась Мери, «полна кружев».

В это утро на ней было больше кружев, чем всегда, но глаза ее не смеялись; они были такие большие и испуганные и умоляюще глядели в лицо молодого белокурого офицера.

– Неужели дело так плохо? Неужели? – услышала Мери ее вопрос.

– Ужасно! – дрожащим голосом ответил молодой человек. – Ужасно, миссис Леннокс! Вы должны были уехать в горы две недели тому назад.

Мем-саиб стала ломать руки.

– О, я знаю, что должна была сделать это! – воскликнула она. – Я осталась только для того, чтобы пойти на этот глупый званый обед! Как я была глупа!

В эту минуту из помещения слуг раздался такой громкий вопль, что она ухватила за руку молодого человека, а Мери задрожала с головы до ног. Вопль становился все более диким.

– Что это? Что это? – прошептала миссис Леннокс.

– Кто-то умер, – ответил молодой офицер. – Вы не говорили, что болезнь появилась среди ваших слуг!

– Я не знала! – воскликнула мем-саиб. – О, пойдемте со мной, пойдемте со мной!

Она повернулась и убежала в дом.

После этого наступило нечто ужасающее, и Мери стало ясно, почему это утро было такое таинственное.

Появилась холера в самой тяжелой форме, и люди умирали, как мухи. Айэ заболела ночью, и слуги вопили в своих хижинах, потому что она только что умерла. Ночью умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе бежали. Всюду царила паника, и во всех бунгало были умирающие.

На следующий день, во время тревоги и смятения, Мери спряталась в детской, и все забыли о ней. Никто не думал о ней, никому она не была нужна, и вокруг происходило нечто странное, о чем она не имела понятия.

Часы проходили, и Мери попеременно то спала, то плакала. Она знала только, что люди хворали, и слышала таинственные и пугавшие ее звуки.

Раз она прокралась в столовую, которая оказалась пустой, хотя на столе стоял недоконченный обед; стулья и тарелки имели такой вид, как будто их поспешно отодвинули в сторону, когда люди по какой-то причине внезапно поднялись из-за стола.

Мери поела фруктов и сухарей и, чувствуя сильную жажду, выпила стоявший на столе стакан вина. Оно было сладкое, но девочка не подозревала, что оно очень крепкое. Ее скоро начало клонить ко сну, и она пошла обратно в детскую и опять заперлась там, испуганная криками, которые неслись из хижин, и звуками торопливых шагов. Вино нагнало на нее такой сон, что глаза ее закрылись помимо ее воли; она легла на постель и точно потеряла сознание.

Очень многое произошло за те долгие часы, что она спала таким тяжелым сном, и ее не разбудили ни вопли, ни шум в бунгало, где что-то вносили и выносили.

Когда она проснулась, то продолжала лежать неподвижно, пристально глядя на стену. В доме была полнейшая тишина; она не помнила, чтобы когда-либо прежде в нем царило такое безмолвие. Она не слышала ни голосов, ни шагов и думала о том, все ли уже выздоровели от холеры и прошла ли беда.

Думала она и о том, кто теперь будет ухаживать за нею, ведь ее айэ умерла! Вероятно, будет новая айэ, и она, быть может, будет рассказывать новые сказки; старые сказки уже достаточно надоели Мери.

Она не плакала о том, что умерла ее нянька. Она не была любящим ребенком и никогда ни к кому не была особенно привязана.

Шум, беготня, вопли по умершим от холеры – все это испугало ее, и, кроме того, она была очень сердита, потому что никто не вспомнил, что она жива. Все так обезумели от ужаса, что никто не подумал о девочке, которую никто не любил.

Когда люди заболели холерой, они, казалось, не могли думать ни о ком, кроме себя самих. Но если все опять выздоровели, то, конечно, кто-нибудь должен был вспомнить о ней и отыскать ее.

Но никто не приходил, и она все лежала и ждала, и в доме, казалось, становилось все тише и тише. Она услышала какой-то шорох на циновке и когда взглянула на пол, то увидела маленькую змейку, скользившую по полу и глядевшую на нее похожими на драгоценные камни глазами.

Мери не испугалась: это было безвредное маленькое существо, которое ничего не могло ей сделать. Змейка, казалось, торопилась выбраться из комнаты, и Мери видела, как она скользнула под дверь.

– Как странно и тихо! – сказала Мери. – Как будто в доме никого нет, кроме меня да змейки.

Почти в ту же минуту она услышала шаги в саду, а потом на веранде. Это были мужские шаги: мужчины вошли в дом и о чем-то тихо заговорили. Никто не вышел им навстречу, никто не заговорил с ними; они, казалось, открывали двери и заглядывали в комнаты.

– Какое опустошение! – сказал один голос. – И эта красивая женщина... да и ребенок, я думаю, тоже! Я слышал, что был ребенок, хотя его никто никогда не видел.

Когда они несколько минут спустя открыли дверь, Мери стояла посреди детской, некрасивая и злая, нахмутив брови, потому что была голодна, и чувствовала себя как-то позорно заброшенной.

Первый человек, вошедший в комнату, был высокий офицер, которого Мери однажды видела у своего отца. У него был усталый и озабоченный вид, но, когда он увидел ее, он был так поражен, что чуть не отскочил назад.

– Барней! – крикнул он. – Здесь ребенок! Ребенок, один! В таком месте! Боже мой, да кто она такая?

– Я Мери Леннокс, – чопорно сказала девочка, выпрямляясь во весь рост. Человек этот показался ей очень грубым, потому что назвал дом ее отца «таким местом». – Я уснула, когда все были больны холерой, и только что проснулась. Отчего никто не приходит?

– Это тот ребенок, которого никто никогда не видел! – воскликнул офицер, обращаясь к своему спутнику. – О ней на самом деле все забыли!

– Почему обо мне забыли? – спросила Мери, топая ногой. – Почему никто не приходит? Молодой человек, которого звали Барней, грустно посмотрел на нее. Мери даже показалось, что он мигнул глазами, точно смахивая слезу.

– Бедная крошка! – сказал он. – Некому прийти: никого не осталось.

Таким странным и неожиданным образом Мери узнала, что у нее не осталось ни отца, ни матери, что они умерли и были увезены ночью и что те туземные слуги, которые остались в живых, поспешно покинули дом и никто из них даже не вспомнил, что у них была мисси-саиб. Поэтому-то в доме было так тихо; в нем действительно никого больше не было, кроме самой Мери да маленькой змейки.

Глава II

Мери любила издали глядеть на свою мать и считала ее очень красивой; но так как она очень мало знала ее, то едва ли можно было ожидать, что она будет тосковать по ней, когда ее не станет.

Она ничуть не тосковала по ней и так как всегда была углублена в самое себя, то ее помыслы и теперь, как обыкновенно, были сосредоточены на себе самой. Будь она старше, она бы, вероятно, очень беспокоилась при мысли, что осталась совсем одна на свете, но еще была очень мала, и так как о ней всегда заботились, то предполагала, что это всегда будет так.

Думала она только о том, попадет ли она к хорошим людям, которые будут с ней обращаться вежливо и во всем уступать ей, как это делала ее айэ и другие туземные служанки.

Мери знала, что не останется навсегда в доме английского священника, куда ее взяли в первое время. Ей не хотелось оставаться там. Английский священник был беден, и у него было пятеро детей, чуть ли не однолеть, которые ходили в лохмотьях, всегда ссорились и таскали игрушки друг у друга. Мери ненавидела их неопрятный дом и так дурно обращалась с ними, что через два дня никто не хотел играть с нею.

– Тебя отошлют домой через неделю, – сказал ей однажды Базиль, мальчик пастора, с дерзкими голубыми глазами и вздернутым носом, которого Мери ненавидела. – Мы все очень рады этому.

– И я тоже рада, – ответила Мери. – А где это такое «домой»?

– Она не знает, где это? – презрительно сказал семилетний Базиль. – Это, конечно, Англия. Наша бабушка живет там, и в прошлом году туда послали сестру Мабель. А ты поедешь не к бабушке; у тебя ее нет. Ты поедешь к своему дяде; его зовут мистер Арчибальд Крэвен.

– Я никогда про него не слыхала, – огрызнулась Мери.

– Я знаю, что не слыхала, – ответил Базиль, – ты ничего не знаешь. Девочки обыкновенно ничего не знают. Я слышал, как папа и мама говорили про него. Он живет в громадном заброшенном старом доме в деревне, и никто к нему не ходит. Он такой сердитый, что никого к себе не пускает, а если бы и пустил, то никто бы не пришел. Он горбун и страшный-страшный.

– Я тебе не верю, – сказала Мери, отвернувшись от него и затыкая уши пальцами, потому что не хотела больше слушать.

Но она все-таки очень много думала об этом; а когда миссис Кроуфорд в тот же вечер сказала ей, что через несколько дней она поедет в Англию к своему дяде, мистеру Крэвену, который жил в Миссельтуэйт-Мэноре, у нее был такой упрямо-равнодушный, точно окаменелый вид, поэтому они не знали, что о ней и подумать. Они пытались приласкать ее, но она отвернулась, когда миссис Кроуфорд хотела поцеловать ее, и чопорно выпрямилась, когда мистер Кроуфорд потрепал ее по плечу.

– Она такой некрасивый ребенок, – сказала после этого миссис Кроуфорд тоном сожаления. – А мать ее была так красива! И манеры у нее были такие милые, а Мери самый неприятный ребенок, которого я когда-либо видела.

– Быть может, если бы ее мать почаще появлялась в детской, со своим красивым лицом и милыми манерами, Мери тоже могла бы перенять эти манеры. Грустно теперь вспоминать, когда бедная красавица уже умерла, очень многие вовсе не знали, что у нее был ребенок!

– Она, кажется, никогда не взглянула на нее, – вздохнула миссис Кроуфорд. – Когда ее айэ умерла, никто и не вспомнил о крошке. Подумай только: все слуги разбежались и оставили ее одну в пустом доме. Полковник Мак-Грю говорил мне, что был поражен, когда отворил дверь и увидел ее совершенно одну посреди комнаты.

Во время долгого переезда в Англию Мери находилась под присмотром жены одного офицера, которая везла туда своих детей, чтобы поместить их в пансион. Она была очень занята

собственными детьми и очень радовалась, когда сдала Мери женщине, которую мистер Крэвен выслал в Лондон встретить ее.

Женщина эта служила экономкой в Миссельтуэйт-Мэноре, и звали ее миссис Медлок. Она была очень полная, с румяными щеками и зоркими черными глазами.

Она очень не понравилась Мери; но так как Мери редко кто-либо нравился, то в этом не было ничего удивительного; кроме того, было очевидно, что миссис Медлок тоже невысокого мнения о девочке.

– Экая она некрасивая! – сказала она. – А мы ведь слышали, что ее мать была красавица. Она, как видно, красоты-то ей в наследство не оставила, не так ли?

– Она, быть может, переменится, когда подрастет, – добродушно сказала жена офицера. – Если бы она не была такая желтая и выражение лица ее было бы поласковей. А черты лица у нее хорошие. Дети ведь так меняются!

– Ей придется измениться во многом, – ответила миссис Медлок. – А в Миссельтуэйте нет ничего такого, что могло бы изменить ребенка к лучшему, если вы спросите меня!

Обе они думали, что Мери не слушает, потому что она стояла несколько поодаль, у окна отеля, где они остановились. Она смотрела на прохожих, на проезжавшие omnibuses и кэбы, но слышала весь разговор; в ней проснулось любопытство по отношению к дяде и его жилищу. Что это был за дом и на что он был похож? Что такое горбун? Она никогда не видала горбуна; быть может, их в Индии вовсе не было.

С тех пор как она стала жить в чужих домах и у нее не было айэ, она стала чувствовать себя одинокой, и в голову ей приходили странные, совершенно новые для нее мысли.

Она думала о том, почему это она всегда была «ничья», даже когда ее отец и мать были живы. Другие дети «принадлежали» своим отцам и матерям, она же, казалось, была всем чужая. У нее были слуги, была пища и одежда, но никому не было до нее дела. Она не знала, что причиной этого было то, что она – очень неприятный ребенок; само собой разумеется, что она не знала, какая она неприятная. Она часто находила, что другие люди очень неприятны, но не подозревала, что она сама такова.

Она считала миссис Медлок самой неприятной особой, которую когда-либо видела, с ее грубым румяным лицом и безвкусной вычурной шляпой. На следующий день, когда они уезжали в Йоркшир, Мери шла по платформе к вагону с высоко поднятой головой, стараясь держаться как можно дальше от нее, как будто совсем не «принадлежала» ей. Она бы очень рассердилась, если бы узнала, что люди принимают ее за дочь миссис Медлок.

Но миссис Медлок очень мало обращала внимания и на самое Мери, и на то, что она думала. Ей вовсе не хотелось ехать в Лондон, как раз когда была свадьба ее племянницы, но у нее было удобное, выгодное место экономки в Миссельтуэйт-Мэноре, и удержать это место за собой она могла только делая то, что мистер Крэвен приказывал. Она не смела даже задавать вопросов.

– Капитан Леннокс и его жена умерли от холеры, – сказал ей мистер Крэвен своим холодным лаконическим тоном. – Капитан Леннокс был братом моей жены, и я опекун его дочери. Девочку привезут сюда. Вы должны поехать в Лондон и сами привезти ее.

И она уложила свой небольшой чемодан и отправилась в путь.

Мери сидела в углу вагона, некрасивая, с капризным выражением лица. Ей нечего было читать, не на что было смотреть, и она сидела, сложив на коленях свои маленькие руки в черных перчатках. Благодаря черному платью, она казалась еще желтее, чем всегда, и ее редкие светлые волосы торчали из-под черной креповой шляпки.

«Никогда в жизни не видывала ребенка с таким капризным видом», – подумала миссис Медлок. Она никогда не видела ребенка, который сидел бы так неподвижно, ничего не делая. Наконец ей надоело смотреть на Мери, и она заговорила быстро и резко.

– По-моему, надо тебе рассказать кое-что о том, куда ты едешь, – сказала она. – Знаешь ты что-нибудь о своем дяде?

– Нет, – сказала Мери.

– Ты никогда не слышала, что твои родители говорили о нем?

– Нет, – сказала Мери, нахмурившись. Она нахмурилась потому, что вспомнила, что ее отец и мать никогда не говорили с ней о чем-нибудь определенном и никогда ни о чем ей не рассказывали.

– Гм... гм... – проворчала миссис Медлок, пристально глядя на странное бесстрастное личико. Она несколько секунд молчала, но потом снова заговорила.

– Надо тебе все-таки кое-что рассказать, чтобы тебя подготовить. Ты едешь в очень странное место.

Мери ничего не сказала, и ее явное равнодушие несколько озадачило миссис Медлок, но, передохнув, она стала продолжать:

– Нечего сказать, поместье громадное, но мрачное, и мистер Крэвен очень гордится им... по-своему. Дом был выстроен шестьсот лет тому назад, на краю степи, и в нем почти сто комнат, хотя большинство из них заперты. А в них и картины, и красивая старинная мебель и всякие другие вещи... и все это стоит там целые века; вокруг дома громадный парк, и сады, и деревья, ветви которых достают до земли. – Она остановилась и опять вздохнула. – А больше ничего, – неожиданно закончила она.

Мери невольно начала прислушиваться. Все это было так не похоже на Индию, а все новое всегда привлекало ее. Но она не намеревалась показывать, что ее это интересует. Это была одна из ее несчастных, неприятных привычек.

Она сидела молча.

– Ну, что ты думаешь обо всем этом? – спросила миссис Медлок.

– Ничего, – ответила она. – Я ничего не знаю про такие места.

Это заставило миссис Медлок рассмеяться коротким смешком.

– Да ты похожа на старуху, – сказала она. – Разве тебя это не беспокоит?

– Это все равно, беспокоит или нет, – ответила Мери.

– Ну ты, пожалуй, права, – сказала миссис Медлок, – это все равно. Почему именно тебя надо держать в Миссельтуэйт-Мэноре, я не знаю, разве только потому, что это удобнее всего. Он не будет тобой очень заниматься, это-то верно, он никогда и никем не занимается.

Она вдруг остановилась, как будто вовремя вспомнив о чем-то.

– У него спина кривая, – сказала она. – Это его испортило. Он был угрюмый человек и не пользовался ни своими деньгами, ни своим поместьем, пока не женился.

Взгляд Мери остановился на ней, несмотря на все ее намерения не выказывать интереса. Она никогда не думала, что горбун может жениться, и была несколько удивлена. Миссис Медлок заметила это, и так как она была очень болтлива, то продолжала с большим оживлением. Во всяком случае, это был способ убить время.

– Она была такая милая, красивая, и он готов был обойти всю землю, чтобы достать ей даже былинку, которую ей хотелось... Когда она умерла...

Мери невольно вздрогнула.

– О, так она умерла! – воскликнула она почти против воли. Она только что вспомнила, что когда-то читала французскую сказку, в которой говорилось о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей вдруг стало жаль мистера Крэвена.

– Да, она умерла, – ответила миссис Медлок, – и с тех пор он стал еще более странным. Он никем не интересуется. Он не хочет видеть людей. Он по большей части в разъездах, а когда он в Миссельтуэйте, то запирается в западном флигеле и не пускает к себе никого, кроме Пичера. Пичер уже старик, но он ходил за ним, когда он был еще ребенком, и знает все его привычки.

Все это очень похоже было на рассказ из книжки и не особенно ободрило Мери. Дом с сотнею комнат, двери которых заперты, дом на краю степи – что бы это ни значило, во всем этом было что-то мрачное. И человек с кривой спиной, который тоже запирается!

Мери глядела в окно, крепко сжав губы. Ей казалось в порядке вещей, что вдруг хлынули косые серые потоки дождя, ударяя в оконные стекла и стекая по ним... Если бы красивая жена мистера Крэвена была жива, она могла бы оживить мрачный дом, как ее мать: она бегала бы туда и сюда, ездила бы в гости, как она, в платьях с кружевами. Но ее уже больше не было.

– Ты не думай, что увидишь мистера Крэвена, – сказала миссис Медлок, – десять шансов против одного, что не увидишь. И не думай, что кто-нибудь в доме станет с тобой вести разговоры. Ты должна будешь играть и сама себя занимать. Тебе скажут, в какие комнаты тебе можно ходить и в какие нельзя... Садов здесь довольно, но, когда ты будешь в доме, не шатайся и не заглядывай повсюду. Мистер Крэвен этого не любит.

– Я и не захочу идти заглядывать повсюду, – кисло сказала Мери, и так же внезапно, как в ней появилась жалость к мистеру Крэвену, жалость эта исчезла; она подумала, что такой неприятный человек заслуживает всего того, что с ним случилось.

Она обернулась лицом к мокрым окнам и стала смотреть на серые потоки дождя, который, казалось, никогда не мог перестать; смотрела она так долго и пристально, что серый цвет стал сгущаться пред ее глазами; и она скоро уснула.

Глава III

Она спала долго и когда проснулась, миссис Медлок купила на одной станции корзинку с закуской, и они поели холодного мяса, хлеба с маслом и напились горячего чая. Дождь стал еще сильнее, и на станции все ходили в мокрых блестящих непромокаемых плащах. Кондуктор зажег в вагоне лампы, и миссис Медлок очень оживилась благодаря чаю и закуске. Ела она очень много и потом сама тоже уснула; а Мери сидела, смотрела, как шляпа миссис Медлок сдвигалась набок, пока опять не уснула в углу вагона, убаюканная стуком дождя в окно.

Когда она проснулась, было уже довольно темно. Поезд стоял у станции, и миссис Медлок встряхивала ее.

– И уснула же ты! – сказала она. – Пора открыть глаза. Это станция Туэйт, и нам еще долго придется ехать на лошадях.

Мери встала, стараясь держать глаза открытыми, пока миссис Медлок собирала свои свертки. Девочка не вызвалась помочь ей, потому что в Индии туземные слуги всегда подымали и носили все, и считалось вполне естественным, чтобы одни люди прислуживали другим.

Станция была маленькая, и, кроме них, на ней никто не вышел из вагона. Возле платформы стоял экипаж, и Мери сразу увидела, что экипаж был щеголеватый; такой же щеголеватый лакей посадил ее. Когда он захлопнул дверцу, вскочил на козлы рядом с кучером и они тронулись, Мери очутилась в уютном углу экипажа с мягкой обивкой, но спать ей уж больше не хотелось.

Она сидела и с любопытством смотрела в окно: ей очень хотелось увидеть что-нибудь на дороге, по которой ее везли в это странное место, о каком ей говорила миссис Медлок. Она не была робкой от природы и теперь не особенно пугалась... но мало ли что может случиться в доме с сотней комнат, которые почти все заперты, в доме, стоящем на краю степи?

– Что такое степь? – внезапно спросила она миссис Медлок.

– А ты выгляни в окно минут через десять и тогда увидишь, – ответила та. – Нам еще придется проехать пять миль, прежде чем мы доберемся до дома. Много теперь не увидишь, потому что ночь темная, но что-нибудь все-таки можно разглядеть.

Мери не задавала больше никаких вопросов, а сидела и ждала в своем темном углу, устремив глаза на окно. Фонари кареты бросали лучи света на небольшое расстояние вперед... и перед Мери мелькали виды дороги. Когда они выехали со станции, то проехали крохотную деревеньку, и Мери видела выбеленные коттеджи и фонари таверны.

Потом они проехали мимо церкви и дома священника, проехали мимо освещенного окна лавки, где были выставлены для продажи игрушки, сласти и еще кое-какие товары, и наконец выехали на проезжую дорогу, где Мери видела только деревья и изгороди. После этого очень долгое время ничего другого не было видно.

Наконец лошади пошли медленнее, точно подымаясь в гору, и скоро исчезли даже деревья и изгороди. Мери ничего не могла видеть, так как вокруг была непроницаемая тьма. Она наклонилась вперед и прижалась лицом к окну, как вдруг карету сильно тряхнуло.

– Вот теперь мы в степи, – сказала миссис Медлок. Фонари кареты бросали желтый свет на неровную дорогу, которая, казалось, пролежала между кустов и низких растений, уходивших куда-то в необъятное темное пространство, окружавшее их со всех сторон. Подымался ветер, в диком вое которого слышались странные низкие шелестящие звуки.

– Это... это ведь не море? – сказала Мери, обернувшись и глядя на свою спутницу.

– Нет, не море, – ответила миссис Медлок, – и это не поля и не горы, а просто целые мили дикой земли, на которой ничего не растет, кроме вереска, дрока и терновника, и где водятся только дикие пони да овцы.

– А мне кажется, что это было бы похоже на море, если б здесь была вода, – сказала Мери. – Вот теперь это шумит, точно море.

– Это ветер воет в кустах, – сказала миссис Медлок. – По-моему, это дикое, пустынное место, хотя оно многим нравится, особенно когда цветет вереск.

Они все ехали вперед в глубокой тьме; дождь перестал, но ветер продолжал завывать так же странно, как прежде. Дорога шла то в гору, то под гору, и несколько раз карета проезжала по небольшим мостикам, под которыми быстро и шумно текла вода.

Мери казалось, что этому путешествию не будет конца; широкая угрюмая степь представлялась ей широким простором темного океана, через который она проезжала по узкой полоске земли.

– Мне это не нравится, – сказала она самой себе. – Мне это не нравится. – И она еще крепче стиснула свои тонкие губы.

Лошади подымались в гору, когда Мери впервые заметила свет вдали. Заметила его и миссис Медлок и протяжно, с облегчением вздохнула.

– Я так рада видеть, что там мерцает огонек! – воскликнула она. – Это свет в окне сторожки. Мы во всяком случае получим по чашке чаю, только подожди чуточку.

Пришлось действительно подождать «чуточку», как она выразилась, потому что когда карета уже въехала за ограду парка, им оставалось еще проехать около двух миль по аллее; ветви деревьев почти сходились над головой, и приходилось ехать точно под длинным темным сводом.

Из-под этого свода они выехали на лужайку и остановились пред очень длинным, но низким домом, построенным вокруг вымощенного камнем двора. Мери сначала показалось, что в окнах вовсе не было света; но, выйдя из кареты, она увидела, что в одной комнате в углу верхнего этажа виднелся тусклый свет.

Входная дверь была громадная, сделанная из массивных дубовых досок странной формы, с большими железными гвоздями и скрепленная широкими полосами железа. Она вела в громадную переднюю, которая была очень тускло освещена, и лица портретов на стенах и фигуры в старинных доспехах произвели на Мери такое впечатление, что ей не хотелось смотреть на них.

Когда она стояла в этой комнате с каменным полом, то казалась такой маленькой странной черной фигуркой и чувствовала себя тоже какой-то маленькой странной и заброшенной.

Около слуги, отворившего им дверь, стоял еще какой-то чопорный старик.

– Вы должны отвести девочку в ее комнату, – сказал он хриплым голосом. – Он не хочет ее видеть. Он утром уезжает в Лондон.

– Очень хорошо, мистер Пичер, – ответила миссис Медлок, – если я только знаю, что от меня требуется, то я уж сумею все устроить.

– От вас вот что требуется, миссис Медлок, – сказал мистер Пичер, – чтобы вы постарались не беспокоить его и чтобы он не видел того, чего не желает видеть.

После этого Мери Леннокс повели вверх по широкой лестнице, потом по длинному коридору, опять вверх по небольшой лестнице, еще по одному коридору и еще по одному; потом в стене отворилась дверь, и Мери очутилась в комнате, где топился камин и на столе был приготовлен ужин.

– Ну, теперь конец, – бесцеремонно сказала миссис Медлок, – эта и соседняя комната отведены тебе; тут ты и должна сидеть. Не забывай этого!

Таким образом Мери попала в Миссильтуэйт-Мэнор.

Глава IV

Утром Мери открыла глаза только потому, что в комнату вошла молоденькая служанка, чтобы затопить камин. Она стояла на коленях возле камина, с шумом выгребая из него золу, и Мери лежала и смотрела на нее несколько секунд, потом стала осматривать комнату. Она никогда не видела такой комнаты, которая показалась ей очень странной и мрачной. Стены были покрыты ткаными обоями, на которых был изображен лесной вид. Там были фантастически разодетые люди под деревьями, а в отдалении виднелись башни замка. Там были охотники, дамы, собаки, лошади, и Мери казалось, что она сама тоже в лесу вместе с ними. Из глубокого окна она могла видеть обширное отлогое пространство земли, на котором вовсе не было деревьев и которое очень походило на безграничное тускло-пурпурное море.

– Что это такое? – спросила она, показывая пальцем в окно.

Молоденькая служанка, Марта, которая только что поднялась на ноги, посмотрела в окно и тоже указала пальцем.

– Вон там? – спросила она.

– Да.

– Это степь, – сказала она с широкой, добродушной улыбкой. – Она тебе не нравится?

– Нет, – ответила Мери, – я ее ненавижу.

– Это потому, что ты к ней не привыкла, – сказала Марта, идя назад к камину. – Ты думаешь, что она слишком большая и голая? Но она тебе понравится.

– А тебе нравится? – спросила Мери.

– Конечно, – весело ответила Марта, вытирая каминную решетку. – Я люблю степь. Она вовсе не голая. Весной там чудесно, когда цветет вереск и дрок; тогда там пахнет медом и столько простору и воздуху, небо кажется таким высоким-высоким! А пчелы и жаворонки поют и жужжат, и шум такой приятный. О, я бы ни за что не покинула степь!

Мери слушала ее с серьезным, озадаченным выражением лица. Туземные слуги, к которым она привыкла в Индии, были вовсе не такие, как Марта. Они всегда были раболепны и подобоострастны и не смели говорить со своими господами так, как равные им. Они делали «салаам», называли их «покровителями бедных» и тому подобными именами. Индийского слугу не просили сделать то или другое, ему приказывали. Там не было обычая говорить слуге «пожалуйста» и «благодарю», и Мери всегда давала пощечины своей айэ, когда была сердита. Она невольно подумала о том, что сделала бы Марта, если бы она вздумала дать ей пощечину.

Марта была полная, румяная, добродушная на вид девушка, но в ее манерах было что-то решительное и смелое, и Мери подумала, что она, пожалуй, ответила бы тоже пощечиной, особенно если ее ударила бы маленькая девочка.

– Ты странная служанка, – довольно высокомерно проговорила Мери с подушек.

Марта присела на корточки, держа в руках щетку, и рассмеялась без всякого признака гнева.

– О, я это знаю, – сказала она. – Если бы здесь, в Миссельтуэйте, была настоящая госпожа, я бы никогда не могла быть даже второй горничной. Меня бы, пожалуй, взяли в судомойки, но никогда не пустили бы в верхние комнаты. Я слишком простая и говорю по-йоркширски. Но этот дом какой-то странный, в нем точно ни господина, ни госпожи нет, кроме мистера Пичера и миссис Медлок. Мистер Крэвен не любит, чтобы его чем-нибудь беспокоили, когда он здесь, и он почти постоянно в отъезде. Миссис Медлок по доброте своей дала мне это место. Она сказала мне, что никогда не сделала бы этого, если бы Миссельтуэйт был как другие богатые дома.

– А теперь ты будешь моя служанка? – спросила Мери все тем же высокомерным тоном, к которому она привыкла в Индии.

Марта опять начала чистить решетку.

– Я служанка миссис Медлок, – гордо сказала она, – а она служанка мистера Крэвена, но я буду убирать тут комнаты и немного прислуживать тебе. Только тебе много услуг не понадобится.

– А кто будет меня одевать? – спросила Мери.

Марта опять присела на корточки и уставилась на нее; от изумления она опять заговорила с протяжным йоркширским акцентом.

– Разве ты не можешь сама одеться? – спросила она.

– Что это значит? Я не понимаю твоего языка, – сказала Мери.

– О, я забыла, – сказала Марта. – Миссис Медлок велела мне следить за собой, а то ты не поймешь, что я говорю. Так ты не можешь сама надеть платья?

– Нет, – почти с негодованием ответила Мери. – Я никогда в жизни этого не делала. Меня всегда одевала моя айэ.

– Если так, то тебе пора научиться, – сказала Марта, очевидно, не подозревая, что говорит дерзости. – Это не слишком рано. Тебе будет очень полезно самой ухаживать за собой. Моя мать всегда говорит, что не понимает, почему это у важных бар дети не вырастают набитыми дураками: ведь у них всегда няньки и их всегда другие моют и одевают, и гулять выводят, точно щенят.

– В Индии все иначе, – презрительно сказала Мери. Она едва владела собой.

Но Марта ничуть не смутилась.

– Оно и видно, что иначе, – сказала она сочувственно. – Я думаю, это потому, что там такое множество чернокожих вместо порядочных белых людей. Когда я услышала, что ты едешь сюда из Индии, я подумала, что ты тоже чернокожая!

Мери села на постели, страшно разъяренная.

– Что! – воскликнула она. – Что! Ты думала, что я туземка! Ты... свиное отродье ты!

Марта уставилась на нее и вдруг вспыхнула.

– Кого ты бранишь? – сказала она. – Тебе не надо так сердиться. Барышне не следует так говорить. Я ровно ничего не имею против чернокожих. Когда про них читаешь в книжках, то они все такие религиозные; в книжках ведь сказано, что чернокожие тоже люди и наши братья... А я никогда не видала чернокожего человека и очень обрадовалась, потому что подумала, что увижу близко хоть одного. Когда я пришла сюда утром, чтоб затопить камин, я подкралась к твоей постели и осторожно приподняла одеяло, чтобы поглядеть на тебя. И тут-то я увидела, – добавила она разочарованно, – что ты ничуть не чернее меня, несмотря на то что такая желтая!

Мери даже не старалась сдерживать своего гнева.

– Ты думала, что я туземка! Как ты смела! Ты их совсем не знаешь! Они не люди, они слуги, которые должны кланяться! Ты ничего не знаешь про Индию! Ты совсем ничего не знаешь!

Она была так взбешена и чувствовала себя такой беспомощной пред наивным взглядом Марты, и в то же самое время вдруг почувствовала себя такой одинокой, такой далекой от всего того, что она понимала и что понимало ее, что бросилась лицом в подушки и разразилась рыданиями. Она так безудержно рыдала, что добродушная Марта даже испугалась и ей стало жаль девочки. Она подошла к постели и наклонилась к Мери.

– Не надо так плакать! – стала она упрасивать. – Право, не надо. Я не знала, что ты так рассердишься! Я таки вовсе ничего не знаю, как ты сказала. Прошу прощения, мисс. Перестань же плакать!

В ее странной йоркширской речи и спокойных манерах было что-то успокаивающее, дружелюбное, что хорошо действовало на Мери. Она постепенно перестала плакать и затихла. Марта, видимо, почувствовала облегчение.

– А теперь пора тебе вставать, – сказала она. – Миссис Медлок сказала, чтобы я приносила в соседнюю комнату твой завтрак, обед и ужин. Там тебе устроили детскую. Я тебе помогу одеться, если ты встанешь. Если пуговицы у тебя на платье сзади, то ты их не можешь сама застегнуть.

Процесс одевания научил их обеих кое-чему. Марта часто застегивала своих сестренку и братишек, но никогда еще не видела ребенка, который стоял бы неподвижно и ждал, пока кто-нибудь другой сделает для него все что надо, как будто у него самого не было ни рук, ни ног.

– Почему ты сама не надеваешь башмаков? – спросила она, когда Мери преспокойно подставила ей ногу.

– Моя айэ делала это, – ответила Мери, уставившись на нее. – Такой там обычай.

Она очень часто говорила: «такой был обычай». Туземные слуги всегда говорили это. Если им приказывали сделать что-нибудь, чего целые века не делали их предки, они с кротким взглядом отвечали: «Обычай не таков», – и всякий знал, что этим дело кончалось.

«Обычай был таков», что Мери ничего не делала сама, а только стояла и позволяла одеть себя, точно кукла.

Раньше чем она готова была идти завтракать, она уже начала подозревать, что жизнь в Миссельтуэйте научит ее многому, совершенно неизвестному ей: например, надевать чулки и башмаки, подымать все, что она роняла.

Если бы Марта была хорошо обученной, «настоящей» горничной, она была бы более почтительной и услужливой и знала бы, что ей полагается расчесывать волосы, застегивать башмаки, поднимать вещи и класть их на место. Но она была простая деревенская девушка, которая выросла в коттедже в степи с целой толпой братьев и сестер, которым и в голову не приходило, что можно чего-нибудь не делать самим и не ухаживать за младшими детьми, которые еще только учились ходить.

Если бы Мери Леннокс была таким ребенком, которого легко развеселить, болтливость Марты, вероятно, рассмешила бы ее; но Мери невозмутимо слушала ее, удивляясь развязности ее манер. Сначала разговор ничуть не интересовал ее, но Марта продолжала добродушно болтать, и Мери стала прислушиваться к ее речи.

– Если бы ты их всех видела! – говорила Марта. – Нас всех двенадцать человек, а отец мой получает всего шестнадцать шиллингов в неделю. Трудно матери накормить их всех, скажу я тебе. Все дети целый день играют в степи, и мать говорит, что они толстеют от степного воздуха. Она говорит, что они, должно быть, едят траву, как дикие пони. Наш Дикон, ему уже двенадцать лет, приручил молодую лошадку-пони и говорит, что она теперь его.

– А где он взял ее? – спросила Мери.

– Нашел в степи вместе с матерью, когда она была еще совсем маленькая. Он стал приручать ее, кормить хлебом, щипать для нее траву. И она так привыкла к нему, что ходит следом за ним и позволяет ему сесть ей на спину. Дикон очень добрый, и животные любят его.

У Мери никогда не было никакого животного, с которым она могла бы играть, и ей всегда очень хотелось иметь его. Она почувствовала даже некоторый интерес к Дикону; а так как она никогда никем не интересовалась, кроме самой себя, это, очевидно, было пробуждением доброго чувства.

Когда она вошла в комнату, в которой устроили для нее детскую, то увидела, что комната похожа на ту, в которой она спала. Это была комната не для ребенка, а для взрослого человека, с мрачными старыми картинами на стенах и с тяжелыми старыми дубовыми стульями. На столе посреди комнаты стоял хороший обильный завтрак. Но у Мери всегда был очень плохой аппетит, и она равнодушно взглянула на первое блюдо, которое Марта поставила пред ней.

– Я не хочу этого, – сказала она.

– Не хочешь каши?! – недоверчиво воскликнула Марта.

– Нет.

– Ты не знаешь, какая она вкусная! Положи немножко патоки или сахару!

– Я не хочу, – повторила Мери.

– Вот этого я уж не могу переносить, – воскликнула Марта, – чтобы понапрасну портили хорошую провизию! Если б за этим столом сидели наши дети, они бы его в пять минут очистили!

– Почему? – холодно спросила Мери.

– Почему? – повторила, как эхо, Марта. – Потому, что у них почти никогда в жизни не было полных желудков. Они всегда так голодны, как детеныши ястреба или лисы.

– Я не знаю, что значит быть голодной, – сказала Мери с равнодушием невежды.

Марта с негодованием поглядела на нее.

– Ну, тебе очень полезно было бы испытать такое, я это ясно вижу, – откровенно сказала она. – Я терпеть не могу людей, которые только сидят да смотрят на вкусную еду. Как бы мне хотелось, чтобы все, что тут на столе, было в желудках у Дикона, и Филя, и Джейн, и у всех остальных!

– Отчего же ты не отнесешь им всего этого? – посоветовала Мери.

– Это не мое! – гордо ответила Марта. – И сегодня не мой выходной день. Мне дают отпуск только раз в месяц, как и всем остальным, и тогда я ухожу домой и помогаю матери убирать, а она отдыхает.

Мери выпила немного чаю и съела кусочек поджаренного хлеба с вареньем.

– А теперь оденься потеплей и поди наружу поиграть, – сказала Марта. – Тебе это будет очень полезно и даст аппетит.

Мери подошла к окну. Она видела сады, дорожки и большие деревья, но все это имело какой-то тусклый зимний вид.

– Зачем мне идти наружу в такой день?

– Если не пойдешь, то придется остаться в доме, а что ты здесь будешь делать?

Мери осмотрелась вокруг; делать было нечего. Когда миссис Медлок устраивала детскую, она не подумала о развлечениях. Пожалуй, лучше было бы выйти и посмотреть сады.

– Кто пойдет со мной? – спросила она.

Марта уставилась на нее.

– Ты пойдешь одна, – ответила она. – Тебе придется научиться играть одной, как играют другие дети, у которых нет сестер и братьев. Наш Дикон уходит в степь один и по целым часам играет там. Оттого-то он и приручил пони. В степи есть овцы, которые его знают, а птицы прилетают к нему и едят у него из рук. У нас хотя мало еды, но он всегда прячет кусочек хлеба для своих любимцев.

Напоминание о Диконе заставило Мери принять решение и выйти, хотя она и не признавала этого. Если в садах не было пони и овец, то, вероятно, были птицы, которые не похожи на птиц в Индии, и на них, быть может, стоило поглядеть.

Марта принесла ей пальто, шляпу и пару толстых ботинок и показала дорогу вниз.

– Если ты обойдешь вон там кругом, то придешь к саду, – сказала она, указывая на небольшую калитку в огороде. – Летом там уйма цветов, но теперь ничего не цветет. – Она, казалось, с минуту колебалась и потом добавила: – Один из садов заперт. Там уже десять лет никто не бывал.

– Почему? – невольно спросила Мери. Кроме сотни запертых дверей в доме оказывалась еще одна запертая калитка!

– Мистер Крэвен велел запереть его, когда его жена умерла так внезапно. Он никому не позволяет входить туда; это был ее сад. Он запер калитку, вырыл яму и закопал туда ключ... Миссис Медлок звонит – мне надо бежать.

Глава V

Когда Марта ушла, Мери свернула на дорожку, которая вела к калитке в огороде. Она невольно думала о том саде, в котором никто не бывал уже десять лет; думала о том, какой вид имеет этот сад и есть ли еще в нем какие-нибудь живые цветы.

Когда она прошла через калитку, она очутилась в большом саду с широкими лужайками и извилистыми дорожками с подчищенными краями. Там были деревья, клумбы, хвойные деревья, подстриженные в разных причудливых формах, и большой пруд со старым серым фонтаном посередине. Но клумбы были обнажены, а фонтан не бил. Это не был запертый сад. Как можно запереть сад? Ведь в сад всегда можно войти...

Она думала как раз об этом, когда увидела, что в конце дорожки, по которой она шла, находится длинная стена, вся покрытая плющом. Мери была недостаточно знакома с Англией, чтоб догадаться, что она приближалась к фруктовому саду и огороду.

Она подошла к стене и увидела зеленую калитку, которая была открыта. Это, очевидно, не был запертый сад, и сюда можно было войти.

Пройдя в калитку, она увидела, что это был сад, обнесенный вокруг стеною, и что таких садов было несколько; все они, очевидно, сообщались между собой. Потом она увидела еще одну открытую зеленую калитку, сквозь которую виднелись кусты и дорожки между грядами зимних овощей. Фруктовые деревья росли возле самой стены, а некоторые из грядок были прикрыты стеклянными рамами. Мери постояла, посмотрела вокруг и решила, что все это очень некрасиво и голо. Летом, когда все было зелено, сад, быть может, выглядел красивее, но теперь в нем ничего красивого не было.

Через несколько минут из калитки, ведущей в другой сад, вышел старик с заступом на плече. Когда он увидел Мери, на лице его выразилось изумление, и он слегка приподнял шляпу. Лицо у него было угрюмое, и ему, видно, не особенно приятно было встретить Мери; но ей не нравился его сад, выражение лица у нее тоже было неприветливое, и встрече со стариком она тоже не особенно обрадовалась.

– Что здесь такое? – спросила Мери.

– Один из огородов, – ответил он.

– А там что? – сказала она, указывая на растворенную зеленую калитку.

– Еще один, – коротко ответил он. – А по ту сторону стены еще один, а за ним еще огород.

– Можно мне туда пойти? – спросила Мери.

– Если хочешь... Только смотреть там нечего.

Мери ничего не ответила. Она направилась прямо по дорожке и прошла через вторую зеленую калитку. Там она опять увидела стены, опять зимние овощи и стеклянные рамы, но во второй стене была еще одна зеленая калитка, которая не была отперта. Быть может, она вела в тот сад, которого никто не видел уже десять лет.

Так как Мери никогда не была робкой и всегда делала все что хотела, то она подошла к зеленой калитке и повернула ручку. Она думала, что калитка не откроется, потому что ей хотелось верить, что она нашла таинственный сад, но калитка отворилась легко, и когда Мери прошла через нее, она очутилась в фруктовом саду. Он тоже был обнесен стеною, возле которой росли фруктовые деревья, но зеленой калитки там не было. Мери стала искать ее, потому что когда она дошла до другого конца сада, то заметила, что стена там не кончалась, а тянулась дальше. За стеной виднелись вершины деревьев, и, когда Мери остановилась, она увидела птичку с ярко-красной грудью, сидевшую на самой высокой ветви одного из них. Птичка вдруг запела почти в ту же самую минуту, когда увидела Мери, точно стала звать ее.

Мери остановилась и стала слушать; и почему-то такой веселый, ласкающий свист вызвал в ней приятное чувство. Даже угрюмый, неприветливый ребенок может чувствовать себя оди-

ноким; а большой запертый дом, широкая обнаженная степь и обширные обнаженные сады вызвали в Мери такое чувство, как будто во всем свете никого не осталось, кроме нее одной. Если бы она была ласковым ребенком, который привык к тому, чтобы его любили, то она бы сильно затосковала, но даже угрюмая Мери чувствовала себя заброшенной, и веселая красногрудая птичка вызвала на ее хмуром лице нечто похожее на улыбку.

Она стояла и слушала птичку, пока та не улетела. Птичка эта вовсе не походила на птиц в Индии и очень понравилась Мери. Она подумала о том, увидит ли ее еще когда-нибудь. Быть может, она жила в таинственном саду и хорошо знала его!

Мери, вероятно, потому так много думала о запущенном саде, что ей нечего было делать. В ней проснулось любопытство, и ей захотелось увидеть, что это за сад. Почему мистер Арчибалд Крэвен зарыл ключ? Если он так любил свою жену, почему он так ненавидел ее сад? Она подумала о том, увидит ли она когда-нибудь мистера Крэвена, и решила, что если увидит, то он ей не понравится, она ему тоже не понравится, и она будет стоять и смотреть на него, не говоря ни слова, даже если ей страшно захочется спросить его, почему он сделал такую странную штуку.

«Я никогда не нравлюсь людям, и люди не нравятся мне, – подумала она. – И я никогда не умела говорить так, как дети Моррисона. Они всегда говорили, и смеялись, и шумели».

Она подумала о красношейке, как она запела будто ради нее одной, и, вспомнив о дереве, на котором сидела птичка, внезапно остановилась.

– Мне кажется, это дерево растет в таинственном саду, я уверена в этом, – сказала она. – Там была стена, но не было калитки.

Она вернулась в первый фруктовый сад и нашла там старика, который копал землю. Она подошла, остановилась возле него и несколько минут холодно смотрела на него.

Он не обратил на нее внимания, и она, наконец, заговорила с ним.

– Я была в остальных садах, – сказала она.

– Тебе ничто не помешало, – брюзгливо ответил он.

– Я зашла во фруктовый сад.

– Там у калитки собак нет, – ответил он.

– Но там больше нет калитки в другой сад, – сказала Мери.

– В какой сад? – спросил он грубо, на секунду перестав копать.

– В тот сад, по другую сторону стены, – ответила Мери. – Там есть деревья – я видела их верхушки. На одном из них сидела птичка с красной грудью и пела.

К ее великому удивлению, выражение его угрюмого обветренного лица вдруг переменялось. По лицу медленно расползлась улыбка, и у старого садовника вдруг стал совсем другой вид. Мери вдруг подумала – и это показалось ей странным, – что человек выглядит гораздо лучше, когда он улыбается. Прежде она никогда не думала об этом.

Садовник вдруг обернулся в сторону фруктового сада и начал свистеть – тихо и нежно. Мери никак не могла понять, как такой угрюмый человек мог издавать такие ласкающие звуки.

В следующую минуту произошло нечто удивительное. Она услышала мягкий шелест крыльев в воздухе – это летела к ним птичка с красной грудью. Она уселась на большой глыбе земли, очень близко к ноге садовника.

– Вот она, – ласково сказал садовник и стал говорить с птичкой, точно с ребенком: – Ты где была, маленькая попрошайка? Я тебя только сегодня увидел!

Птичка наклонила головку набок и глядела прямо на него своим блестящим глазом, похожим на капельку черной росы. Она, казалось, ничуть не боялась, она прыгала и быстро долбила клювом, отыскивая семена и насекомых. В сердце Мери шевельнулось какое-то странное чувство, потому что птичка была такая веселая и красивая и казалась настоящей особой. У нее было маленькое толстое тельце, тоненький клюв и тоненькие стройные ножки.

– Она всегда прилетает, когда вы ее зовете? – почти шепотом спросила Мери.

– Да, почти всегда. Я знаю ее с тех пор, как она была маленьким птенчиком. Она вылетела из гнезда в другом саду и когда в первый раз перелетела через стену, то была слишком слаба, чтобы улететь назад; в эти несколько дней мы и подружились. Когда она опять улетела по другую сторону стены, все остальные птицы уже покинули гнездо; она осталась совсем одна и вернулась ко мне.

– Что это за птичка? – спросила Мери.

– А ты не знаешь? Это малиновка, ласковая, любопытная птичка. Эти птички почти так же ласковы, как и собачки, если только уметь с ними обходиться. Посмотри-ка, как она тут роется и поглядывает на нас! Она знает, что мы о ней говорим!

И старик с любовью и гордостью посмотрел на красногрудую птичку.

– И любопытна же она, – продолжал он со смехом, – всегда является посмотреть, что я сажаю. Она все это знает. Мистер Крэвен ничуть об этом не заботится. Это она главный садовник.

Птичка продолжала прыгать, усердно клюя что-то и по временам поглядывая на них обоих. Мери казалось, что ее глазки, похожие на капли черной росы, смотрели на нее с большим любопытством, как будто она хотела познакомиться с нею поближе. В сердце Мери шевельнулось какое-то странное чувство.

– А куда улетели остальные птенцы? – спросила Мери.

– Неизвестно. Старые птицы выталкивают их из гнезда и учат летать, и все они очень скоро разлетаются в разные стороны. А эта вот была умница и поняла, что она одинока.

Мери подошла поближе к птице и пристально поглядела на нее.

– Я одинока, – сказала она.

Мери прежде не понимала, что именно это и делало ее такой кислой и сердитой; она, казалось, поняла это только тогда, когда поглядела на птичку, а птичка на нее.

Старый садовник сдвинул шапку со своей лысой головы и с минуту смотрел на Мери.

– Это ты – девочка из Индии? – спросил он.

Мери кивнула головой.

– Неудивительно, что ты одинока, – сказал он.

Он снова начал копать, всаживая заступ глубоко в жирную черную землю, а птичка все прыгала вокруг него с озабоченным видом.

– Как вас зовут? – спросила Мери.

Он выпрямился, чтобы ответить ей.

– Бен Уэтерстафф, – сказал он и потом добавил с кислой улыбкой: – Я тоже одинок, когда ее нет со мной! – Он ткнул пальцем в направлении птички. – Она мой единственный друг.

– А у меня совсем нет друзей, – сказала Мери, – и никогда не было. Моя айэ не любила меня, и я никогда ни с кем не играла.

Йоркширцы обычно откровенно высказывают свои мысли, а старый Бен был настоящий йоркширец.

– Ты и я очень похожи друг на друга, – сказал он. – Мы с тобой вытканы из одних и тех же нитей. Оба мы некрасивы, и оба на самом деле так же кислы, как выглядим. Бьюсь об заклад, что у нас обоих одинаково скверный характер.

Это было довольно прямо и резко, а Мери Леннокс никогда в жизни не слышала правды о себе. Слуги в Индии всегда преклонялись и подчинялись, что бы с ними ни делали. О своей наружности она вообще никогда не думала, но теперь ей пришла в голову мысль, действительно ли она так непривлекательна, как и Бен, и был ли у нее такой же кислый вид теперь, как и до появления птички. Ей стало не по себе.

Близ нее вдруг раздалась ясная, чистая трель, и она быстро обернулась. Она стояла в нескольких шагах от молодой яблони, на одной из ветвей которой уселась малиновка и начала петь. Бен рассмеялся.

– Почему она запела? – спросила Мери.

– Она решила подружиться с тобой, – ответил Бен. – Ты ей, видно, пришлась по нраву!

– Я?! – воскликнула Мери и шагнула поближе к яблоне, глядя вверх. – Хочешь подружиться со мной? – сказала она птице, как будто говорила с человеком. – Хочешь?

Она сказала это не своим обычным чопорным тоном и не повелительным «индийским» тоном, но так нежно и ласково, что старый Бен был так же изумлен, как и она, когда впервые услышала, как он свистал.

– Как ты это хорошо и ласково сказала, – воскликнул он, – как будто ты и в самом деле ребенок, а не чопорная старуха! Ты говорила почти так же, как Дикон говорит со своими любимцами в степи.

– А вы знаете Дикона? – спросила Мери, быстро обернувшись к нему.

– Его все знают. Дикон ходит повсюду. Даже ягоды и цветы его знают. Я думаю, что ему лисицы показывают, где их детеныши, и жаворонки от него не прячут гнезд.

Мери очень хотелось задать еще несколько вопросов. В ней заговорило такое же любопытство по отношению к Дикону, как и по отношению к заброшенному саду. Но в эту минуту малиновка, которая перестала петь, тряхнула крылышками, расправила их и улетела.

– Она перелетела по ту сторону стены! – воскликнула Мери, следя за ее полетом. – Она полетела во фруктовый сад... а теперь она уже за второй стеной... в том саду, где нет калитки!

– Она там живет, – сказал старый Бен, – там она вылупилась из яйца где-нибудь между розовыми кустами.

– А там есть розовые кусты? – спросила Мери.

Бен снова взялся за заступ и начал копать.

– Были... десять лет тому назад, – пробормотал он.

– Я бы хотела их увидеть, – сказала Мери. – Где зеленая калитка? Где-нибудь ведь должна быть калитка!

Бен сунул заступ глубоко в землю, и вид у него стал такой же недружелюбный, как и в первую минуту, когда Мери увидела его.

– Была... десять лет тому назад, а теперь ее нет, – сказал он.

– Нет калитки! – воскликнула Мери. – Она должна быть!

– Нет ее, и никто ее не может найти, и никого это не касается. А ты не будь надоедливой и не суй своего носа, куда не надо! Ну, мне теперь надо работать. Ступай себе играть; у меня больше нет времени!

И он перестал копать, вскинул заступ на плечо и отошел, не взглянув на нее и даже не простившись.

Глава VI

На первых порах один день был похож на другой для Мери Леннокс. Каждое утро она просыпалась в своей комнате с ткаными обоями и видела Марту, стоявшую на коленях возле камина, чтобы развести огонь; каждое утро она завтракала в своей «детской», где ей нечем было развлечься, и каждый день после завтрака смотрела в окно, на обширную степь, которая раскидывалась во все стороны и сливалась с горизонтом; посмотрев некоторое время, она приходила к заключению, что, если она не выйдет, ей придется сидеть без всякого дела, и поэтому она выходила.

Чрез несколько дней, проведенных почти исключительно на свежем воздухе, она проснулась однажды утром очень голодная. Усевшись завтракать, она уже не оттолкнула чашки с презрительным видом, но сразу взяла ложку и стала есть; ела она до тех пор, пока чашка не стала пустой.

– Ты отлично справилась с этим сегодня, – сказала Марта.

– Сегодня это было очень вкусно, – сказала Мери, сама немного удивленная.

– Это степной воздух дает тебе аппетит, – сказала Марта. – Ты счастливица: у тебя не только аппетит есть, но и еда. А у нас в коттедже – нас двенадцать человек – у всех желудки, а положить в них нечего. Ты играй на воздухе каждый день и не будешь такая желтая.

– Я не играю, – сказала Мери. – Мне нечем играть.

– Нечем играть! – воскликнула Марта. – Наши дети играют прутьями, камешками, бегают, кричат, смотрят на все кругом.

Мери не кричала, но тоже стала рассматривать все; больше ей нечего было делать. Она обходила вокруг садов, бродила по дорожкам парка. Иногда она искала старого Бена и хотя несколько раз видела его за работой, но он был или слишком занят, или слишком угрюм, чтоб поглядеть на нее. Однажды, когда она направилась к нему, он поднял свой заступ и отвернулся, как будто нарочно.

Чаще всего она гуляла по тропинке возле стены, окружавшей сады. По обе стороны тропинки были незасаженные клумбы, а стены заросли густым плющом. В одном месте выющая темно-зеленая листва была особенно густа, как будто за ней долгое время никто не присматривал.

Спустя несколько дней после встречи с Беном Мери заметила это и остановилась, удивляясь, почему это так. Она стояла и смотрела на ветку плюща, качавшуюся от ветра, как вдруг перед ней блеснуло что-то красное и послышалось звучное чириканье. На стене сидела малиновка старого Бена, глядя вниз, с вытянутой шейкой и наклоненной набок головкой.

– О! Это ты! – крикнула Мери, и ей ничуть не показалось странным, что она заговорила с птичкой, как будто та могла понять ее или ответить ей.

Птичка действительно ответила ей: она защебетала и запрыгала, словно рассказывала ей о чем-то. Мери засмеялась, и когда птичка пустилась лететь вдоль стены, она побежала за ней. Бедная маленькая Мери – худая, желтая, она в эту минуту казалась почти красивой.

– Я люблю тебя! – крикнула она и даже попыталась засвистать, чего вовсе не умела делать. Но птичка казалась вполне довольной: она тоже стала свистать в ответ и, наконец, расправив крылья, смело взлетела на вершину дерева, уселась там и громко запела.

Это напомнило Мери тот день, когда она впервые увидела птичку. Тогда птичка качалась на вершине дерева, а Мери стояла в фруктовом саду. Теперь она была с другой стороны фруктового сада и стояла на тропинке возле стены, за которой виднелось то же самое дерево.

– Это тот сад, в который нельзя войти, – сказала она самой себе. – Это сад без калитки, и там живет птичка. Как бы мне хотелось посмотреть, что там такое!

Она обошла вокруг стены, тщательно осматривая ее, и убедилась, что калитки в ней не было.

– Это очень странно, – проговорила она. – Бен сказал, что калитки нет, и ее так и нет. Но десять лет тому назад была калитка, потому что мистер Крэвен зарыл ключ в землю.

Все это дало столько пищи ее уму, что она заинтересовалась и решила, что не жалеет о том, что приехала в Миссельтуэйт-Мэнор. В Индии ей всегда было жарко, и она всегда чувствовала такую истому, что ничем не могла заинтересоваться. Свежий степной ветер точно сдувал паутину с ее маленького мозга и оживлял ее.

Она почти весь день провела на свежем воздухе и когда села ужинать вечером, то была очень голодная, сонная и чувствовала приятную усталость.

Она не рассердилась, когда Марта начала болтать, и чувствовала, что ей даже приятно слушать ее; наконец она решила задать ей один вопрос. Задала она его после ужина, усевшись на ковре пред камином.

– Почему мистер Крэвен так не любит этот сад? – спросила она.

Она заставила Марту остаться после ужина, и Марта не противилась. Она была очень молода, привыкла к жизни в коттедже, полном братьев и сестер, и ей было очень скучно внизу, в огромной людской. Марта любила поговорить, а эта странная девочка, которая жила в Индии и имела черных слуг, была для Марты особенно привлекательной новинкой.

Марта уселась на ковре у камина, не дожидаясь приглашения.

– Ты все еще думаешь об этом саде? – спросила она. – Так я и знала. То же самое было и со мной, когда я впервые услышала об этом.

– Почему он его так ненавидел? – настаивала Мери.

Марта поджала под себя ноги и уселась поудобней.

– Послушай-ка, как ветер воет вокруг дома, – сказала она. – Ты теперь не могла бы устоять на ногах, если бы вышла в степь!

– Почему же он его так ненавидел? – опять спросила Мери. Она хотела узнать это, раз Марта тоже знала.

Мери стала выкладывать пред нею свой запас сведений.

– Помни, – сказала она, – миссис Медлок приказала не разговаривать об этом. Здесь есть многое, о чем нельзя разговаривать. Таковы приказания мистера Крэвена. Он говорит, что его несчастья – не наше дело. Если бы не этот сад, он бы не был таким. Это был сад миссис Крэвен; его разбили, когда они только что повенчались. Она очень любила этот сад, и они вместе ухаживали за цветами; ни одного садовника не пускали в сад. Мистер Крэвен с женой уходили в сад, затворяли за собой калитку и по целым часам сидели там, разговаривая и читая.

Она была молоденькая, совсем девочка! В саду стояло старое дерево с согнутой ветвью, вроде скамейки. Она посадила вокруг него розы и всегда сидела на этой ветви. Однажды, когда она там сидела, ветвь сломалась, она упала на землю и так сильно ушиблась, что назавтра умерла.

Доктора думали, что он сойдет с ума и тоже умрет. Поэтому-то он так ненавидит этот сад. С тех пор туда никто не заходил, и он никому не позволяет даже говорить о нем.

Мери больше не задавала вопросов. Она смотрела на красное пламя и прислушивалась к вою ветра, который завывал все громче.

В эту минуту с ней происходило нечто очень хорошее. Это случилось с нею уже в четвертый раз с тех пор, как она приехала. Первое было то, когда ей показалось, что она поняла малиновку, а малиновка ее; второе, что она бегала на свежем воздухе, пока не разгорелась ее кровь; третье, что она впервые в жизни испытала настоящий голод; четвертое, когда она поняла, что значит пожалеть кого-нибудь. Она делала успехи.

Прислушиваясь к вою ветра, она стала прислушиваться еще к чему-то. Она не знала, что это было, потому что сначала едва могла отличить это от завывания ветра. Это был стран-

ный звук – казалось, будто где-то плакал ребенок. Иногда самый звук ветра походил на плач ребенка; но Мери скоро разобрала, что звук раздавался в доме, а не вне дома. Он раздавался где-то очень далеко, но внутри дома. Она обернулась и посмотрела на Марту.

– Ты слышишь, как кто-то плачет? – спросила она.

Марта вдруг смутилась.

– Нет, – ответила она, – это ветер. Иногда кажется, как будто кто-то заблудился в степи и плачет.

– Но послушай, – сказала Мери. – Это где-то в доме, в одном из этих длинных коридоров.

В эту минуту где-то внизу, очевидно, открыли дверь: сильный ветер ворвался в коридор, и дверь комнаты, где они сидели, с треском отворилась. Обе они вскочили на ноги, но в этот момент свет погас, и звук плача пронесся по коридору, более явственный, чем прежде.

– Вот! Слышишь! – воскликнула Мери. – Я тебе говорила! Это кто-то плачет, и это не взрослый человек.

Марта подбежала к двери, затворила ее и повернула ключ; но прежде чем она успела сделать это, они услышали, как в одном из коридоров с шумом захлопнулась дверь, и потом все стихло; даже ветер на несколько секунд перестал выть.

– Это был ветер, – упрямо сказала Марта. – А если не ветер, то маленькая судомойка, Бетти. У нее целый день болели зубы.

Какое-то странное замешательство в ее манерах заставило Мери пристально взглянуть на нее. Ей показалось, что Марта не говорит правды.

Глава VII

На следующий день дождь лил ливнем, и когда Мери выглянула из окна, степи почти не видно было из-за серого тумана. В такой день нельзя было выйти.

– Что вы делаете в вашем коттедже, когда идет такой дождь? – спросила она Марту.

– Стараемся не попасть друг другу под ноги, – ответила Марта. – Ведь нас так много! Мать очень добрая, но и она теряет терпение. Старшие дети идут играть в хлев. А Дикон не обращает никакого внимания на дождь – он все равно уходит, как и в солнечный день. Он говорит, что в дождь видит все то, что не показывается в ясную погоду.

Раз он нашел маленькую лисичку, которая чуть не утонула в своей норе, и принес ее домой за пазухой, чтобы согреть. Старую лису убили неподалеку, а нору затопило, и остальные детеныши утонули. Она и теперь у него.

А еще раз он нашел маленькую ворону, тоже принес домой и приручил. Зовут ее Сажа, потому что она очень черная, и она повсюду скачет и летает следом за ним.

К этому времени Мери уже перестала относиться недружелюбно к фамиллярным разговорам Марты. Она даже стала находить их интересными и жалела, когда Марта уходила. Рассказы ее айэ, когда она жила в Индии, совершенно не походили на рассказы Марты о степном коттедже, где в четырех комнатах помещалось четырнадцать человек, которые никогда не наедались досыта.

– Если б у меня была лисичка или ворон, я бы могла играть с ними, – сказала Мери, – но у меня никого нет.

– Ты вязать умеешь? – спросила Марта.

– Нет! – сказала Мери.

– А шить умеешь?

– Нет!

– А читать умеешь?

– Да.

– Так почему же ты не читаешь или не поучишься складывать?

– У меня нет книг, – сказала Мери. – Те, что у меня были, остались в Индии.

– Очень жаль! – сказала Марта. – Если б миссис Медлок позволила тебе войти в библиотеку! Там тысяча книг!

Мери не спросила, где помещалась библиотека, потому что в голове ее блеснула новая мысль. Она решила сама отыскать библиотеку. Мысль о миссис Медлок ничуть не смущала ее. Миссис Медлок почти всегда сидела в своей уютной комнате внизу. В этом странном доме никого не было, кроме слуг, которые в отсутствие господина жили вольной жизнью в нижнем этаже, где помещалась огромная кухня, увешанная блестящей медной и оловянной посудой, и большая столовая для слуг.

Мери регулярно присылали завтрак, обед и ужин. Марта прислуживала ей, но никому не было до нее ни малейшего дела. Миссис Медлок заходила к ней раз в день или в два дня, но никто не спрашивал Мери, что она делает, и никто не говорил ей, что ей надо делать. Она думала, что это, вероятно, был английский обычай – так относиться к детям. В Индии ей всегда прислуживала ее айэ, которая ходила следом за ней и исполняла все ее желания, и очень часто ее общество надоедало Мери. Теперь же никто за нею не ходил, и она приучилась одеваться сама, потому что каждый раз, когда она хотела, чтобы ее одели или подали что-нибудь, у Марты был такой вид, как будто она считала Мери очень глупой и бестолковой.

– Разве у тебя ума нет? – спросила Марта однажды, когда Мери стояла и ждала, пока она ей наденет перчатки. – Наша Сюзан вдвое смысленнее тебя, а ей всего четыре года. Иногда ты кажешься совсем глупышкой.

После этого Мери целый час дулась, но это возбудило в ней много новых мыслей.

После того как Марта подмела пол и ушла вниз, Мери еще около десяти минут стояла у окна; она была занята той новой мыслью, которая явилась у нее, когда она услышала о библиотеке. До самой библиотеки ей было мало дела, потому что ей не очень-то хотелось читать, но разговор о ней напомнил ей рассказ о сотне комнат с затворенными дверями. Она думала, на самом ли деле все они заперты и что бы она увидела, если бы могла войти в одну из комнат. Неужели их была сотня? Почему бы ей не пойти посмотреть, сколько она насчитает?

Ее никогда не учили спрашивать позволения сделать что-нибудь, она не знала, что значит авторитет, и ей не могла прийти в голову мысль спросить позволения миссис Медлок, даже если б она ее увидела.

Она отворила дверь, вышла в коридор и пустилась бродить. Это был длинный коридор, из которого шли еще другие; ей пришлось подняться на несколько ступеней, потом еще на несколько. Повсюду были двери, двери, а на стенах висели картины. Иногда на них были изображены странные темные ландшафты, но по большей части это были портреты мужчин и дам в странных пышных костюмах из атласа и бархата.

Скоро она очутилась в длинной галерее, стены которой были сплошь увешаны такими портретами. Она никогда не думала, что их может быть такое множество в одном доме.

Она медленно прошла по галерее, глядя на лица портретов, которые, казалось, глядели на нее. Ей чудилось, будто они удивляются, что девочка из Индии очутилась у них в доме.

Там были и портреты детей – девочек в тяжелых атласных платьях, доходивших до самого пола, и мальчиков с длинными волосами, в кружевных воротниках.

Она всегда останавливалась у портретов детей, думая о том, как их звали, куда они исчезли и почему носили такую странную одежду. Один портрет изображал чопорную некрасивую девочку, похожую на нее самое. На ней было зеленое глазетовое платье, а на пальце сидел зеленый попугай. Взгляд у нее был острый и любопытный.

– Где ты теперь живешь? – громко спросила ее Мери. – Я бы хотела, чтобы ты была теперь здесь.

Ни одна девочка, вероятно, никогда не проводила время так странно. Ей казалось, что во всем громадном доме была только одна она – маленькая девочка в черном платьице, бродившая вниз и вверх по лестницам, по широким или узким коридорам, по которым никто, кроме нее, никогда не ходил.

Если было построено столько комнат, то в них, вероятно, жили люди когда-то, но теперь повсюду было так пусто, что ей не верилось, будто это могло быть так на самом деле.

Когда она добралась до второго этажа, ей вздумалось повернуть ручку одной из дверей. Все двери были затворены, как ей сказала миссис Медлок, и она взялась за ручку одной и повернула ее. Она немного испугалась, когда почувствовала, что ручка повернулась очень легко и что при первом толчке сама дверь медленно и тяжело отворилась. Это была массивная дверь, которая вела в большую спальню. На стенах были тканые обои, а около стен стояла мебель с инкрустацией – такая, какую она часто видала в Индии. Широкое окно свинцовым переплетом выходило в степь, а над камином висел еще один портрет чопорной некрасивой девочки, которая, казалось, глядела с бо́льшим любопытством, чем прежде.

– Быть может, она когда-нибудь спала здесь, – сказала Мери. – Она так смотрит на меня, что я себя чувствую как-то странно.

После этого она открыла еще несколько дверей, потом еще несколько. Она видела столько комнат, что начала уставать, и решила, что их, вероятно, была сотня, хотя она и не считала. Во всех комнатах были старые картины или старые тканые обои со странными изображениями, и почти в каждой комнате была странная мебель и странные украшения.

В одной комнате, похожей на дамский будуар, обои были бархатные, а в шкафчике стояло около сотни маленьких слонов, выточенных из слоновой кости. Все они были различной вели-

чины, и у некоторых на спинах были паланкины или погонщики. Мери видела такие вещички в Индии; открыв дверь шкафчика, она стала на маленькую скамеечку и начала играть ими. Когда ей это надоело, она расставила слонов в прежнем порядке и затворила дверь шкафчика.

Бродя по длинным коридорам и нежилым комнатам, она не встретила ни одного живого существа, но в этой комнате увидела его.

После того как девочка затворила дверцу шкафчика, она слышала какой-то легкий шорох. Она вскочила и стала осматривать стоявший у камина диван, откуда этот шорох слышался. В углу дивана лежала бархатная подушка, в которой была дыра, а из этой дыры выглядывала крохотная головка с парой испуганных глаз.

Мери осторожно подошла поглядеть. Блестящие глаза принадлежали маленькой серой мыши, которая прогрызла дыру в подушке и устроила там жильё. Возле нее лежало шестеро спящих мышат.

– Если бы они не испугались, я бы их взяла с собой, – сказала Мери.

Она так долго бродила по дому, что очень устала и вернулась обратно. Два-три раза она заблудилась, повернув не туда, куда следовало, и ей пришлось бродить взад и вперед по коридорам, пока она не попала в тот, куда ей надо было. В конце концов она очутилась на том этаже, где жила, но на некотором расстоянии от своей комнаты и не сразу могла разобрать, где она находилась.

– Мне кажется, я опять повернула не туда, куда следовало, – сказала она вслух, стоя в конце короткого коридора с ткаными обоями на стенах. – Не знаю, куда идти. Как тихо всюду!

Она еще стояла там и не успела еще кончить фразы, как тишину вдруг нарушил звук. Это опять был крик, но непохожий на тот, который она слышала прошлой ночью. Это был отрывистый крик – капризный визг ребенка, полузаглушенный стенами.

– Это ближе, чем было тогда, – сказала Мери, сердце которой забилось сильнее, – и это плач. – Она нечаянно дотронулась рукой до ковра и испуганно отскочила назад. Ковер прикрывал собою дверь, которая отворилась; за этой дверью было продолжение коридора, по которому шла миссис Медлок со связкой ключей в руке и с сердитым выражением лица.

– Ты что здесь делаешь? – спросила она, схватив Мери за руку и оттащив ее в сторону. – Я что тебе говорила?

– Я повернула не в тот коридор, – объяснила Мери. – Я не знала, куда идти, и слышала, что кто-то плачет.

В эту минуту она возненавидела миссис Медлок, но в следующую минуту возненавидела ее еще больше.

– Ты ничего такого не слыхала, – сказала экономка. – Пойди к себе в детскую, не то я тебя отдеру за уши.

Она схватила ее за руку, таща и толкая по коридору, пока, наконец, не втокнула в ее собственную комнату.

– А теперь, – сказала она, – ты лучше сиди, где приказано, не то тебя запрут. Мистер Крэвен должен взять тебе гувернантку, как обещал. За тобой надо строго присматривать, а у меня и так работы довольно.

Она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Мери села на ковер возле камина, вся бледная от гнева. Она не заплакала, но заскрежетала зубами.

– Кто-то п л а к а л... п л а к а л... п л а к а л, – сказала она себе самой.

Она дважды слышала крик и решила, что когда-нибудь узнает, в чем дело. В это утро она уже узнала многое. Она чувствовала себя так, будто совершила длинное путешествие и, во всяком случае, немного развлеклась: она успела поиграть костяными слонами и видела серую мышь с детенышами в норке в бархатной подушке.

Глава VIII

Чрез два дня после этого, когда Мери проснулась утром, она сейчас же села в постели и позвала Марту:

– Посмотри-ка на степь! Посмотри-ка.

Дождь прекратился, а облака унесло ветром. Ветер тоже утих, и над степью высился ярко-голубой свод неба. Мери никогда даже не снилось, что небо бывает такое голубое. В Индии небо всегда было точно раскаленное, а здесь оно было такого ярко-голубого цвета, что казалось каким-то чудным, блестящим, бездонным озером; там и сям, высоко в этом голубом своде, носились маленькие белые перистые облачка. Широкий простор степи тоже был мягко-голубой, а не мрачно-багряный или серый.

– Да, буря прошла, – радостно сказала Марта. – Всегда бывает так в это время года – за ночь все проходит, как будто бури никогда не было и никогда не будет. Это потому, что весна идет. Она еще далеко, но все-таки идет.

– А я думала, что в Англии всегда дождь и всегда хмуро, – сказала Мери.

– О, нет! – сказала Марта. – В Йоркшире, когда ясно, то яснее, чем везде на свете. Я тебе говорила, что ты привыкнешь и станешь любить степь. Ты только подожди – увидишь, как зацветет золотистый дрок, и вереск, и пурпурные колокольчики; станут порхать бабочки, зажужжат пчелы и запоют жаворонки. Тогда тебе захочется встать на рассвете и быть целый день в степи, как делает наш Дикон.

– А можно будет мне пойти туда? – с любопытством спросила Мери, глядя в окно на голубой простор.

– Не знаю, – ответила Марта. – Мне кажется, что ты от роду не пользовалась своими ногами, ты не могла бы пройти пяти миль. До нашего коттеджа ведь пять миль.

– Мне хотелось бы видеть ваш коттедж, – сказала Мери.

Марта с секунду пристально глядела на нее, потом снова взялась за свои щетки и стала чистить каминную решетку. Она подумала, что в эту минуту маленькое некрасивое личико девочки вовсе не казалось таким кислым, как в то утро, когда она впервые увидела ее.

– Я спрошу мою мать, – сказала она. – Она всегда найдет способ сделать что надо. Сегодня – мой день, и меня отпускают домой. Я очень рада! Миссис Медлок очень уважает мою мать, может быть, она с нею поговорит.

– Я люблю твою мать, – сказала Мери.

– Еще бы! – сказала Марта, продолжая чистить.

– Я ее никогда не видала, – сказала Мери.

– Конечно, нет, – ответила Марта, – но она такая умная, работающая, добрая, опрятная, что ее любят все, кто видел и кто не видел. Когда я иду домой по степи, я прыгаю от радости.

– Я люблю и Дикона, – добавила Мери, – а я и его никогда не видала.

– Я уже говорила тебе, – гордо сказала Марта, – что его любят и птицы, и зайцы, и дикие овцы, и даже лисицы. Знаешь ли, о чем я думаю, – добавила она, сосредоточенно глядя на девочку, – понравилась бы ты Дикону или нет?

– Не понравилась бы, – сказала Мери своим чопорным, холодным тоном. – Я никому не нравлюсь.

– А сама себе ты нравишься? – спросила Марта, как будто ей на самом деле надо было знать это.

Мери с секунду колебалась, как бы обдумывая ответ.

– Нет... совсем не нравлюсь, – ответила она. – Но до сих пор я никогда не думала об этом.

Марта ушла, как только подала Мери ее завтрак. Ей предстояло пройти пять миль по степи, чтобы добраться до своего коттеджа.

Зная, что Марта ушла, Мери почувствовала себя особенно одинокой. Она быстро выбежала в сад и сначала обежала десять раз вокруг фонтана; ей стало немного веселее. Потом она отправилась в фруктовый сад и там увидела Бена, который работал с двумя другими садовниками. Перемена погоды, очевидно, хорошо подействовала на него, и он сам заговорил с Мери.

– Весна идет, – сказал он. – Чуешь ее запах?

Мери понюхала воздух.

– Пахнет чем-то хорошим, свежим и влажным, – сказала она.

– Это землей пахнет, – объяснил Бен. – Вон там, в цветниках, скоро все зашевелится в темноте, под землей. Солнце греет, и ты увидишь, как из-под земли скоро станут показываться зеленые острия...

– А что это будет? – спросила Мери.

– Подснежники, нарциссы... Ты их когда-нибудь видела?

– Нет. В Индии все зелено, и тепло, и влажно после дождей. Мне кажется, что там все вырастает в одну ночь.

– Нет, это не вырастет в одну ночь, – сказал Бен. – Тебе придется ждать и следить!

– Буду, – ответила Мери.

Скоро она услышала мягкий шелест крыльев и сразу догадалась, что это опять прилетела малиновка. Она была очень хлопотлива и весела, прыгала возле самых ног Мери и, склонив головку набок, так хитро глядела на нее, что Мери спросила Бена:

– Вы думаете, она меня помнит?

– Помнит ли! – негодуя воскликнул Бен. – Да она знает всякую кочерыжку в овраге, не только людей. Она здесь никогда не видала маленькой девочки, и ей хочется все разузнать про тебя...

– А в том саду, где она живет, тоже все шевелится под землей? – спросила Мери.

– В каком саду? – проворчал Бен, опять став угрюмым.

– А там, где розовые кусты. – Мери не могла удержаться от этого вопроса, потому что ей страшно хотелось узнать. – Там все цветы умерли или некоторые оживают летом? А розы там есть?

– Спроси у нее, – сказал Бен, двинув плечом в направлении малиновки. – Она одна это знает. Там уже десять лет никто не бывал.

Мери подумала, что десять лет – очень долгий срок. Она родилась целых десять лет тому назад.

Она отошла, медленно соображая. Она начинала любить сад, как полюбила птичку, и Дикона, и мать Марты. Она начинала любить и Марту тоже. Ей казалось, что любит очень многих людей, в особенности потому, что не привыкла любить никого. (Она и о птичке думала, как о человеке.)

Она вышла на дорожку возле заросшей плющом стены, над которой виднелись верхушки деревьев, и, когда проходила по ней во второй раз, с ней случилось нечто интересное и удивительное, и все благодаря птичке Бена Уэтерстаффа.

Мери услышала щебетанье птицы и, посмотрев на обнаженную клумбу слева, увидела малиновку, которая прыгала и делала вид, что вытаскивает что-то из земли, как будто желая доказать Мери, что вовсе не следовала за нею. Но Мери знала, что она шла следом за нею, и это наполнило ее таким восторгом, что она даже задрожала.

– Ты помнишь меня! – воскликнула она. – Помнишь! Ты красивее всего на свете!

Мери болтала и манила птичку, а птичка прыгала и чирикала, точно разговаривая с нею.

Цветочная клумба была не совсем обнажена; на одном конце ее росла группа кустов, и когда малиновка прыгала меж ними, Мери заметила, что она перепрыгнула через маленькую кучку свежевзрытой земли. Земля была взрыта потому, что собака старалась поймать крота и вырыла довольно глубокую яму.

Мери посмотрела на это, не зная даже, каким образом там оказалась яма, и вдруг увидела нечто, почти совсем прикрытое свежевскопанной землей. Это было нечто похожее на ржавое железное или медное кольцо; когда малиновка взлетела на дерево, Мери протянула руку и подняла кольцо. Оказалось, что это не кольцо, а старый ключ, который, похоже, очень долгое время был зарыт в земле.

Мери поднялась и с испуганным лицом поглядела на ключ, висевший у нее на пальце.

– Он, может быть, был зарыт целых десять лет, – сказала она шепотом. – Это, может быть, ключ от того сада!

Глава IX

Мери долгое время смотрела на ключ, вертела его во все стороны и все думала о нем. Как уже было сказано прежде, она не была таким ребенком, которого приучили спрашивать позволения или совета старших относительно чего бы то ни было. Она думала о ключе только то, что если этот ключ от запертого сада и если она могла бы отыскать калитку, то можно было бы отпереть ее этим ключом, посмотреть, что находится за стенами и что случилось со старыми розовыми кустами.

Ей очень хотелось видеть этот сад только потому, что он был заперт такое долгое время. Ей казалось, что этот сад какой-то особенный и что в течение десяти лет там должно было произойти нечто удивительное. Кроме того, она думала, что если сад ей понравится, то можно будет ходить туда каждый день, запирасть за собой калитку и играть совсем одной. Никто не знал бы, где она, потому что все думали бы, что калитка заперта и ключ зарыт в землю. Эта мысль очень понравилась ей.

Она жила почти одна в большом доме с сотней таинственных запертых комнат и не находила ничего, что могло бы занять или развлечь ее, и именно это расшевелило ее дремавший мозг и разбудило ее воображение. Этому, конечно, немало способствовал и чистый, бодрящий, свежий воздух степи. В Индии Мери всегда было жарко и она всегда была такая вялая и слабая, что у нее не возникало никаких желаний, здесь же ей хотелось сделать что-нибудь новое.

Она положила ключ в карман и стала ходить взад и вперед по дорожке. По ней, казалось, никто никогда не проходил, кроме Мери, и она могла прохаживаться очень медленно, глядя на стену или, лучше сказать, на покрывавший ее плющ. Этот плющ сбивал ее с толку: сколько она ни глядела, она ничего не видела, кроме частых блестящих темно-зеленых листьев. Она была очень разочарована; ей казалось нелепым то, что она так близко и не может войти внутрь. С ключом в кармане она отправилась домой, решив, что во время прогулок всегда будет носить его в кармане, чтобы быть готовой, если она найдет скрытую калитку.

Миссис Медлок позволила Марте ночевать в коттедже, но на следующее утро она снова была за работой, более румяная, чем всегда, и в прекрасном расположении духа.

– Я встала в четыре часа, – заговорила она. – Как славно в степи утром: солнце восходит, птицы просыпаются, зайцы снуют повсюду. Я не всю дорогу прошла пешком, меня какой-то мужчина подвез на тележке.

И она пустилась рассказывать, как хорошо она провела свой свободный день. Мать ей очень обрадовалась, и они справились и со стиркой, и с печеньем. Она даже каждому из детей испекла по сладкому пирожку.

Они были горячие, когда дети пришли из степи. И в доме так хорошо пахло горячей выпечкой, и огонь так хорошо пылал в очаге, что дети визжали от радости. Наш Дикон говорит, что у нас в коттедже так хорошо, что сам король мог бы жить в нем.

Вечером все они сидели у очага, Марта рассказывала детям про девочку, которая приехала из Индии и которой всю ее жизнь прислуживали чернокожие, так что она сама даже чулок не умела надеть.

– Им очень понравились рассказы про тебя, – сказала Марта. – Им все хотелось узнать и про чернокожих, и про корабль, на котором ты приехала. Сколько я им ни рассказывала, все было мало.

Мери на секунду задумалась.

– Я тебе расскажу еще многое, прежде чем ты пойдешь домой в следующий раз, – сказала она. – Тогда тебе будет о чем порассказать. Я уверена, что им хотелось бы услышать про езду на слонах и верблюдах и про охоту на тигров... А Дикону и твоей матери тоже нравилось слушать эти рассказы обо мне?

– Еще бы! У Дикона глаза сделались такие круглые, что чуть не выскочили из головы, – сказала Марта. – А матери моей стало жаль тебя, потому что ты живешь почти одна. «Неужели мистер Крэвен не взял ей гувернантки или няни?» – говорит она. А я говорю: «Нет, не взял, хотя миссис Медлок сказала, что возьмет, когда вспомнит; но он может года два-три не вспомнить про это».

– Не надо мне гувернантки, – резко сказала Мери.

– Но моя мать говорит, что тебе уже пора учиться по книжкам и надо к тебе приставить женщину. «Каково бы тебе было, – говорит она, – в таком громадном доме, совсем одной и без матери! Ты постарайся развеселить ее», – говорит она. Я ей обещала это.

Мери пристально и долго смотрела на нее.

– Мне с тобой веселее, – сказала она. – Я люблю слушать твои разговоры.

Скоро Марта вышла, но вернулась, держа что-то под фартуком.

– Знаешь ли, – сказала она с веселой улыбкой, – я тебе принесла подарок!

– Подарок! – воскликнула Мери.

Как можно присылать подарки из коттеджа, в котором четырнадцать человек живут впроголодь!

Марта вынула из-под фартука подарок и с гордостью показала его Мери. Это была крепкая тонкая веревочка с полосатыми деревянными ручками на обоих концах. Ее прислала мать Марты. Мери Леннокс никогда еще не видала прыгалки и с недоумением смотрела на нее.

– Для чего это? – с любопытством спросила она.

– Для чего! – воскликнула Марта. – Неужели в Индии совсем нет прыгалок, а только слоны, тигры да верблюды? Для чего это! Ты посмотри на меня!

Она выбежала на середину комнаты и, взяв в руки концы веревки, начала прыгать. Мери с удивлением глядела на нее, и странные лица старых портретов тоже, казалось, глядели на нее, точно удивляясь, как смела эта деревенская девушка делать это. Но Марта даже не замечала их. Любопытство и интерес, выразившиеся на лице Мери, так обрадовали ее, что она продолжала прыгать и прыгала до тех пор, пока отсчитала сто.

– Я могла бы прыгать еще дольше, – сказала она, когда остановилась. – Когда мне было лет двенадцать, я однажды прыгала, пока не отсчитала пятисот!

Мери поднялась со стула, чувствуя, что и она начинает оживать.

– Это, кажется, приятно, – сказала она. – Твоя мать добрая женщина. Как ты думаешь, могу я когда-нибудь выучиться прыгать так?

– А ты попробуй! – сказала Марта, подавая ей веревочку. – Оденься и поди попрыгай на открытом воздухе. Моя мать велела мне сказать тебе, чтобы ты побольше была на воздухе, даже когда дождь идет, – только оденься потеплее.

Мери надела пальто и шляпу и перекинула веревочку через руку. Она уже отворила дверь, чтобы выйти, как вдруг вспомнила о чем-то и медленно обернулась назад.

– Марта, – сказала она, – ведь это было твое жалованье. Это были твои два пенса. Спасибо тебе.

Она сказала это чопорным тоном, потому что не привыкла благодарить кого-нибудь или замечать, когда люди что-нибудь делали для нее.

– Спасибо тебе, – сказала она и протянула руку, потому что не знала, что ей еще надо сделать.

Марта невольно тряхнула ее руку, как будто и она тоже не привыкла к этому. Потом она рассмеялась.

– Ты какая-то странная, точно маленькая старушка, – сказала она. – Если бы ты была наша Эллен, ты бы меня поцеловала.

Мери сказала еще чопорнее:

– Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

Марта снова засмеялась.

– О, нет, – ответила она. – Если бы ты была другая, ты бы, может быть, сама захотела это сделать... Но ты не другая... Беги в сад и играй там.

На душе у Мери было как-то странно, когда она вышла. Эти йоркширцы очень странные люди, и Марта всегда была для нее загадкой. Сначала она не нравилась Мери, а теперь начала нравиться.

Веревочка оказалась удивительной штукой. Мери считала и прыгала, прыгала и считала, пока щеки у нее не покраснелись, и она так увлеклась этим, как никогда ничем не увлекалась.

Она забралась в фруктовый сад, где увидела Бена, который копал землю и толковал с малиновкой, прыгавшей подле него. Мери подбежала к нему, прыгая через веревочку, и он поднял голову и смотрел на нее со странным выражением. Мери думала о том, заметит он ее или нет; ей очень хотелось, чтобы он видел, как она прыгает.

– Ишь ты! – воскликнул он. – Да ты, пожалуй, на самом деле девочка, и в жилах у тебя молодая кровь, а не кислое молоко. Ишь напрыгалась, даже щеки покраснелись! Ни за что бы не поверил.

Мери обежала вокруг всех садов и вокруг фруктового сада, отдыхая каждые несколько минут, и, наконец, направилась к своей любимой дорожке. Ей хотелось попробовать, сумеет ли она пробежать всю длину ее, прыгая через веревочку. Она начала прыгать очень медленно, но на полдороге должна была остановиться, потому что ей стало жарко и у нее перехватило дух. Она остановилась, засмеявшись от удовольствия, и вдруг заметила малиновку, качавшуюся на длинной ветке плюща. Направившись к ней, Мери почувствовала, что с каждым прыжком у нее в кармане постукивает что-то тяжелое, и снова засмеялась.

– Вчера ты мне показала, где был ключ, – сказала она. – А сегодня ты должна была бы указать калитку; но я думаю, что ты не знаешь, где она.

Птичка вспорхнула с качавшейся ветки на вершину стены, широко раскрыла клюв и залилась громкой, чудесной трелью, точно желая похвастаться.

В сказках своей айэ Мери часто слышала про волшебство, и то, что произошло с нею в следующую минуту, она потом всегда называла волшебством.

Вдоль по тропинке вдруг пронесся легкий порыв ветра, более сильный, чем прежде, – настолько сильный, что закачал ветви деревьев и длинные, неподрезанные ветви плюща, которые свешивались со стены. Мери подошла немного ближе к птичке; порывом ветра вдруг отнесло в сторону побеги плюща; Мери быстро прыгнула еще ближе и ухватила за них рукою. Она сделала это потому, что заметила нечто под листвою – круглую ручку, почти скрытую листьями. Это была ручка калитки.

Она сунула руки под листья и стала отодвигать и отдергивать их в сторону. Хотя плющ рос очень густо, он представлял собою как бы движущийся занавес, прикрывавший дерево и железо. От радости и волнения у Мери сильно билось сердце и дрожали руки. Что это такое... у нее под рукой? Какая-то четырехугольная железная штука и в ней скважина...

Это был замок калитки, которая простояла десять лет запертой. Мери сунула руку в карман и вытащила ключ. Он подходил к замку. Она сунула ключ в замок и повернула его. Ей понадобились обе руки, чтобы сделать это, но ключ все-таки повернулся.

Мери глубоко вздохнула и оглянулась назад, на дорожку, чтобы поглядеть, не идет ли кто-нибудь. Но по дорожке, как видно, никто никогда не ходил. Она опять глубоко вздохнула, потому что не могла удержаться от этого, отвела в сторону колыхавшийся занавес листвы и толкнула дверь, которая медленно, медленно отворилась.

Она скользнула внутрь, затворив за собой калитку, прислонилась к ней спиной, оглядываясь кругом и быстро дыша от возбуждения, удивления и радости.

Она стояла в таинственном саду.

Глава X

Это было такое прелестное таинственное место, какое только можно себе представить. Высокие стены, окружавшие сад, покрыты сухими, безлистыми стеблями выющихся роз, такими густыми, что они переплелись меж собою. Мери Леннокс знала, что это розы, потому что видела множество роз в Индии. Теперь на них не было ни листьев, ни цветов, и Мери не знала, живы ли они или мертвы; но тонкие серые или коричневые ветки и побеги представляли собой точно прозрачное покрывало, наброшенное на стены, деревья, даже на желтую траву. Это-то прозрачное покрывало и придавало всему такой таинственный вид.

– Как тихо! – прошептала Мери. – Как тихо!

Она с секунду прислушивалась к тишине. Птичка, взлетевшая на верхушку дерева, тоже притихла, как и всё вокруг. Она сидела неподвижно и глядела на Мери.

– Неудивительно, что здесь тихо! – снова шепнула Мери. – За целых десять лет я первая заговорила здесь.

Она отошла от калитки, ступая так тихо, как будто боялась разбудить кого-то. Она была рада, что под ногами у нее трава и шаги ее беззвучны.

– Неужели они совсем мертвые? – сказала она, глядя на стебли и побеги роз. – Неужели это совсем мертвый сад! Мне бы не хотелось, чтобы это оказалось так.

Но она все-таки была в с а м о м таинственном саду! Она могла проходить через калитку, скрытую плющом, во всякое время и чувствовала себя так, как будто открывала новый, ей одной принадлежащий мир.

Все вокруг было странно и тихо, и ей казалось, что она находится за сотни миль от всех, но в то же самое время она вовсе не чувствовала себя одинокой. Только одно ее смущало – желание знать, были ли все розы мертвы или некоторые могли еще ожить и зацвести, когда погода станет теплей. Если бы этот сад был живой, как чудесно было бы здесь и сколько тысяч роз росло бы повсюду!

Когда она вошла в сад, ее веревочка висела у нее на руке; пройдя некоторое расстояние, она решила, что обежит вокруг всего сада и будет останавливаться только тогда, когда ей захочется что-нибудь рассмотреть.

Там и сям виднелись заросшие травой тропинки, а в двух местах она увидела нечто вроде альковов из хвойных растений, с каменными скамьями и высокими, покрытыми мхом вазами для цветов.

Подбежав ко второму алькову, она вдруг остановилась. Там когда-то была клумба, и ей показалось, что из темной земли торчат какие-то маленькие бледно-зеленые острия. Она вспомнила, что говорил ей Бен, и стала на колени, чтобы поглядеть на них.

– Это маленькие штучки растут, и это, может быть, подснежники или нарциссы, – прошептала она.

Она нагнулась близко, вдыхая свежий запах влажной земли. Он ей очень понравился.

– Быть может, и в других местах тоже растет что-нибудь, – сказала она. – Я обойду весь сад и посмотрю!

Она пошла медленно, глядя на землю. Она осматривала старые клумбы, заглядывала в траву и скоро отыскала еще много острых бледно-зеленых игл, что снова привело ее в волнение.

– Это не совсем мертвый сад! – тихо воскликнула она. – Даже если розы умерли, тут все-таки есть что-то живое.

Она не имела никакого понятия о садоводстве, но в некоторых местах, где зеленые острия пробивались наружу, трава была очень густа, и Мери показалось, что им негде расти. Она искала до тех пор, пока не нашла острую палочку, стала на колени и начала копать и выпалывать траву, так что вокруг зеленых игл образовались маленькие расчищенные полянки.

– Теперь, кажется, им можно будет дышать, – сказала она, кончив работу. – Я буду еще чистить, вычищу везде, где только увижу. Если сегодня у меня не хватит времени, я могу прийти и завтра.

Мери работала в саду до тех пор, пока наступило время обеда. Она вспомнила об этом довольно поздно, и когда она надела пальто и шляпу и взяла свою прыгалку, ей не верилось, что она проработала целых три часа. Ей было так хорошо все это время, и теперь эти десятки зеленых игл, которые виднелись среди расчищенных полянок, имели совсем другой вид, чем тогда, когда трава и сорные растения точно душили их.

– Я опять приду после обеда, – сказала Мери, глядя вокруг на свое новое царство и обращаясь к деревьям и розовым кустам, как будто они могли ее слышать.

Она пустилась бежать по траве, толкнула медленно отворившуюся старую калитку и скользнула под листья плюща. У нее были такие румяные щеки, такие блестящие глаза и она столько ела за обедом, что Марта была в восторге.

– Два куска мяса и две порции пудинга, – сказала она. – Мать моя обрадуется, когда я ей расскажу, что для тебя сделала прыгалка!

Во время работы в саду Мери выкопала какой-то белый корешок, похожий на луковицу. Она сейчас же снова засыпала его землей, сровняла ее и только теперь вспомнила об этом. Марта, вероятно, могла бы объяснить ей, что это такое.

– Марта, – спросила она, – что это за белые корешки, похожие на лук?

– Это цветочные луковицы, – ответила Марта. – Из них весной вырастают всякие цветы. Маленькие – это подснежники и шафран, а большие – это нарциссы и жонкилы. А больше всех – лилии; они очень красивые, и Дикон много их посадил у нас в садике.

– Так Дикон знает все... про цветы? – спросила Мери, в уме которой зародилась новая мысль.

– Наш Дикон умеет выращивать цветы чуть ли не на кирпичках. Мать говорит, что он заставляет их расти нашептываниями.

– А эти луковицы долго живут? Могут они жить целые годы, если им... никто не помогал?

– Они сами себе помогают, – сказала Марта. – Оттого их разводят бедные люди у себя. Если им не мешать, то они разрастаются под землей во все стороны. Возле парка в лесу есть место, где подснежники растут тысячами. Никто не знает, когда их впервые посадили там. Они очень красивые, когда наступает весна.

– Я бы хотела, чтобы наступила весна, – сказала Мери. – Я хотела бы видеть все, что растет в Англии.

Покончив с обедом, она уселась на свое любимое место – на ковре пред камином.

– Мне хотелось бы иметь маленький заступ, – сказала она.

– На что тебе заступ? – смеясь, спросила Марта.

Мери смотрела на огонь и что-то обдумывала. Она думала, что ей надо быть осторожней, если она хочет сохранить свое тайное царство. Она не делала ничего дурного, но если мистер Крэвен узнает про открытую калитку, он очень рассердится, возьмет новый ключ и запрет ее навсегда. Этого она не могла бы перенести.

– Здесь все такое громадное и пустынное, – сказала она медленно, точно соображая что-то. – И в доме пустынно и скучно, и в парке тоже, и в садах тоже. И здесь столько запертых дверей! Я в Индии тоже ничего не делала, но там было больше людей, на которых можно было смотреть, – туземцы и солдаты, которые шли мимо, иногда играл оркестр... И моя айэ рассказывала мне сказки... А здесь не с кем говорить, только с тобой и Беном; тебе надо работать, а Бен очень часто совсем не говорит со мной. Я думаю... если бы у меня был маленький заступ, я тоже могла бы копать землю где-нибудь, как Бен, и потом устроила бы себе садик, если бы он дал мне семян!

Лицо Марты вдруг точно осветилось.

– Вот, вот! – воскликнула она. – То же самое говорила моя мать. Здесь так много места, говорит она, почему же не дать девочке клочок земли!

– А сколько стоит заступ – маленький? – спросила Мери.

– В деревне есть две лавки, и я видела там маленькие садовые орудия: заступ, грабли и вилы – все за два шиллинга. И все это крепкое, чтобы можно было работать.

– У меня в кошельке есть больше двух шиллингов, – сказала Мери. – Миссис Моррисон дала мне пять шиллингов, и миссис Медлок тоже дала мне денег – это от мистера Крэвена.

– Неужели он помнит тебя! – воскликнула Марта.

– Миссис Медлок сказала, что я буду получать шиллинг в неделю, чтобы тратить. Она каждую субботу дает мне его, но я не знаю, на что его истратить.

– Да это богатство, право, – сказала Марта. – Ты можешь купить, что тебе угодно. Рента за наш коттедж – всего шиллинг и три пенса, но достать эти деньги – все равно что зуб вырвать... Я что-то вспомнила, – сказала она, упершись руками в бока.

– Что такое? – жадно спросила Мери.

– В лавке в деревне продают пакетики цветочных семян по пенни за штуку, и наш Дикон знает, какие цветы самые красивые и как их надо сажать. Он ходит в деревню очень часто, ради забавы... Ты умеешь печатать буквы? – спросила она вдруг.

– Я умею писать, – ответила Мери, но Марта покачала головой.

– Наш Дикон умеет читать только печатное. Если бы ты умела печатать, мы бы послали ему письмо и попросили бы его купить садовые инструменты и семена.

– Какая ты добрая! – воскликнула Мери. – А я этого вовсе не знала. Я думаю, что сумею написать печатными буквами, если попробую. Попросим бумаги и чернил у миссис Медлок!

– У меня есть все свое, – ответила Марта. – Я пойду и принесу.

Она выбежала из комнаты. Мери стояла возле камина и от удовольствия потирала свои худые маленькие руки.

– Если у меня будет заступ, – прошептала она, – то я хорошенько раскопаю землю, чтобы была рыхлая, и выкопаю сорные травы. А если у меня будут семена и я выращу цветы, то сад вовсе не будет мертвый – он оживет!

Написать письмо Дикону оказалось довольно трудной задачей. Мери не особенно многому учили, потому что гувернантки так не любили ее, что не хотели жить с нею. Она не умела хорошо складывать, но, когда она попробовала писать печатными буквами, это ей удалось, и Марта продиктовала ей письмо.

– Мы вложим деньги в конверт, и я попрошу мальчика мясника отвезти его. Он большой приятель Дикона, – сказала Марта.

– А как я получу все то, что Дикон купит? – спросила Мери.

– Он сам принесет. Он охотно придет сюда.

– О! – воскликнула Мери. – Так я его увижу! Я никогда не думала, что увижу Дикона.

– А ты хотела бы его видеть? – вдруг спросила Марта с очевидным удовольствием.

– Да! Я никогда не видела мальчика, которого любят лисицы и вороны. Я очень хотела бы его видеть.

Марта сделала движение, как будто вдруг о чем-то вспомнила.

– И подумать только, что я об этом чуть не забыла, – воскликнула она вдруг, – а думала рассказать тебе еще утром! Я спросила мать, и она сказала, что сама попросит миссис Медлок.

– Ты думаешь... – начала было Мери.

– О чем я говорила во вторник – можно ли будет тебе поехать как-нибудь к нам в коттедж, мы бы тебя там угостили овсяной лепешкой с маслом и молоком.

– Как она думает, пустит меня миссис Медлок? – озабоченно спросила Мери.

– Да, она думает, что миссис Медлок пустит тебя.

– Если я поеду, то увижу и твою мать, и Дикона, – сказала Мери, обдумывая все это; видно было, что эта мысль ей очень нравится. – Твоя мать совсем непохожа на матерей в Индии.

После работы в саду и после всех треволнений Мери сидела притихшая и задумчивая. Марта сидела с нею, пока не наступила пора подавать чай, но сидели они тихо и разговаривали мало. И прежде чем Марта сошла вниз за чаем, Мери вдруг задала ей вопрос.

– Марта, – спросила она, – у судомойки опять сегодня болели зубы?

Марта слегка вздрогнула:

– Почему ты спрашиваешь?

– Вот почему... Когда я ждала тебя здесь наверху, я открыла дверь и пошла по коридору, чтобы посмотреть, не идешь ли ты. И я опять услышала отчаянный крик, как в прошлый раз. Сегодня нет ветра, значит, это не мог быть ветер...

– О, ты не должна расхаживать по коридорам и подслушивать, – беспокойно сказала Марта. – Мистер Крэвен за это рассердился бы и наделал бы Бог знает чего...

– Я не подслушивала, – сказала Мери, – я только ждала тебя... и услышала это. Уже в третий раз!

– Ах, Боже мой! Миссис Медлок звонит! – сказала Марта, выбежав из комнаты.

– Это самый странный дом, в котором кто-нибудь когда-нибудь жил, – полусонно сказала Мери, положив голову на мягкое сиденье стоявшего около нее кресла.

Свежий воздух, работа в саду и прыгалка вызвали в ней такую здоровую приятную усталость, что она уснула.

Глава XI

Солнце сияло почти целую неделю, освещая и таинственный сад. Так называла его Мери, когда думала о нем. Ей очень нравилось это название, а еще больше нравилось ей сознание, что, когда она находилась внутри красивой старой ограды, никто не знал, где она. Ей казалось, что она находится в каком-то волшебном краю, в другом мире.

Мери была решительная девочка, и теперь, когда в ее жизни появилось нечто интересное, где она могла проявить свой решительный нрав, она всецело отдалась работе. Она неустанно работала, копала, выпалывала сорные травы, и работа не только не утомляла ее, но с каждым часом все больше и больше нравилась ей. Она казалась ей какой-то волшебной игрой.

Мери находила гораздо больше бледно-зеленых игл, чем ожидала; они, казалось, повсюду выглядывали из-под земли. Иногда она переставала копать, думая о том, как будет выглядеть сад, когда все это зацветет.

В течение этой недели она немножко ближе сошлась с Беном. Несколько раз она заставляла его врасплох, вдруг появляясь возле него как из-под земли. Дело было в том, что она боялась, чтоб он не забрал своих инструментов и не ушел, если б увидел, что она идет к нему, и поэтому подкрадывалась как можно тише. Но он, очевидно, относился к ней менее неприязненно, чем прежде. Быть может, ему втайне льстило ее желание побыть с ним; кроме того, она стала гораздо вежливей, чем прежде. Он не знал, что когда она его увидела впервые, то заговорила с ним таким тоном, каким говорила бы с туземным слугой в Индии, не подозревая даже, что старый угрюмый йоркширец не привык преклоняться перед своими господами и только исполнять их приказания.

Он очень редко был разговорчив и иногда на все вопросы Мери отвечал одним ворчанием, но однажды утром разговорился. Он выпрямился, поставив ногу на заступ лопаты, и пристально оглядел Мери.

– Ты давно здесь? – выпалил он.

– Около месяца, кажется, – ответила она.

– Это делает Миссельтуэйту честь, – сказал он, – ты не такая худая и желтая, как была прежде. Когда ты впервые пришла сюда, в сад, ты была похожа на ошипанного галчонка; я подумал тогда, что никогда не видывал более некрасивого и кислого лица, чем твое.

Мери была не тщеславна и никогда не была высокого мнения о своей наружности, поэтому ничуть не смутилась.

– Я знаю, что я теперь не такая худая; мои чулки становятся уже... А вот малиновка, Бен!

Это действительно была малиновка, красивее чем когда-либо: ее красный «жилет» блестел, как атлас, она размахивала крыльями, склоняла головку набок и грациозно прыгала. Потом она вдруг расправила крылья и – Мери едва верила своим глазам! – взлетела прямо на ручку лопаты Бена. А Бен стоял неподвижно, затаив дыхание, пока птичка снова расправила крылья и улетела. Потом он постоял, глядя на ручку лопаты, как будто в ней было нечто волшебное, и снова начал копать, не говоря ни слова. Но так как на лице его то появлялась, то исчезала улыбка, Мери не побоялась заговорить с ним.

– А у вас есть собственный сад? – спросила она.

– Нет; я холостяк и живу у Мартина, возле заставы...

– А если бы у вас был сад, что бы вы там посадили? – спросила Мери.

– Капусту, картофель, лук...

– А если бы вы хотели посадить цветы? – настаивала Мери. – Что бы вы посадили?

– Цветочные луковицы... что-нибудь душистое, а больше всего роз.

Лицо Мери оживилось.

– А вы любите розы? – спросила она.

Бен вырвал с корнем какое-то сорное растение и бросил его в сторону, прежде чем ответил.

– Да, люблю... Меня этому научила одна молодая дама, у которой я был садовником. У нее был клочок земли в одном месте, которое ей очень нравилось... а розы она так любила, как будто это были дети... или птицы. Я сам видел, как она нагибалась и целовала их... Это было давно, лет десять тому назад.

– А где она теперь? – спросила Мери, сильно заинтересованная.

– На небе, – ответил Бен, – как говорит пастор.

– А что случилось с розами?

– Их оставили так... на произвол судьбы.

Мери начала волноваться.

– И они совсем умерли? Розы умирают, когда их оставляют так? – осмелилась она спросить.

– Я научился любить их... Я любил ее, а она – розы, – неохотно сознался Бен. – Раза два в год я уходил туда... делал кое-что... подстригал кусты, расчищал вокруг корней. Они были запущены, но земля была хорошая, и кое-какие выжили.

– А когда на кустах нет листьев и они сухие и серые или коричневые, то как же можно узнать, живые они или мертвые? – спросила Мери.

– Подожди, пока за них возьмется весна, когда солнце светит после дождя, а дождь выпадает после солнечного света, тогда узнаешь.

– Как же, как? – крикнула Мери, забыв осторожность.

– Погляди хорошенько на ветки и, если найдешь на них кое-где коричневые комочки, следи за ними после теплого дождя... Увидишь, что будет.

Он вдруг остановился и с любопытством поглядел на ее оживленное лицо.

– А ты чего так вдруг заинтересовалась розами? – спросил он.

Мери почувствовала, что лицо ее вспыхнуло; она почти боялась ответить.

– Это я... я хочу поиграть... будто у меня есть свой сад, – пробормотала она, – я... мне... нечего делать... У меня ничего... и никого.

– Да, это верно, – медленно сказал Бен, глядя на нее, – у тебя нет ничего и никого.

Сказал он это таким странным тоном, что Мери подумала, не жалеет ли он ее немножко.

Мери никогда не жалела самое себя; она только иногда бывала утомлена и сердита, потому что никого и ничего не любила. Но теперь все как будто менялось и становилось лучше. Если только никто не узнает про ее таинственный сад, ей всегда будет весело!

Она постояла еще минут десять и задала ему еще несколько вопросов. Он ответил на каждый вопрос своим обычным ворчливым тоном, но не казался таким сердитым, чтобы взять свой заступ и отойти прочь.

– А вы теперь тоже ходите туда... взглянуть на эти розы? – спросила она.

– В этом году я еще не был... У меня суставы болят от ревматизма.

Он сказал это своим ворчливым тоном и вдруг точно рассердился на нее, хотя она никак не могла понять за что.

– Вот что, – сказал он резко, – не задавай так много вопросов. Уходи отсюда и играй себе. Я сегодня толковал достаточно!

Он сказал это так сердито, что она поняла: ей нечего оставаться здесь. Она медленно удалилась по дорожке, прыгая через веревочку и думая о том, что нашелся еще один человек, который ей нравится, несмотря на свою ворчливость. Да, старый Бен очень нравился ей.

Вокруг таинственного сада шла обнесенная лавровой изгородью дорожка, которая вела к калитке, выходившей из парка в лес. Мери хотелось добежать по этой дорожке до калитки и выглянуть в лес, чтобы посмотреть, нет ли поблизости зайцев. Прыганье через веревочку доставило ей большое удовольствие, и когда она добралась до калитки, она отворила ее и вышла в

лес, потому что вдруг услышала какой-то странный тихий свист и ей захотелось узнать, что это было.

Это было нечто необыкновенное: она стояла и смотрела, затаив дыхание. Под деревом, прислонившись спиной к стволу, сидел мальчик и играл на грубо сделанной деревянной дудке. Это был мальчик лет двенадцати.

Он был очень опрятен; щеки у него были красные, как мак, нос вздернутый, а глаза такие круглые и голубые, каких Мери никогда не видывала ни у одного мальчика. На стволе дерева, к которому он прислонился, сидела коричневая белка и следила за ним; из-за кустов поблизости выглядывал фазан, вытянув шею, а подле него сидели два кролика, нюхая воздух. Казалось, будто все они собрались, чтобы быть поближе к мальчику и послушать странные тихие звуки, которые издавала его дудочка.

Увидев Мери, он поднял руку и заговорил почти таким же низким, похожим на звуки дудки, голосом.

– Не шевелись! – сказал он. – А то спугнешь их.

Мери стояла неподвижно. Он перестал играть и стал подниматься с земли. Движения его были так медленны, что он, казалось, вовсе не двигался, но, наконец, он все-таки встал на ноги; белка вскарабкалась вверх по дереву, фазан спрятал голову, а кролики пустились бежать прочь, не выказывая, впрочем, никакого испуга.

– Я – Дикон, – сказал мальчик, – и я знаю, что ты мисс Мери.

Мери только тогда сообразила, что это Дикон. Разве кто-нибудь другой умел так очаровывать фазанов и кроликов, как туземцы в Индии очаровывают змей?

У мальчика был большой румяный рот, а улыбка расплзалась по всему лицу.

Глава XII

Дикон несколько минут стоял, осматриваясь вокруг, в то время, как Мери следила за ним, потом стал ходить, ступая еще осторожнее и легче, чем Мери, когда она впервые очутилась в таинственном саду. Дикон, казалось, видел все сразу: серые деревья, серые ползучие растения, обвивавшие их и свисавшие с ветвей, зеленые альковы с каменными скамьями и высокие вазы для цветов, стоявшие внутри.

– Я не думал, что когда-нибудь увижу этот сад, – сказал он, наконец, шепотом.

– А ты разве слышал про него? – спросила Мери. Она заговорила громко, и он сделал ей знак рукою.

– Надо говорить тихо, – сказал он, – а то кто-нибудь нас услышит и подумает, что здесь такое...

– О! Я забыла! – сказала Мери испуганно и быстро прижала руку ко рту. – Ты слышал про этот сад? – снова спросила она, когда оправилась от испуга.

Дикон кивнул головой.

– Марта мне говорила, что тут есть сад, в который никто не ходит, – ответил он, – и мы, бывало, все думаем, какой он!

Он остановился и опять оглянулся вокруг; в его круглых голубых глазах выражалась радость.

– А гнезд-то сколько здесь будет весною! – сказал он. – Это самое безопасное место для гнезд во всей Англии. Никто сюда не ходит, и столько спутанных веток, кустов и деревьев, где свить гнездо! И как это в с е птицы из степи не выют здесь гнезд!

Мери опять схватила его за рукав, сама не замечая этого.

– А розы тут будут? – шепнула она. – Ты можешь это узнать? Я думаю... может быть, все это умерло!

– О, нет, не все! – ответил он. – Посмотри-ка сюда.

Он подошел к ближайшему дереву, вынул из кармана нож и открыл его.

– Тут много мертвых сучьев, которые надо срезать, – сказал он, – но и новые есть, прошлогодние. Вот он, – и он тронул отросток зеленовато-коричневого, а не серого цвета.

Мери сама тоже как-то почтительно тронула его.

– Вот этот? – спросила она. – Он совсем живой, совсем?

Дикон широко улыбнулся.

– Такой же живой, как ты и я. Смотри-ка, – сказал он, дернув толстую серую сухую ветку, – можно подумать, что все это мертвое, но мне не верится. Я сейчас надрежу ее и посмотрю.

Он встал на колени и надрезал казавшуюся безжизненной ветку.

– Видишь! – радостно сказал он. – Я тебе говорил!

Мери тоже стала на колени, прежде чем он успел что-нибудь сказать, пристально глядя на ветку.

– Когда она внутри зеленоватая и сочная, то она живая, – объяснил он, – а когда она сухая и легко ломается, – тогда конец. Здесь, должно быть, корень живой, и если отрезать старые сучья, хорошенько вскопать землю вокруг да ухаживать, тогда... – он остановился и поднял голову, глядя на вьющиеся и свисающие ветки и побеги, – тогда здесь летом будет целый фонтан роз.

Они стали переходить от куста к кусту, от дерева к дереву. Он отлично владел ножом, умел ловко отрезать сухие, мертвые ветки и угадывал, в каких из них еще могла быть жизнь. Оба они усердно работали возле одного из больших розовых кустов, когда у Дикона вдруг вырвалось удивленное восклицание.

– Кто это сделал? – крикнул он, указывая на траву. – Вон там?

Это была одна из полянок, которые Мери расчистила вокруг бледно-зеленых игл, торчавших из земли.

– Это я сделала, – ответила Мери. – Эти иглы были такие маленькие, а трава кругом такая густая и высокая, что мне казалось, им нечем дышать. Вот я и дала им побольше места; я даже не знаю, что это за штуки.

Дикон подошел и встал на колени, широко улыбаясь.

– Хорошо, – сказал он, – никакой садовник не сделал бы лучше! Это крокусы, подснежники, а это нарциссы!

Он продолжал работать, пока говорил, а Мери помогала ему.

– Здесь много работы будет! – сказал он, возбужденно глядя вокруг.

– Ты придешь опять? – спросила Мери. – Я уверена, что сумею помогать тебе; ведь я умею копать и полоть и буду делать все, что ты скажешь. Пожалуйста, приходи, Дикон!

– Буду приходить, если захочешь, даже каждый день, – ответил он уверенно.

Он опять стал ходить, осматривая деревья, кусты, стены с озабоченным выражением лица, и вдруг остановился в недоумении, почесывая рыжую голову.

– Это тайный сад... конечно... Только мне кажется, что с тех пор, как его заперли, здесь был еще кто-то, кроме малиновки!

– Но ведь калитка была заперта, а ключ зарыт, – сказала Мери. – Никто не мог войти.

– Правда, – ответил он. – Это очень странное место. Мне кажется, что здесь кто-то чистил и подстригал... недавно, а не десять лет тому назад.

– Как же это могли сделать! – сказала Мери.

– Ну да, как же?... – пробормотал он. – Дверь была заперта, и ключ зарыт!

Они снова радостно принялись за работу, еще с большим усердием, чем прежде. Мери встревожилась, когда услышала, что большие часы во дворе пробили час обеда.

– Мне надо идти, – печально сказала она. – А тебе тоже надо идти, не правда ли?

Дикон улыбнулся.

– Мой обед легко носить с собою, – сказал он. – Мать всегда кладет мне что-нибудь в карман.

Он поднял свою куртку, лежавшую на траве, и вытащил из кармана узелок, обернутый чистым грубым платком. Там были два толстых куса хлеба, между которыми лежал ломтик чего-то.

– Чаще всего это только хлеб, – сказал он, – но сегодня у меня тут хороший ломтик ветчины.

Мери никак не могла уйти от него, и ей вдруг показалось, что он какой-то лесной дух, который может исчезнуть, когда она снова придет в сад. Она медленно направилась к калитке, потом остановилась и вернулась обратно.

– Что бы ни случилось, ты... ты никогда ничего не расскажешь? – спросила она.

Его румяные щеки были туго набиты хлебом и ветчиной, но он все-таки ободряюще улыбнулся.

– Если бы ты была птица и указала бы мне, где твоё гнездо, ты думаешь, я рассказал бы кому-нибудь? Я бы этого не сделал! Ты здесь в такой же безопасности, как птица в гнезде.

Мери была вполне уверена, что это так. Мери бежала так быстро, что никак не могла перевести дух, когда вошла к себе в комнату. Волосы ее были спутаны на лбу, и щеки покраснелись. На столе стоял обед, а возле него, у стола, – Марта.

– Ты немножко опоздала! Где ты была? – спросила она.

– Я видела Дикона! – сказала Мери.

– Я знала, что он придет, – оживленно сказала Марта. – Нравится он тебе?

– Я думаю, что он... он прелесть! – решительно заявила Мери, и Марта просияла от удовольствия.

– А семена и инструменты понравились тебе?

– Откуда ты знаешь, что он их принес? – спросила Мери.

– Мне и в голову не пришло, что он их не принесет; он бы их принес даже из Йоркшира – он надежный мальчик!

Мери боялась, как бы Марта не начала задавать ей лишних вопросов, но она ничего не спросила. Только когда она спросила, где посадят цветы, Мери испугалась.

– Ты уже кого-нибудь спрашивала?

– Нет еще, никого, – ответила Мери, колеблясь.

– Я бы не спрашивала главного садовника; он очень важный!

– Я никогда его не видала, – сказала Мери, – я видала только младшего садовника да Бена.

– Я бы на твоём месте спросила Бена, – посоветовала Марта. – Мистер Крэвен позволяет ему делать, что ему угодно, потому что он служил здесь, когда миссис Крэвен была еще в живых, а она любила его. Быть может, он найдет тебе какой-нибудь уголок...

Мери быстро съела свой обед и, встав из-за стола, направилась было в свою комнату, чтобы надеть шляпу, но Марта остановила ее.

– Я хочу тебе сказать кое-что, – сказала она. – Мистер Крэвен вернулся сегодня утром, и мне кажется, что он хочет видеть тебя!

Мери побледнела.

– О! Зачем? Ведь он не хотел видеть меня, когда я приехала! Я слышала, как Пичер говорил...

– Миссис Медлок говорит, что это все благодаря моей матери, – пояснила Марта. – Она шла в деревню и встретила его. Она никогда в жизни не говорила с ним, но миссис Крэвен когда-то бывала у нас в коттедже; он забыл, но мать не забыла этого, вот она и осмелилась остановить его. Я не знаю, что она ему сказала про тебя, но, вероятно, сказала ему что-нибудь такое, что он решил повидать тебя, прежде чем опять уедет завтра...

– О, значит, он опять уезжает завтра! – воскликнула Мери. – Я очень рада.

– Он едет надолго; быть может, он не вернется до осени или до зимы. Он едет в чужие страны... как всегда...

– О, я очень рада, – с благодарностью сказала Мери. Если он не вернется до зимы или даже осени, она еще увидит, как оживет таинственный сад. А если даже он все узнает, тогда и отнимет у нее сад, но все-таки сад целое лето будет принадлежать ей...

– Когда он захочет меня видеть, как ты дум...

Она не успела кончить фразы, потому что дверь открылась и вошла миссис Медлок. На ней было самое нарядное черное платье и накладка; воротник был заколот большой брошкой. Вид у нее был встревоженный и беспокойный.

– У тебя волосы растрепаны, – быстро сказала она, – поди причешись. Марта, помоги ей надеть лучшее платье. Мистер Крэвен прислал меня, чтобы привести ее к нему в кабинет.

Румянец совсем сбежал со щек Мери; сердце ее сильно забилося, и она почувствовала, что снова превращается в чопорную, угрюмую девочку. Она ничего не ответила миссис Медлок и пошла в спальню в сопровождении Марты. Она молчала, пока ее причесывали и переодевали, и все так же молча пошла за миссис Медлок по коридору. Что она могла сказать? Она должна была явиться к мистеру Крэвену... Она ему, верно, не понравится, он ей тоже. Она знала, что он о ней подумает...

Ее провели в ту часть дома, где она никогда прежде не бывала. Наконец миссис Медлок постучала в какую-то дверь, и, когда кто-то сказал: «Войдите», – они вошли вместе. Перед камином в кресле сидел мужчина, и миссис Медлок заговорила с ним.

– Это мисс Мери, сэр! – сказала она.

– Можете идти и оставить ее здесь. Я позвоню, когда надо будет увести ее, – сказал мистер Крэвен.

Когда она вышла и затворила дверь, Мери стояла и ждала, жалкая и маленькая, в черном платье, сжав худые руки. Она видела, что человек в кресле вовсе не был горбат, но у него были высокие, несколько неровные плечи; в черных волосах виднелась седина. Он повернул голову через плечо и заговорил с нею.

– Поди сюда! – сказал он.

Мери подошла. Он не был дурен собою. Лицо его было бы даже красиво, если бы не его удрученный вид. На лице было такое выражение, как будто вид Мери раздражал и беспокоил его и как будто он не знал, что с нею делать.

– Ты здорова? – спросил он.

– Да, – ответила Мери.

– И за тобой здесь ухаживают... хорошо?

– Да.

Он с досадой потер лоб, оглядывая Мери.

– Ты очень худа! – сказал он.

– Я поправлюсь, – ответила Мери натянуто.

Какой несчастный вид был у него! Его черные глаза, казалось, видели вовсе не Мери, а что-то другое, и мысли его не могли сосредоточиться на ней.

– Я забыл про тебя, – сказал он. – Как я мог забыть? Я думал прислать тебе гувернантку или няньку, или что-нибудь такое, но я забыл.

– Пожалуйста, – начала Мери, – пожалуйста... – Но какой-то ком в горле помешал ей.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он.

– Я... я слишком велика, чтобы иметь няньку, – сказала Мери. – И пожалуйста... пожалуйста, не присылайте мне гувернантки!

Он снова потер лоб рукою и посмотрел на Мери.

– То же самое сказала и миссис Соуэрби, – рассеянно сказал он.

Мери стала немного смелее.

– Это... это мать Марты? – пробормотала она.

– Да, кажется, так, – ответил он.

– Она знает все... про детей, – сказала Мери. – У нее их двенадцать... она знает.

Он, казалось, пришел в себя.

– Что ты хочешь делать?

– Я хочу играть на открытом воздухе, – ответила Мери, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. – В Индии я никогда не любила этого. А тут... я бываю голодна от этого... и поправлюсь.

Он смотрел на нее.

– Миссис Соуэрби сказала, что тебе это будет полезно. Быть может, – сказал он, – она думает, что тебе надо окрепнуть, прежде чем у тебя будет гувернантка.

– Я становлюсь сильнее... когда играю и из степи дует ветер, – доказывала Мери.

– Где же ты играешь?

– Везде, – шепнула Мери. – Мать Марты прислала мне прыгалку... И я бегаю и гляжу, как из земли показываются зеленые... Я никакого вреда не делаю.

– Да не пугайся так! – сказал он беспокойно. – Ты не можешь сделать никакого вреда... ты еще ребенок... Можешь делать, что тебе угодно.

Мери поднесла руку к шее, потому что боялась, что он увидит ком, который подступил ей к горлу. Она подошла на один шаг поближе.

– Можно? – с трепетом спросила она. Ее маленькое встревоженное лицо вызывало в нем еще большее раздражение.

– Не пугайся же! – воскликнул он. – Конечно, можно. Я твой опекун, хотя очень плохой... для всякого ребенка. Я не могу уделить тебе ни времени, ни внимания. Я слишком болен, несчастен и рассеян, но я хочу, чтобы тебе было удобно и хорошо. Я совсем не знаю, что надо детям, но миссис Медлок позаботится, чтобы у тебя было все, что надо. Я послал за тобой сегодня, потому что миссис Соуэрби сказала, что я должен видеть тебя. Ее дочь рассказывала про тебя.

– Она знает все, что надо детям, – невольно вырвалось у Мери.

– Она должна это знать... Мне показалось слишком смелым, что она остановила меня, но она сказала, что... Миссис Крэвен была очень добра к ней. – Ему, казалось, трудно было произнести имя покойной жены. – Она порядочная женщина. Теперь, когда я вижу тебя, я понимаю, что она говорила очень благоразумно. Играй на свежем воздухе сколько хочешь. Места здесь много, и ты можешь ходить куда угодно и забавляться чем угодно. Не надо ли тебе чего-нибудь? – спросил он, как будто эта мысль внезапно пришла ему в голову. – Не хочешь ли ты игрушек, книг, кукол?

– Можно мне... можно мне получить... клочок земли? – Мери в своем увлечении не сознавала, как странно должны были звучать эти слова и что она хотела сказать вовсе не это. Мистер Крэвен был поражен.

– Земли! – повторил он. – Что ты хочешь сказать?

– Чтобы посадить семена... чтобы что-нибудь выросло... живое, – запинаясь, сказала Мери.

Он с секунду посмотрел на нее и быстро провел рукою по глазам.

– Разве ты... так любишь сады? – медленно сказал он.

– Я ничего этого не знала в Индии, – ответила Мери. – Я всегда была больная и усталая... И там было очень жарко. Я иногда делала грядки из песка и втыкала в них цветы. Но здесь все по-другому...

Мистер Крэвен встал и медленно прошелся по комнате.

– Клочок земли, – сказал он, говоря сам с собой, и Мери подумала, что она, вероятно, вызвала в нем какие-то воспоминания. Когда он остановился и заговорил с нею, его темные глаза смотрели мягче и добрее. – Можешь получить земли сколько хочешь... Ты мне напоминаешь... кое-кого... кто любил землю и то, что растет на ней... Если увидишь клочок земли, который тебе понравится, – добавил он с некоторым подобием улыбки, – возьми его, дитя, и сделай живым!

– Можно мне будет взять... где угодно... если только он не нужен?

– Где угодно, – ответил он. – А теперь поди... Я устал. – Он дотронулся до звонка, чтобы позвать миссис Медлок.

– Прощай, я уезжаю на все лето. – Миссис Медлок явилась так скоро, что Мери подумала, что она, вероятно, ждала в коридоре.

– Миссис Медлок, – обратился к ней мистер Крэвен, – теперь, когда я видел ребенка, я понял, что хотела сказать миссис Соуэрби. Она должна окрепнуть, прежде чем начнет учиться. Кормите ее простой здоровой пищей; пусть бегает на свободе в саду. Не присматривайте за нею слишком много; ей нужна свобода, свежий воздух, беготня. Миссис Соуэрби может кое-когда навещать ее... и она может когда-нибудь пойти в коттедж.

У миссис Медлок был очень довольный вид; она с облегчением услышала, что ей не надо будет много присматривать за Мери. Она считала это тягостной обязанностью и прежде обращала на нее мало внимания. Кроме того, она очень любила мать Марты.

– Благодарю вас, сэр, – сказала она. – Сюзанна Соуэрби умная и добрая женщина... У нее двенадцать человек детей, и нет лучше и здоровее их. Мисс Мери ничему дурному у них не научится. Сюзанна Соуэрби, что называется, женщина со здравым умом, если вы меня поняли...

– Я понял, – ответил мистер Крэвен. – А теперь уведите мисс Мери и пришлите мне Пичера.

Когда миссис Медлок оставила Мери одну в конце коридора, Мери пустилась бежать к себе в комнату. Там ждала ее Марта.

– У меня будет свой сад! – крикнула Мери. – Он будет, где мне угодно! Гувернантки мне не пришлют еще долго-долго! Твоя мать придет навестить меня, и мне можно будет поехать к вам в коттедж. Он говорит, что такая маленькая девочка, как я, не может сделать саду никакого вреда и я могу делать, что мне угодно, где бы то ни было!

– Это было очень хорошо с его стороны, – весело сказала Марта.

– Марта, – серьезно сказала Мери, – он на самом деле очень хороший; только лицо у него такое жалкое и лоб весь сморщенный...

Мери бегом пустилась в сад. Она знала, что пробыла дома дольше, чем рассчитывала, и что Дикону придется уйти рано, чтобы успеть пройти пять миль. Проскользнув в калитку под плющом, она увидела, что Дикона не было там, где он прежде работал, и садовые инструменты лежали под деревом. Она подбежала к дереву, оглядываясь кругом, но Дикона не было видно. Таинственный сад был пуст; только малиновка сидела на розовом кусте и следила за Мери.

– Его нет! – печально сказала она. – Неужели он был только... лесной дух?

Взгляд ее вдруг упал на что-то белое, прикрепленное к розовому кусту. Это был маленький клочок бумаги, оторванный от письма, которое она сама отправила Дикону от имени Марты. Она поняла, что это Дикон прикрепил его. На клочке бумаги было нечто вроде рисунка, под которым были коряво «напечатанные» буквы. Мери сначала ничего не могла разобрать, потом увидела, что рисунок изображал гнездо с сидевшей в нем птицей. А буквы внизу гласили: «Я опять приду».

Мери взяла рисунок домой и за ужином показала его Марте.

– О, я и не знала, что наш Дикон такой искусник! – с гордостью сказала Марта.

Мери поняла, что именно Дикон хотел сказать этой запиской. Он хотел уверить ее, что будет хранить ее тайну. Ее сад – это было гнездо, а она сама птица! Как ей нравился этот странный деревенский мальчик!

Глава XIII

Мери надеялась, что Дикон придет завтра, и с этой мыслью уснула в ожидании утра.

Но в Йоркшире погода очень переменчива, особенно весной. Ночью Мери разбудил шум дождя, крупные тяжелые капли стучали по оконным стеклам. Дождь лил ливнем, и ветер завывал снаружи и во всех трубах громадного старого дома. Мери села в постели, недовольная и сердитая.

«Этот дождь теперь точно назло, – подумала она. – Это все потому, что мне не надо дождя...»

Мери снова легла, уткнувшись лицом в подушку. Она не плакала, но не могла уснуть. О, как выл ветер и как большие капли дождя стучали в окна! «Как будто кто-то заблудился в степи, ищет дороги и плачет», – подумала она.

Мери около часу лежала, ворочаясь с боку на бок, как вдруг что-то заставило ее сесть на постели и повернуть голову к двери; она прислушивалась... и прислушивалась.

– Теперь это уж не ветер, – сказала она громким шепотом. – Это не ветер, а что-то другое. Это плач, который я слышала прежде.

Дверь ее комнаты была открыта настежь, и звук разносился по коридору – слабый отдаленный звук капризного плача. Мери прислушивалась еще несколько минут, и с каждой минутой уверенность ее все возрастала. Она чувствовала, что должна узнать, в чем дело. Это было еще более странно, чем таинственный сад и зарытый ключ. Она опустила ноги с кровати и стала на пол.

– Я узнаю, в чем дело, – сказала Мери. – Теперь все спят, а до миссис Медлок мне нет никакого дела!

Возле ее постели стояла свеча; она взяла ее и тихо вышла из комнаты. Коридор казался очень длинным и темным, но она была слишком взволнована, чтобы обратить на это внимание. Она была уверена, что знает, где именно надо повернуть, чтобы найти короткий коридор с завешенной ковром дверью – той самой, из которой вышла миссис Медлок, когда Мери заблудилась. Звуки шли из того коридора. Она шла вперед с тускло горевшей свечой, почти ослепно, и сердце ее билось так громко, что ей казалось, она слышит его биение. Слабый отдаленный звук плача все еще слышался, и Мери шла на этот звук. Иногда он затихал, потом опять слышался! Где ей надо было повернуть? Она остановилась, соображая. О, да, это здесь; надо пройти по этому коридору, повернуть опять налево, подняться на две широкие ступени, потом повернуть налево. Да, вот и дверь, завешенная ковром!

Мери тихо отворила ее и затворила за собой; очутившись в длинном коридоре, она совершенно ясно услышала плач, хотя он был негромкий. Он слышался за стеною, слева, и в нескольких футах от Мери виднелась дверь. Мери могла видеть полоску света внизу. Кто-то плакал в этой комнате, и этот «кто-то» был маленький.

Она подошла к двери и толкнула ее; дверь отворилась, и она очутилась в комнате. Это была большая комната с красивой старинной мебелью.

В камине тускло тлел огонь; возле кровати с парчовым балдахином горел ночник, а на кровати лежал мальчик и капризно плакал.

У мальчика было худое нежное лицо цвета слоновой кости; глаза его, казалось, были слишком велики для такого лица. У него были густые волосы, тяжелыми прядями падавшие ему на лоб, отчего его лицо казалось еще меньше. Он выглядел больным; но плакал он скорее от раздражения, чем от боли.

Мери стояла возле двери со свечой в руках, затаив дыхание. Потом она осторожно двинулась вперед, и, когда она подошла поближе, свет привлек внимание мальчика. Он повернул голову на подушке и уставился на Мери, причем глаза его широко раскрылись.

– Кто ты? – сказал он, наконец, испуганным шепотом. – Ты призрак?

– Нет, – ответила Мери тоже испуганным шепотом, – а ты... призрак?

Он все глядел и глядел на нее. Мери не могла не заметить его странных глаз. Они были агатово-серые и казались слишком большими для его лица, потому что были оттенены черными ресницами.

– Нет, не призрак, – ответил он, подождав секунду. – Я Колин.

– Кто такой Колин? – дрожа, спросила она.

– Я – Колин Крэвен. А ты кто?

– Я – Мери Леннокс. Мистер Крэвен – мой дядя.

– Он мой отец, – сказал мальчик.

– Твой отец! – ахнула Мери. – Мне никто не говорил, что у него есть мальчик... Почему это?

– Поди сюда! – сказал он, не сводя с нее своих странных тревожных глаз.

Она подошла к постели, и он протянул руку и тронул ее.

– Ты ведь настоящая? – спросил он. – У меня часто бывают такие настоящие сны. Быть может, и ты такой сон.

Когда Мери выходила из своей комнаты, она надела теплый шерстяной капот и теперь сунула ему в руку полу капота.

– Потрогай-ка... Видишь, какая толстая и теплая материя, – сказала она. – А если хочешь, я тебя немножко ущипну, чтобы показать тебе, какая я настоящая. Мне на минутку показалось, что ты тоже, пожалуй, сон...

– Откуда ты пришла? – спросил он.

– Из своей комнаты... Ветер так выл, что я не могла уснуть; я услышала, что кто-то плачет, и мне захотелось узнать, кто это... Почему ты плакал?

– Потому что я тоже не мог уснуть и у меня заболела голова... Скажи мне опять, как тебя зовут.

– Мери Леннокс. Разве тебе никто не говорил, что я приехала сюда жить?

Он все еще перебирал пальцами складку ее капота и, очевидно, начинал уже больше верить в то, что она настоящая.

– Нет, никто. Они не смеют, – ответил он.

– Почему? – спросила Мери.

– Потому что я боялся бы, что ты меня увидишь. Я не хочу, чтобы люди меня видали и говорили обо мне.

– Почему? – снова спросила Мери, изумление которой возрастало каждую минуту.

– Потому что я всегда такой... больной и мне всегда надо лежать. Мой отец тоже не хочет, чтоб люди говорили обо мне. Слугам не позволяют говорить про меня... Если я буду жив, я, пожалуй, буду горбатый... Только я не буду жив. Отец боится и подумать, что я буду такой, как он...

– Какой это странный дом! – сказала Мери. – Такой странный... всюду тайны! Запертые комнаты... Запертые сады... и ты... А тебя тоже запирают?

– Нет. Я всегда в этой комнате, потому что не хочу, чтобы меня уносили отсюда; это меня слишком утомляет.

– А твой отец приходит к тебе? – осмелилась спросить Мери.

– Иногда, обычно когда я сплю. Он не хочет меня видеть.

– Почему? – не удержалась Мери.

По лицу мальчика пробежала мимолетная тень гнева.

– Моя мать умерла, когда я родился, и отцу больно смотреть на меня. Он думает, что я не знаю; но я слышал, как люди говорят... Он почти ненавидит меня...

– Он ненавидит сад, потому что она умерла, – сказала Мери, точно обращаясь к самой себе.

– Какой сад? – спросил мальчик.

– О, просто сад... который она любила, – пробормотала она. – А ты всегда здесь живешь?

– Почти всегда. Иногда меня берут куда-нибудь на морской берег, но я не хочу оставаться там, потому что все люди смотрят на меня. Я прежде носил железную штуку, чтобы у меня спина была прямая, но ко мне приехал важный доктор из Лондона и сказал, что это глупо. Он велел снять ее с меня и держать меня на свежем воздухе. Я ненавижу свежий воздух... и терпеть не могу выходить.

– Я тоже не любила, когда приехала сюда, – сказала Мери. – Почему ты все смотришь на меня?

– Потому, что сны такие... настоящие, – раздраженно ответил он. – Иногда, когда я открываю глаза, я тоже не верю, что я не сплю.

– Мы оба не спим, – сказала Мери. Она окинула взглядом комнату с высоким потолком, с глубокими тенями в углах и тусклым светом камина. – Это похоже на сон... И теперь ночь... и все спят, кроме нас. А мы не спим.

– Я бы не хотел, чтоб это был сон, – беспокойно сказал мальчик.

Мери вдруг вспомнила что-то.

– Если ты не любишь, чтобы люди тебя видели, – начала она, – то хочешь, чтоб я ушла?

Он все держал в руке складку ее капота и слегка потянул ее.

– Нет, – сказал он. – Если ты уйдешь, я буду уверен, что ты была... сон. Если ты настоящая, сядь вон на тот большой табурет и расскажи мне про себя. Я хочу послушать.

Мери поставила свечу на стол возле постели и села на мягкий табурет. Ей вовсе не хотелось уходить. Ей хотелось побыть в этой таинственной отдаленной комнате и разговаривать с таинственным мальчиком.

– Что рассказать тебе? – спросила она.

Он хотел знать, сколько времени она жила в Миссельтуэйте-Мэноре; в каком коридоре была ее комната; что она делала; нравилась ли ей степь или не нравилась, как ему; где она жила, прежде чем приехала в Йоркшир. Она отвечала на все эти вопросы и на многие другие, а он лежал на подушках и слушал. Он заставил ее рассказать ему про Индию, про свое путешествие по океану. Она поняла, что он не знал того, что знали другие дети, потому что был больной. Одна из его нянек научила его читать, когда он был маленький, и он всегда читал и рассматривал картинки в роскошных книжках.

Хотя отец его редко приходил к нему, когда он не спал, все же ему давали всякие удивительные игрушки, чем позабавиться. Но ему, очевидно, никогда не было весело. Он мог иметь все, что бы он ни попросил, и его никогда не заставляли делать то, чего ему не хотелось делать.

– Всякий должен делать то, что мне угодно, – равнодушно сказал он. – Когда я сержусь, я заболеваю. Никто не думает, что я буду жить и вырасту большой.

Он сказал это так хладнокровно, как будто уже давно привык к этой мысли и это его ничуть не интересовало. Ему, казалось, очень нравился звук голоса Мери, и он как бы в дремоте слушал, что она говорила. Раза два ей пришла в голову мысль, не засыпает ли он. Но он вдруг задал вопрос.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Мне десять лет, и тебе тоже, – ответила Мери, на миг забыв осторожность.

– А ты откуда это знаешь? – спросил он удивленно.

– Потому что когда ты родился, заперли калитку сада и зарыли ключ... А сад заперт уже десять лет.

Колин сел в постели, опираясь на локти, и повернулся к ней.

– Какую калитку заперли? Кто это сделал? Где они зарыли ключ? – воскликнул он, вдруг заинтересовавшись.

– Это... тот сад, который мистер Крэвен не любит, – возбужденно сказала Мери, – он велел запереть его, и никто не знал, где он зарыл ключ.

– Что это за сад? – жадно допытывался Колин.

– Туда целых десять лет никто не ходил, – был осторожный ответ.

Но осторожность явилась слишком поздно. Колин был слишком похож на Мери; ему тоже нечего было делать и не о чем было думать, и мысль о таинственном саде казалась ему привлекательной так же, как и ей. Он задавал один вопрос за другим. Где этот сад? Искала ли она когда-нибудь калитку? Спрашивала ли она когда-нибудь садовников?

– Они не хотят говорить об этом, – сказала Мери. – Я думаю, что им приказали не отвечать на вопросы.

– А я бы их заставил!

– Разве ты мог бы? – немного испуганно спросила Мери.

Если он мог заставить людей отвечать на вопросы, кто знает, что могло бы случиться!

– Мне должны угодать все; я тебе уж сказал это! Если бы я мог остаться в живых, все это когда-нибудь принадлежало бы мне. Я бы их заставил рассказать.

Мери не знала, что она и сама была избалована, но ясно понимала, что этот таинственный мальчик избалован. Он верил, что весь мир принадлежит ему! Какой это был странный мальчик и как спокойно он говорил о том, что не будет жить!

– Ты думаешь, что не будешь жить? – спросила Мери, отчасти из любопытства, отчасти из желания заставить его забыть про сад.

– Я думаю, что не буду, – ответил он так же равнодушно, как и прежде говорил об этом. – С тех пор как я себя помню, я слышал, как люди говорили, что я не буду жить. Прежде они думали, что я слишком мал, чтобы понимать это, а теперь они думают, что я не слышу... но я слышу. Мой доктор – двоюродный брат моего отца; он бедный... и если я умру, у него будет весь Миссельтуэйт... когда отец мой тоже умрет. Я думаю, ему бы не хотелось, чтоб я жил...

– А ты хотел бы жить? – осведомилась Мери.

– Нет, – ответил он сердито и устало, – но я не хочу умирать. Когда я болен, я лежу здесь и думаю об этом... я все плачу и плачу.

– Я три раза слышала, как ты плакал, но не знала, кто это, – сказала Мери. – Значит, ты об этом плакал? – Ей очень хотелось, чтобы он забыл о саде.

– Я думаю, – ответил он. – Давай говорить о чем-нибудь другом. Расскажи про этот сад... Тебе хотелось бы его видеть?

– Да, – ответила Мери тихо.

– Мне хотелось бы, – настойчиво продолжал он. – Мне, кажется, никогда не хотелось видеть что-нибудь... но мне хочется видеть этот сад. Я хочу, чтобы вырыли ключ, я хочу, чтобы отперли калитку. Я прикажу, чтобы меня туда отнесли в кресле... ведь это значит быть на свежем воздухе... Я заставлю их отпереть калитку!

Он был взволнован, и его странные глаза блестели, как звезды, и казались еще больше.

– Все они должны угодать мне, – продолжал он. – Я заставлю их взять меня туда и тебе тоже позволю прийти...

Мери крепко сжала руки. Все будет испорчено – все! Дикон никогда больше не придет, и она уж не будет никогда чувствовать себя как птица в безопасном, скрытом гнезде.

– О, не надо... не надо этого делать! – крикнула она. Он так устался на нее, как будто думал, что она сошла с ума.

– Почему?! – воскликнул он. – Ведь ты сказала, что хотела бы видеть сад!

– Я хочу, – сказала она почти с рыданием, – но если ты заставишь их отпереть калитку и взять тебя туда, то это уже больше не будет тайной!

Он наклонился вперед.

– Тайна! – сказал он. – Что это значит? Скажи мне!

– Видишь... видишь ли, – начала Мери, тяжело дыша и путаясь, – если никто не знает, а только мы... если бы там была калитка... закрытая плющом... если бы там была... и могли бы ее найти... и мы могли бы пробраться туда... вместе... и затворить калитку... и никто не знал бы... что там кто-нибудь есть... мы бы играли... будто это наш сад, и мы сами птицы, а сад – наше гнездо... мы играли бы там каждый день, и копали бы, и сажали семена, и все ожило бы...

– А разве там все мертво? – перебил он ее.

– Скоро будет... если никто не будет присматривать, – продолжала она. – Цветочные луковицы живы, но розы...

Он снова перебил ее, такой же взволнованный, как и она сама.

– Что такое луковицы? – быстро сказал он.

– Это... лилии и подснежники... Они начинают оживать под землей... и из них выходят зеленые острия... потому что весна идет.

– Весна идет? – повторил он. – Какая она? Когда бываешь болен, то в комнатах вовсе не видишь весны.

– Это когда солнце светит после дождя... и дождь выпадает после солнца... и все тянется вверх и оживает под землей... Если бы сад остался нашей тайной и мы могли бы ходить туда и смотреть, как все растет и сколько там роз... Видишь ли... ведь было бы гораздо лучше, если бы все это была тайна?

Он снова упал на подушки и лежал неподвижно со странным выражением на лице.

– У меня никогда не было тайны, – сказал он, – кроме той, что я не буду жив и не вырасту большой. Они не знают, что я знаю об этом, значит, это тайна... Но эта тайна мне нравится больше.

– Если ты не заставишь их взять тебя в этот сад, – убеждала Мери, – то, может быть... я почти уверена, что когда-нибудь узнаю, как туда забраться. А потом... если доктор велит вынести тебя в кресле... и если ты всегда можешь делать что захочешь, то мы... может быть... нашли бы какого-нибудь мальчика, который бы вез твое кресло... мы пошли бы в сад... одни, и это было бы всегда тайной.

– Это было бы хорошо, – сказал он медленно, мечтательно глядя пред собой. – Я бы примирился со свежим воздухом... в таинственном саду.

– Я тебе расскажу... как, по-моему, там внутри... если бы могли туда войти... Он был заперт так долго, что все там перепуталось...

Колин лежал спокойно и слушал, как Мери рассказывала про вьющиеся розовые кусты, которые цеплялись за деревья, про птиц, которые, вероятно, свили там гнезда, потому что было безопасно. Потом она рассказала ему про малиновку и про старого Бена. Рассказ про птичку так понравился Колину, что он даже улыбнулся.

– Я и не знал, что есть такие птички, – сказал он. – Но когда все время бываешь в комнате, то ничего такого не видишь. А ты столько знаешь... мне все кажется, что ты была там, в этом саду!

Мери не знала, что сказать, и молчала. Колин, очевидно, не ожидал ответа.

– Я тебе покажу кое-что, – сказал он вдруг. – Видишь вон ту розовую шелковую занавеску на стене над камином?

– Вижу, – ответила она.

– Там висит шнурок, – сказал Колин. – Потяни его!

Мери, сильно заинтересованная, встала и отыскала шнурок. Когда она потянула его, шелковая занавеска отодвинулась на своих кольцах; под нею был портрет. Он изображал молодую женщину с улыбающимся лицом. У нее были светлые волосы, перевязанные синей лентой, и

смеющиеся, чудные глаза, точь-в-точь как печальные глаза Колина, агатово-серые, казавшиеся вдвое больше, чем были на самом деле, благодаря длинным черным ресницам.

– Это моя мать, – жалобно сказал Колин. – Я не понимаю, почему она умерла. Иногда я ее ненавижу за это!

– Это странно! – чопорно сказала Мери.

– Если бы она была жива, я бы не был всегда болен, – ворчал он. – Я думаю, что я тогда тоже мог бы жить... И мой отец мог бы глядеть на меня... и у меня была бы прямая спина... Задерни занавеску!

Мери исполнила его желание и снова уселась на стул.

– Зачем занавеска задернута? – спросила она.

Он беспокойно задвигался.

– Это я им приказал так... Иногда... я не люблю видеть... как она на меня смотрит. Она слишком много улыбается, а я больной и... жалкий. И потом... ведь она м о я, и не хочу, чтобы все ее видели...

Несколько секунд в комнате царил молчание; потом Мери заговорила.

– Что бы сделала миссис Медлок, если бы узнала, что я здесь была? – спросила она.

– Она сделала бы, что я прикажу, – ответил он. – А я сказал бы ей, что я хочу, чтобы ты сюда ходила и разговаривала со мной... каждый день. Я рад, что ты пришла сюда!

– И я тоже! Я буду приходить часто, только... – она нерешительно остановилась, – мне ведь надо будет каждый день искать калитку... этого сада.

– О, да, ты должна... а потом ты мне все расскажешь! – Он несколько минут лежал, точно обдумывая что-то, но потом опять заговорил.

– Я думаю, что ты тоже будешь тайна, – сказал он. – Я им ничего не скажу, пока сами не узнают. Я всегда могу выслать сиделку из комнаты и сказать ей, что я хочу остаться один... Ты знаешь Марту?

– О, да, хорошо знаю! Она ухаживает за мной! – Он кивком головы указал на дверь в коридор.

– Она спит там, в другой комнате. Сиделка вчера ушла ночевать к своей сестре, а когда она уходит, она всегда заставляет Марту ухаживать за мной. Марта тебе скажет, когда прийти сюда.

Мери поняла, почему у Марты был такой смущенный вид, когда она спросила у нее, кто плакал.

– Значит, Марта знала все... про тебя? – спросила она.

– Да, она часто ухаживает за мной. Сиделка любит уходить от меня, и тогда Марта приходит.

– Я тут пробыла очень долго, – сказала Мери. – Уйти теперь? У тебя глаза сонные.

– Я бы хотел уснуть, прежде чем ты уйдешь, – робко сказал он.

– Закрой глаза, – сказала Мери, придвинув свой стул поближе, – и я сделаю то, что, бывало, делала моя айэ в Индии. Я буду гладить твою руку и спою тебе что-нибудь совсем тихонько!

– Это было бы, пожалуй, хорошо, – сказал он полусонным голосом.

Почему-то Мери было очень жаль его. Ей не хотелось, чтобы он лежал, не засыпая, и, прислонившись к постели, она стала поглаживать его руку, тихо напевая монотонную индусскую песенку.

– Это хорошо, – сказал он еще более сонным голосом. Она продолжала петь и гладить его руку, но когда взглянула на него, то увидела, что его черные ресницы опущены и глаза закрыты. Он крепко спал. Она тихо встала, взяла свою свечку и бесшумно вышла из комнаты.

Глава XIV

Когда наступило утро, степь была скрыта в тумане и дождь не переставал лить. О том, чтобы выйти, не могло быть и речи. Марта была так занята, что Мери никак не удавалось поговорить с нею, но после обеда она попросила ее прийти к ней в детскую посидеть. Марта пришла, захватив с собой чулок, который всегда вязала, когда ей больше нечего было делать.

– Что с тобой такое? – спросила она, как только они уселись. – У тебя такой вид, как будто ты хочешь что-то рассказать!

– Хочу. Я узнала, что это был за плач! – сказала Мери.

Марта уронила вязанье на колени и смотрела на нее испуганными глазами.

– Нет! – воскликнула она. – Никогда.

– Я услышала плач ночью, – продолжала Мери, – я встала и пошла посмотреть, откуда он слышится. Это был Колин. Я его отыскала.

Лицо Марты с испугу даже покраснело.

– О! Мисс Мери! – сказала она, почти плача. – Этого не следовало делать... не следовало! Ты меня доведешь до беды. Я тебе никогда ничего не рассказывала про него, а теперь беда будет... Я потеряю место... И что тогда будет делать мать?

– Ты не потеряешь места, – возразила Мери. – Он был рад, что я пришла. Мы говорили и говорили. Он сказал, что рад, что я пришла.

– Рад? – воскликнула Марта. – Правда? Ты не знаешь, какой он бывает, когда ему что-нибудь не по вкусу. Он слишком велик, чтобы плакать, как младенец, но когда он рассержен, он вопит только чтобы напугать нас. Он знает, что мы пикнуть не смеем.

– Он не был сердит, – сказала Мери. – Я его спросила, уйти ли мне, но он велел мне остаться. Потом он стал задавать мне вопросы, и я уселась на большой табурет и стала рассказывать ему про Индию, про сады, про малиновку. Он не хотел отпускать меня. Потом он показал мне портрет своей матери. А прежде чем уйти, я убаюкала его... песней!

Марта так и ахнула от изумления.

– Я не могу тебе поверить! – заявила она. – Ведь это все равно что войти прямо в львиное логовище! Если бы он был такой, как всегда, он бы взбесился и поднял весь дом. Ведь он не позволяет чужим даже посмотреть на себя!

– А мне позволил! Я все время глядела на него, а он на меня!

– Не знаю, что и делать! – воскликнула встревоженная Марта. – Если миссис Медлок узнает об этом, она подумает, что я не послушалась ее приказаний и рассказала тебе все, и тогда меня отошлют назад к матери.

– Он пока ничего не расскажет про тебя миссис Медлок. Это сначала будет как будто тайна, – твердо сказала Мери. – И он говорит, что все должны делать, как ему угодно!

– Это-то правда! Скверный мальчишка! – вздохнула Марта, отирая лоб передником.

– Он говорит, что миссис Медлок тоже должна. И он хочет, чтобы я приходила к нему каждый день; ты должна будешь передавать мне, когда я ему буду нужна.

– Я! – воскликнула Марта. – Я потеряю место, наверняка потеряю!

– Этого не случится, если ты будешь делать, что он захочет, а всем ведь приказано повиноваться ему, – убеждала Мери.

– Да неужели он был ласков с тобой! – воскликнула Марта, широко раскрыв глаза.

– Я думаю, что я ему понравилась, – ответила Мери.

– Ну, так ты, должно быть, околдовала его, – решила Марта, глубоко вздохнув.

– Ты думаешь, что это волшебство? – спросила Мери. – Я слышала про волшебство в Индии, но я не умею этого делать. Я просто вошла к нему в комнату и так удивилась, когда увидела его, что осталась на месте и все глядела на него. А потом он обернулся и стал глядеть

на меня. Он думал, что я призрак или сон, а я это же думала про него... И все это было так странно, что мы были одни, среди ночи, и даже не знали друг о друге, мы и начали задавать друг другу вопросы... А потом, когда я спросила, хочет ли он, чтобы я ушла, он сказал, что нет.

– Видно, конец света наступает, – вздохнула Марта.

– Да что с ним такое? – спросила Мери.

– Никто не знает наверное, – ответила Марта. – Когда он родился, мистер Крэвен точно помешался. Доктора думали, что его надо будет отправить в... сумасшедший дом... и все потому, что миссис Крэвен умерла... Я уже тебе говорила. Он ни за что не хотел поглядеть на младенца. Он все кричал, что он вырастет горбатым, как он сам, и что ему лучше умереть...

– Разве Колин горбатый? – спросила Мери. – Он не похож на горбуна...

– Нет еще, – ответила Марта, – только у него все началось как-то не так... Моя мать говорит, что в доме было столько горя и гнева, что любой ребенок испортился бы... Они все боялись, что у него спина слаба, и все ухаживали за ним – заставляли его лежать, не давали ему ходить. Раз ему даже надели железные помочи, но он так раскапризничался, что заболел... Потом к нему приехал важный доктор и заставил их снять. А с другим доктором он говорил так строго... хотя вежливо. Он сказал, что мальчику давали слишком много лекарств и слишком много воли, чтоб делать все по-своему.

– Я думаю, что он очень избалован, – сказала Мери.

– Хуже его нет на свете! – воскликнула Марта. – Конечно, он почти всегда хворает – то простуда, то кашель... Раза два он чуть не умер. И лихорадка у него была, и тиф... Уж и испугалась тогда миссис Медлок! Он тогда бредил, а она разговаривала с сиделкой, думая, что он ничего не понимает. «Теперь он уже, наверное, умрет, – говорила она, – и это будет самое лучшее и для него, и для всех». Посмотрела она на него, а он лежит и смотрит на нее своими большими глазами, да так осмысленно... Она не знала, что и подумать, а он поглядел на нее и говорит: «Дайте мне воды и перестаньте разговаривать».

– А ты думаешь, он умрет? – спросила Мери.

– Моя мать говорит, что нельзя выжить такому ребенку, который не бывает на свежем воздухе и ничего не делает, только лежит на спине, принимает лекарства да смотрит в книжки. Он очень слаб, терпеть не может, когда его выносят на свежий воздух, и так легко простуживается, что потом говорит, что будто от воздуха...

Мери сидела и смотрела на огонь.

– А я думаю, – медленно сказала она, – что ему, может быть, хорошо бы выходить в сад и смотреть, как все растет.

– Однажды его взяли к фонтану, где растут розы, – продолжала Марта. – А он прочел в какой-то газете, что иногда люди заболевают какой-то «розовой лихорадкой»; потом он начал чихать и кричать, что у него эта самая лихорадка. А тут еще один новый садовник, который не знал правил, прошел мимо и поглядел на него как-то странно... Он взбесился и стал кричать, что садовник поглядел на него потому, что у него растет горб. Он столько плакал, что потом всю ночь был болен.

– Если он когда-нибудь рассердится на меня, то я к нему никогда больше не пойду, – сказала Мери.

– Он заставит тебя прийти, если захочет, – сказала Марта, – так ты и знай.

Скоро послышался звонок, и Марта сложила свое вязанье.

– Это, небось, сиделка. Она хочет, чтобы я с ним посидела немного, – сказала она. – Надеюсь, что он в хорошем настроении духа.

Она вышла из комнаты и вернулась минут через десять с недоумевающим выражением лица.

– Да ты, должно быть, приворожила его, – сказала она. – Он сидит на диване со своими книжками, а сиделке велел уйти до шести часов. Я должна буду сидеть в смежной комнате.

Как только ушла сиделка, он позвал меня и говорит: «Я хочу, чтобы Мери Леннокс пришла ко мне; но помни, чтоб никому не рассказывать! Иди скорее!»

Мери сейчас же отправилась к нему.

Когда она вошла в комнату, в камине пылал яркий огонь, и при дневном свете она увидела, что комната была очень красива. Ковры, драпировки, книги и картины на стенах были ярких, светлых цветов, и комната имела блестящий, уютный вид, несмотря на серое небо и дождь. Колин сам тоже был похож на картину. Он был закутан в бархатный халат и сидел, прислонившись к большой глазетовой подушке. На щеках его горели яркие пятна.

– Войди же! – сказал он. – Я все утро думал о тебе.

– Я тоже думала о тебе, – ответила Мери. – Ты не представляешь, как Марта испугалась; она говорит, миссис Медлок подумает, что она рассказала мне про тебя, и ее отошлют домой.

Колин нахмурился.

– Поди скажи ей, чтобы она пришла сюда, – сказал он. – Она в соседней комнате.

Мери вышла и привела Марту, которая дрожала от страха. Колин все еще хмурился.

– Должна ты делать, что мне угодно, или не должна? – спросил он.

– Должна, сэр, – пробормотала Марта, вся вспыхнув.

– А миссис Медлок тоже?

– Все должны делать, что вам угодно, – сказала Марта.

– Так если я приказываю тебе привести ко мне мисс Мери, как же может миссис Медлок тебя отослать, если она узнает?

– Пожалуйста, не говорите ей, – умоляла Марта.

– Я е е с а м о е отошлю, если она посмеет только слово сказать, – с важностью заявил

Колин. – А это ей очень не понравится, уверяю тебя!

– Благодарю вас, сэр, я только исполняю долг!

– Я только этого и хочу, – сказал Колин еще с большей важностью. – Я о тебе позабочусь! А теперь иди!

Когда Марта затворила за собою дверь, Колин увидел, что Мери пристально смотрит на него, точно удивляясь чему-то.

– Почему ты так смотришь на меня? – спросил он. – О чем ты думаешь?

– Я думаю о двух вещах...

– О чем это? Садись и расскажи мне!

– Первое... вот что, – сказала Мери, садясь на большой табурет. – Однажды в Индии я видела мальчика-раджу... На нем везде торчали рубины, изумруды и брильянты, и говорил он с людьми так же... как ты говорил с Мартой. Все должны были исполнять все, что он приказывал... сию же минуту. Я думаю, что их бы убили, если бы они не послушались...

– Я тебя после заставлю рассказать мне про раджей, – сказал он, – а теперь скажи мне, о чем ты еще думала.

– Я думала о том, как ты не похож на Дикона!

– Кто такой Дикон? Какое странное имя!

– Это брат Марты. Ему двенадцать лет, – объяснила она. – И он не похож ни на кого на свете. Он умеет привораживать лисиц, и белок, и птиц, как туземцы в Индии привораживают змей. Он насвистывает на своей дудке, и все они приходят слушать.

На столе возле Колина лежало несколько толстых книг, и он вытащил одну из них.

– Тут есть картинка... заклинатель змей! – воскликнул он. – Иди-ка, посмотри на нее!

Книга была красивая, с великолепными раскрашенными иллюстрациями, и Колин отыскал одну из них.

– Разве Дикон умеет это делать? – оживленно спросил он.

– Он играл на дудке, а они слушали, – объяснила Мери. – Но он говорит, что это вовсе не волшебство. Он говорит, это все потому, что он живет в степи и знает их обычаи. Он говорит,

ему иногда кажется, что он сам птица или белка, потому что он их очень любит. Мне казалось, что он точно спрашивал что-то у малиновки, они точно разговаривали друг с другом... по-птичьи.

Колин откинулся на подушку; глаза его раскрывались все шире и шире, и на щеках горели пятна.

– Расскажи мне еще что-нибудь про него, – попросил он.

– Он все знает... о гнездах, о яйцах, – продолжала Мери. – Он знает, где живут лисицы, барсуки и выдры, но хранит это в тайне, чтобы другие мальчики не отыскивали нор и не спугнули их. Он знает про все, что только живет или растет в степи.

– А он любит степь? – спросил Колин. – Как это можно любить такое место... громадное, обнаженное, пустынное!

– Это самое красивое место, – запротестовала Мери. – Там растут тысячи чудных цветов, и тысячи маленьких живых созданий хлопчут, вьют гнезда, роют норы, поют, щебечут, пищат... Они всегда заняты, и им так весело под землей, или на деревьях, или среди вереска... Это их мир.

– Откуда ты знаешь все это? – спросил Колин, повернувшись, чтобы взглянуть на нее.

– Я там ни разу не была, – сказала Мери, вдруг спохватившись, – только проезжала ночью. Мне казалось, что она отвратительна. Но мне все это рассказала Марта, а потом Дикон. А когда Дикон говорит об этом, то кажется, будто все это видишь и слышишь.

– Когда бываешь болен, то никогда ничего такого не видишь, – беспокоился Колин.

Он имел вид человека, который прислушивается к каким-то новым звукам вдали и старается угадать, что это такое.

– Нельзя ничего видеть, когда сидишь в комнате!

– Я не могу пойти в степь! – сказал он обидчиво.

Мери с минуту помолчала, потом сказала нечто очень смелое.

– Мог бы пойти... когда-нибудь!

Он сделал движение, точно его испугали.

– Пойти в степь! Как я могу! Ведь я скоро умру!

– Откуда ты знаешь? – недружелюбно спросила Мери. Ей не нравился тон, которым он говорил о своей смерти. Она не чувствовала никакого сожаления; ей казалось, что он точно хвалится этим.

– О, я это слышал с тех пор, как помню себя, – сердито ответил он. – Все они вечно шепчутся об этом и думают, что я не замечаю. И им всем этого хочется...

В Мери вдруг проснулся дух противоречия. Она крепко сжала губы.

– Если бы им хотелось, чтобы я умерла, – сказала она, – я бы этого не сделала... Кому это хочется, чтоб ты умер?

– Слугам... и, конечно, доктору Крэвену, потому что он тогда получил бы Миссeltuэйт и был бы богат, а не беден. Он не смеет сказать этого, но у него всегда довольный вид, когда мне хуже... А когда у меня был тиф, он потолстел... И я думаю, что даже моему отцу этого хочется...

– А я этого не думаю, – упрямо сказала Мери.

Колин обернулся и снова посмотрел на нее.

– Ты не думаешь? – сказал он.

Он откинулся на подушки и притих, точно думая о чем-то. Наступило продолжительное молчание. Быть может, оба они думали о таких странных вещах, о которых обыкновенно дети не думают.

– Мне очень нравится важный доктор из Лондона, потому что он приказал снять с тебя эту железную штуку, – сказала наконец Мери. – Он тоже сказал, что ты скоро умрешь?

– Нет.

– Что же он сказал?

– Он не шептал, – ответил Колин, – может быть, он знал, что я терпеть не могу шепота. Я сам слышал, как он громко сказал: «Мальчик мог бы жить, если б только твердо решил сделать это. Надо возбудить в нем охоту». И он сказал это, как будто он сердился.

– Я тебе скажу, кто мог бы, пожалуй, придать тебе охоты, – сказала Мери, точно размышляя вслух. – Это Джон. Он всегда говорит о чем-нибудь живом. Он никогда не говорит про мертвое или про больное... Он всегда смотрит вверх, в небо, как летают птицы, или вниз, на землю, как растет что-нибудь... У него такие круглые голубые глаза, всегда широко раскрытые, потому что он всегда глядит на все вокруг. И смеется он так громко своим большим ртом... А щеки у него красные... точно вишни.

Она придвинула свой табурет поближе к софе, и выражение ее лица совершенно изменилось, когда она стала вспоминать о широко раскрытых глазах и большом рте.

– Вот что, – сказала она, – не будем говорить о смерти, я этого не люблю. Будем говорить о живом. Будем говорить о Диконе, а потом будем смотреть твои картинки.

Она не могла сказать ничего лучшего. Говорить о Диконе – значило говорить о степи, коттедже, в котором четырнадцать человек жили на шестнадцать шиллингов в неделю, о детях, которые толстели от степной травы, точно дикие пони. Это значило говорить о матери Дикона, о прыгалке, которую она прислала, о степи, над которой сияло солнце, о бледно-зеленых острях, которые выглядывают из черной земли. А во всем этом было так много «живого», что Мери говорила больше, чем когда-либо прежде, а Колин и говорил, и слушал, как никогда прежде. Потом оба начали смеяться без всякой причины, как делают дети, когда им хорошо вместе.

И они столько смеялись, что, в конце концов, начали так шуметь, как будто это были самые обыкновенные, здоровые, нормальные десятилетние дети, а не черствая, никого не любящая девочка и болезненный мальчик, которому казалось, что он скоро умрет.

Им было так весело, что они забыли про картинки и забыли, что время шло, как вдруг Колин о чем-то вспомнил.

– А ты знаешь, о чем мы ни разу не подумали, – сказал он, – ведь мы двоюродные брат и сестра!

Это показалось им таким странным, что они стали смеяться еще громче. И среди этого веселья и смеха дверь вдруг отворилась, и вошли миссис Медлок и доктор Крэвен.

Доктор Крэвен вздрогнул от испуга, а миссис Медлок чуть не упала, потому что он нечаянно толкнул ее.

– Господи Боже! – воскликнула бедная миссис Медлок, глаза которой почти готовы были выскочить из орбит. – Господи Боже!

– Что это такое? – спросил доктор Крэвен, шагнув вперед. – Что это значит?

Мери вдруг снова вспомнился мальчик-раджа: Колин ответил так, как будто ни испуг доктора, ни ужас миссис Медлок ровно ничего не значили. Он был так же мало смущен или испуган, как если бы в комнату вошли кошка и собака.

– Это моя двоюродная сестра Мери Леннокс, – сказал он. – Я попросил ее прийти сюда и поговорить со мной. Она мне нравится. Теперь она должна будет приходить сюда и говорить со мной, когда я буду посылать за нею.

Доктор Крэвен с укоризной поглядел на миссис Медлок.

– О, сэр, – начала она, задыхаясь, – я не знаю, как это случилось. В доме нет ни одного слуги, который осмелился бы говорить об этом, – им всем отдано приказание...

– Ей никто не говорил, – сказал Колин. – Она услышала, как я плакал, и сама отыскала меня. Я рад, что она пришла. Не будьте же глупы, Медлок.

Мери видела, что доктор Крэвен не особенно доволен, но, очевидно, не осмеливался противоречить своему пациенту. Он сел возле Колина и пощупал его пульс.

– Я боюсь, что ты слишком много волновался. А волнение вредно тебе, мой мальчик, – сказал он.

– Я буду волноваться, если она перестанет приходить, – ответил Колин, в глазах которого появился зловещий блеск. – Мне гораздо лучше! Мне лучше, потому что она здесь. Пусть сиделка принесет нам обоим чаю; мы будем пить чай вместе.

Миссис Медлок и доктор Крэвен тревожно переглянулись; но делать, очевидно, было нечего.

– Он выглядит гораздо лучше, сэр, – осмелилась заметить миссис Медлок. – Но... – она остановилась, как бы обдумывая что-то, – он выглядел гораздо лучше сегодня утром, прежде чем она забралась в эту комнату.

– Она пришла сюда вчера ночью. Она долго сидела у меня. Она пела мне индусские песни и убаюкала меня, – сказал Колин. – Когда я проснулся, мне было лучше, я захотел завтракать. А теперь я хочу чаю... Скажите сиделке, Медлок!

Доктор Крэвен оставался недолго. Он несколько минут поговорил с сиделкой, когда она вошла в комнату, и потом сказал несколько слов Колину, в виде предостережения, что он не должен слишком много говорить, не должен забывать, что он болен, не должен забывать, что очень скоро утомляется. Мери подумала, что Колину приходится не забывать о множестве неудобств.

У Колина был капризный вид, и его странные глаза с черными ресницами были устремлены на лицо доктора Крэвена.

– Я хочу забыть обо всем этом, – сказал он, наконец. – Она заставляет меня забыть об этом... Поэтому-то я и хочу, чтобы она приходила!

Вид у доктора Крэвена был не особенно довольный, когда он вышел из комнаты, и он с недоумением посмотрел на Мери, сидевшую на большом табурете. Когда он вошел, она снова превратилась в чопорную, молчаливую девочку, и он никак не мог понять, что в ней так привлекло Колина. У мальчика действительно был более оживленный вид, и доктор тяжело вздохнул, идя по коридору.

– Они вечно заставляют меня есть, когда я не хочу, – сказал Колин, когда сиделка принесла чай и поставила его на стол возле дивана. – А теперь, если ты будешь есть, я тоже буду. А булки такие славные и горячие... Ну, Расскажи мне про раджей...

Глава XV

После целой недели дождя снова открылся высокий голубой свод неба и ярко засветило солнце. Хотя Мери не имела возможности повидать ни таинственный сад, ни Дикона, ей было очень весело, и неделя вовсе не показалась ей долгой. Она по нескольку часов в день проводила в комнате Колина, рассказывая ему про раджей, про сад, про Дикона и коттедж в степи. Они рассматривали великолепные книги и рисунки; иногда Мери читала вслух Колину, а иногда он читал ей. Когда его что-нибудь забавляло или интересовало, он, как казалось Мери, вовсе не был похож на больного, только лицо его было очень бледно и он всегда лежал на диване.

– И хитрая же ты: подслушала, встала с постели и отправилась на розыски тогда ночью, – сказала однажды миссис Медлок. – Но нельзя не сказать, что это благословение для всех нас... У него не было ни припадков, ни капризов с тех пор, как вы подружились. Сиделка уже собиралась отказаться от места, потому что он ей надоел, а теперь она говорит, что останется, если ты с нею дежуришь, – добавила она со смехом.

Во время своих разговоров с Колином Мери старалась быть очень осторожной и не упоминать о таинственном саде. Ей очень хотелось испытать кое-что у Колина, но она понимала, что не следовало задавать ему прямых вопросов. Во-первых, так как ей было приятно быть с Колином, ей хотелось узнать, можно ли ему доверить тайну. Он ничуть не походил на Дикона, но ему так нравилась мысль о саде, про который никто не знал, что, по ее мнению, ему можно было доверить. Но, с другой стороны, она недостаточно хорошо знала его, чтобы быть уверенной в этом. Во-вторых, ей хотелось узнать следующее: если ему действительно можно было доверить тайну, можно ли было как-нибудь взять его в сад, но так, чтобы никто этого не заметил. Быть может, если бы Колин был побольше на открытом воздухе, познакомился бы с Диконем, видел бы, как все вокруг растет, он бы, пожалуй, не думал столько о смерти.

За последнее время Мери иногда видела свое лицо в зеркале и сразу заметила, что у нее совершенно другой вид, чем был у той девочки, которая только что приехала из Индии.

– Почему ты всегда сердишься, когда на тебя смотрят? – спросила она однажды Колина.

– Я всегда терпеть не мог этого, – ответил он, – даже когда был маленький. Когда меня взяли на морской берег и я, бывало, лежал в своей колясочке, все смотрели на меня, а дамы даже останавливались и разговаривали с моей нянькой... Потом они начинали шептать, и я уже знал: они говорили, что я никогда не вырасту большим и умру. А иногда дамы гладили меня по щеке и говорили: «Бедное дитя». Однажды, когда одна дама сделала это, я громко закричал и укусил ее за руку. Она так испугалась, что убежала прочь.

– Она думала, что ты взбесился, как собака, – сказала Мери, ничуть не удивившись.

– Мне все равно, что б она ни думала, – нахмурившись, ответил Колин.

– Я удивляюсь, что ты не закричал и не укусил меня, когда я вошла к тебе в комнату, – сказала Мери; на лице ее медленно появилась улыбка.

– Я думал, что ты призрак или сон, – сказал он. – А призрак или сон нельзя укусить, и если закричать, то им все равно.

– А тебе бы очень не понравилось... если б на тебя посмотрел один мальчик? – неуверенно спросила Мери.

Он откинулся на подушки и задумался.

– Есть такой мальчик, – сказал он медленно, точно обдумывая каждое слово, – есть один мальчик, которому я, пожалуй, позволил бы. Это мальчик, который знает, где живут лисицы, – Дикон.

– Я уверена, что ты позволил бы ему, – сказала Мери.

– Птицы позволяют ему глядеть на них... и другие звери, – сказал он, все еще обдумывая что-то, – поэтому, может быть, и мне следует позволить. Он ведь как будто чародей, а я... мальчик-зверь.

Он рассмеялся, и она тоже – такой смешной им показалась мысль о мальчике-звере, который прячется в своей норе.

После этого Мери уже была уверена, что ей не надо бояться за Дикона.

В первое ясное утро Мери проснулась очень рано. Косые лучи солнца пробирались сквозь ставни, и Мери соскочила с постели и подбежала к окну. Когда она подняла штору и открыла окно, ее обдало свежим благоухающим воздухом. Степь была голубая; там и сям раздавались нежные мелодичные звуки, как будто множество птиц готовилось к концерту. Мери высунула руку из окна и подставила ее солнцу.

– Как тепло... тепло! – сказала она. – Должно быть, еще очень рано. Никто еще не встал. Даже мальчиков на конюшне еще не слышно.

Внезапно пришедшая ей в голову мысль заставила ее вскочить.

– Я не могу ждать... Пойду посмотрю сад.

К этому времени она уже научилась одеваться сама и оделась в пять минут. Она знала, где находилась маленькая боковая дверь, которую она сама могла отпереть, и она сбежала вниз в одних чулках, надев башмаки в коридоре.

Когда она добралась до того места, где находилась скрытая плющом калитка, странный громкий звук заставил ее вздрогнуть. Это было карканье вороны, и раздавалось оно с самого верха стены. Когда Мери взглянула вверх, она увидела сидевшую там большую иссиня-черную птицу с блестящими перьями, которая смотрела вниз, прямо на нее. Мери никогда прежде не видела ворона так близко и немного испугалась; но птица вдруг расправила крылья и понеслась над садом. Мери толкнула калитку, надеясь, что птица не останется в саду, и боясь найти ее там. Когда она вошла в сад, то увидела, что птица, очевидно, решила остаться там, потому что уселась на низкорослой яблоне; под этой яблоней лежало маленькое рыжеватое животное с пушистым хвостом, и оба они глядели на согнувшегося рыжеголового Дикона, который усердно работал, стоя на коленях в траве.

Мери подбежала к нему.

– О, Дикон, – крикнула она, – как ты мог добраться сюда так рано! Ведь солнце только что встало!

Он тоже встал, улыбающийся, оживленный, растрепанный, с глазами, похожими на клочки неба.

– О, я встал гораздо раньше солнца! – сказал он. – Разве я мог оставаться в постели! Все вокруг трудится, жужжит, поет, вьет гнезда – так и хочется выйти, вместо того чтоб лежать на боку. А когда солнце поднялось над степью, я выбежал и стал кричать и петь... Я прибежал прямо сюда!.. Никак не мог удержаться. Ведь здесь меня ждал сад...

Увидев, что Дикон толкует с кем-то, маленькое животное с пушистым хвостом поднялось со своего места под деревом и подошло к нему, а ворон, каркнув раз, слетел с ветви и преспокойно уселся на плече Дикона.

– Это маленькая лисица, – сказал он, потирая голову рыжеватого зверька. – Ее зовут Капитан. А это Сажа. Сажа летел по степи вслед за мною, а Капитан бежал, как будто за ним гнались собаки.

И у лисы и у птицы был такой вид, как будто они ничуть не боялись Мери. Когда Дикон стал ходить, Сажа продолжал сидеть у него на плече, а Капитан шел подле него.

– Посмотри-ка сюда! – сказал Дикон. – Видишь, как все это разрослось... и вот это... и это! И взгляни-ка сюда!

Они дошли до клумбы, где пышно распустились пурпурные, оранжевые и золотистые крокусы. Он опустился на колени, и Мери тоже. Мери наклонилась и стала их целовать.

Они бегали по саду и всюду находили столько чудес, что должны были напоминать друг другу, что следует говорить шепотом. Дикон указывал Мери на разбухшие почки на розовых кустах, которые казались совсем мертвыми, указывал на десятки тысяч зеленых игл, появлявшихся из-под земли. Они припадали носами к земле, вдыхая в себя ее теплый весенний запах; они копали, пололи, смеялись от восторга, и волосы Мери были так же всклокочены, как у Дикона, и щеки были так же румяны, как у него.

Вдруг что-то быстро перелетело через ограду и пронеслось между деревьями прямо в густо заросший угол сада; это была красногрудая птичка, в клюве которой что-то болталось. Дикон остановился и схватил Мери за руку, как сделал бы человек, при котором другой вздумал бы смеяться в церкви.

– Мы не должны шевелиться, – шепнул он. – Я так и знал, что она скоро начнет вить гнездо, когда я ее видел в последний раз. Это малиновка Бена. Она вьет теперь гнездо. Она останется здесь, если мы ее не спугнем.

Они медленно опустились на траву и сидели, не шевелясь.

– Сделаем вид, что мы совсем не смотрим на нее, – сказал Дикон. – А то она улетит навсегда, если заметит, что мы ей мешаем. Она теперь будет совсем другая, пока не сойдет гнезда. Она будет более пуглива и сердита, и ей некогда будет летать в гости и болтать. Нам теперь надо сидеть тихонько, а когда она привыкнет к нам, я немножко почирикаю, и она поймет, что мы ей не будем мешать.

Он сидел совсем неподвижно и говорил очень тихо, почти шепотом.

– Если мы будем говорить о птичке, то я не могу не смотреть на нее, – сказала Мери тихонько. – Мы должны говорить о чем-нибудь другом. Я хочу тебе что-то рассказать.

– Что ты хочешь сказать мне? – спросил Дикон.

– Вот что... Ты знаешь... про Колина? – шепнула она. Он обернулся и посмотрел на нее.

– А ты что про него знаешь? – спросил он.

– Я видела его. Я была у него каждый день на этой неделе. Он хочет, чтобы я приходила, и он говорит, что я заставляю его забывать о том, что он болен и скоро умрет, – ответила Мери.

Когда выражение изумления сбегало с лица Дикона, на нем выразилось облегчение.

– Как я рад! – воскликнул он. – Мне теперь легче! Я знал, что о нем нельзя говорить, а я не люблю ничего скрывать.

– И про сад... тоже не любишь скрывать? – сказала Мери.

– Я никогда ничего не скажу, – ответил он. – Только матери я сказал: «Мама, у меня есть тайна, которую надо хранить. Это не что-нибудь дурное, ты ведь знаешь. Это все равно что хранить в тайне, где свито птичье гнездо. Ты ведь позволишь?»

– Что же она сказала? – спросила Мери без всякого страха. Она очень любила слушать, когда рассказывали про мать Дикона.

Дикон ласково улыбнулся.

– Мама всегда такая, – сказал он. – Она взъерошила мои волосы, засмеялась и говорит: «Храни, сколько тебе угодно, тайн! Я тебя уже двенадцать лет знаю!»

– А как ты узнал про Колина? – спросила Мери.

– Да все, которые слышали про мистера Крэвена, знали, что у него есть маленький мальчик, который вырастет калекой, и все знали, что мистер Крэвен не любит, чтобы про это говорили. Люди очень жалели мистера Крэвена, потому что миссис Крэвен была очень красивая дама и они очень любили друг друга. Миссис Медлок часто останавливается у нас в коттедже, когда идет в деревню, и всегда толкует об этом при детях, потому что знает, что нам можно доверять. А ты как узнала про него? Когда Марта была дома, она была очень огорчена. Она говорила, что ты слышала, как он плакал, и стала задавать вопросы, а она не знала, что тебе сказать.

Мери стала рассказывать ему, как в ту ночь был ветер и разбудил ее, как она услышала далекие звуки жалобного плача, как этот звук вел ее по коридорам со свечой в руке и как она открыла дверь слабо освещенной комнаты, в углу которой стояла резная кровать с балдахинном. Когда она описала ему маленькое бледное лицо Колина и его странные глаза с темными ресницами, Дикон покачал головой.

– У его матери, говорят, были такие глаза, только ее глаза всегда улыбались, – сказал он. – Люди говорят, что мистер Крэвен поэтому не может видеть мальчика, когда он не спит: его глаза так похожи на глаза матери... но они совсем другие, и лицо у него такое несчастное...

– Как ты думаешь, неужели ему хочется, чтобы мальчик умер? – прошептала Мери.

– Нет. Но он думает, что мальчику лучше было не родиться на свет. Моя мать говорит, что это хуже всего для ребенка. Мистер Крэвен готов купить что угодно для бедного мальчика, но хотел бы забыть, что он есть на свете. Он одного боится – что когда-нибудь взглянет на него и увидит, что он горбатый!

– Колин и сам так боится этого, что не хочет сидеть, – сказала Мери. – Он говорит, что всегда думает об этом и если почувствует, что у него появляется горб, то сойдет с ума и будет кричать, пока не умрет.

– Не надо бы ему лежать там и думать о таких вещах, – сказал Дикон. – Ни один мальчик не мог бы выздороветь, если бы думал все об этом.

Лисичка, лежавшая на траве подле Дикона, то и дело взглядывала на него, точно прося погладить ее. Дикон нагнулся погладить ее и несколько минут сидел молча. Потом он поднял голову и осмотрелся вокруг.

– Когда мы впервые забрались сюда, все было какое-то серое. Посмотри-ка вокруг и скажи мне, замечаешь ты какую-нибудь разницу?

Мери посмотрела и ахнула.

– Смотри-ка! – воскликнула она. – Ведь серое точно меняется. На него словно надвигается зеленый туман. Он похож на зеленую газовую вуаль.

– Да, и он будет становиться зеленее и зеленее, пока все серое не исчезнет, – сказал Дикон. – А угадай-ка, о чем я думаю?

– О чем-нибудь хорошем, – оживленно сказала Мери. – Это, вероятно, что-нибудь про Колина!

– Я думал, что если бы он был здесь, в саду, то он бы не думал о горбе, который вырастет у него на спине, а думал бы о листочках, которые распускаются на розовых кустах, и, пожалуй, был бы здоровее, – объяснил Дикон. – Я все думал, нельзя ли сделать так, чтобы у него явилась охота прийти сюда и полежать под деревьями в своей колясочке.

– Я и сама думала об этом почти каждый раз, когда разговаривала с ним, – сказала Мери. – Я все думала, сумеет ли он хранить тайну и можно ли нам будет когда-нибудь привезти его сюда, но так, чтобы его никто не видел. Я думаю, ты мог бы везти его колясочку. Доктор говорил, что ему нужен свежий воздух... А если Колин захочет, чтобы мы его привезли сюда, то никто не посмеет ослушаться. Он не пойдет ради других... и они, может быть, будут довольны, если он сделает это ради нас. Он может приказать садовникам, чтобы они не показывались на глаза, и тогда никто ничего не узнает...

Дикон что-то обдумывал, почесывая спину Капитана.

– Ему было бы хорошо, я уверен в этом, – сказал он. – Мы бы не думали о том, что ему лучше было бы не родиться на свет... Нас было бы трое детей, и мы бы смотрели, как идет весна... Это было бы, пожалуй, лучше, чем лекарства...

– Он так давно лежит у себя в комнате и так боится, что у него будет горб, что стал какой-то странный. Он знает очень многое из своих книжек... а больше ничего не знает. Он говорит, что так болен, что ничего не замечает, терпеть не может выходить из дому, не любит ни садов,

ни садовников. Но он любит слушать рассказы про этот сад, потому что это тайна. Я не смею рассказать ему всего, но он раз сказал, что хотел бы его видеть.

– Мы когда-нибудь привезем его сюда, – сказал Дикон. – Я мог бы везти его колясочку... А ты заметила, как обе малиновки работали, пока мы тут сидели? Посмотри-ка, вон одна на ветке точно раздумывает, куда сунуть прутик, который у нее в клюве!

Дикон тихо свистнул, и птичка повернула головку и вопросительно взглянула на него, все еще держа прутик. Дикон ласково заговорил с нею.

– Ты знаешь, что мы тебе не помешаем, – сказал он. – Мы ведь тоже строим гнездо. Смотри, никому не рассказывай про нас!

И хотя малиновка ничего не ответила. Мери была вполне уверена, что она никому на свете не выдаст их тайны.

Глава XVI

В это утро в саду было много работы, и Мери вернулась в дом несколько позже; она так торопилась снова приняться за работу, что до самой последней минуты даже не вспомнила о Колине.

– Скажи Колину, что я не могу прийти к нему, – сказала она Марте. – У меня очень много работы в саду.

На лице Марты выразился испуг.

– О, мисс Мери, – сказала она, – он, пожалуй, рассердится, когда я ему скажу это.

Но Мери не боялась его, как другие, и она не была особенно склонна к самопожертвованию.

– Я не могу остаться! Меня ждет Дикон! – И она убежала прочь.

После полудня они работали еще усердней, им было еще веселее, чем утром. Они выполнили почти все сорные травы, подрезали большинство розовых кустов и вскопали землю вокруг них. Дикон принес собственный заступ и учил Мери, как надо работать ее садовыми орудиями.

– Скоро зацветут яблони и вишни, – сказал он, усердно работая. – А вон там, у стен, зацветут персики и сливы, и трава будет... настоящий ковер из цветов...

Когда Мери захотелось отдохнуть, оба они уселись под деревом. Дикон вынул из кармана свою дудочку и заиграл на ней; звуки были нежные и странные, и на стене, окружавшей сад, вдруг появились две белки, глядя вниз и прислушиваясь.

Солнце клонилось к закату, и его ярко-золотые косые лучи проникали сквозь листву деревьев, когда дети расстались.

– Завтра будет ясно, – сказал Дикон. – Я примусь за работу на рассвете!

– И я тоже, – сказала Мери.

Она быстро понеслась к дому, желая рассказать Колину про Дикона, про ворону и лисичку, про то, что сделала весна. Она была уверена, что он захочет услышать обо всем этом, и была неприятно поражена, отворив дверь своей комнаты и увидев Марту, которая стояла и ждала ее с грустным выражением лица.

– Что случилось? – спросила она. – Что сказал Колин, когда ты его предупредила, что я не могу прийти?

– О, лучше было бы, если бы ты пошла! – сказала Марта. – С ним опять чуть не случился припадок. Мы почти целый день возились, чтобы успокоить его. Он все время глядел на часы.

Мери крепко стиснула губы. Она так же мало привыкла думать о других, как и Колин, и никак не могла понять, почему раздражительный мальчишка мешает ей делать то, что ей нравится. Она не знала, как жалки те люди, которые всегда больны и раздражены, которые не знают, что можно владеть собою и не раздражать других. В Индии, когда у нее бывала головная боль, она делала все возможное, чтобы довести и других до головной боли или чего-нибудь похуже. И она, конечно, считала, что совершенно права; но теперь, конечно, сознавала, что Колин не прав.

Когда она вошла в его комнату, его не было на диване. Он лежал в кровати, на спине, и даже не повернул к ней головы. Начало было недоброе, и Мери подошла к мальчику с самым чопорным видом.

– Почему ты не встал? – спросила она.

– Я встал сегодня утром, потому что думал, что ты придешь, – ответил он, не глядя на нее. – А после полудня я заставил их опять уложить меня в постель. У меня болела спина, болела голова, и я очень устал. Отчего ты не пришла?

– Я работала с Диконом в саду, – сказала Мери.

Колин нахмурился и, наконец, удостоил ее взглядом.

– Я не позволю этому мальчику приходить сюда, если ты будешь уходить к нему вместо того, чтобы прийти сюда и разговаривать со мной, – сказал он.

Мери вдруг вышла из себя. С ней это случалось без всякого шума; она просто становилась упрямой и угрюмой, и ей было все равно, что бы ни случилось.

– Если ты прогонишь Дикона, я никогда больше не войду к тебе в комнату! – возразила она.

– Ты должна будешь прийти, если я захочу! – сказал Колин.

– Не приду! – сказала Мери.

– Я заставлю тебя прийти! Тебя притащат силой!

– Вот как, господин раджа! – свирепо крикнула Мери. – Меня могут притащить сюда, но не могут заставить говорить, когда я буду здесь. Я буду сидеть тут, стисну зубы и не скажу ни слова! Я даже не взгляну на тебя! Я буду смотреть в пол.

Оба они сердито глядели друг на друга; если бы они были уличными мальчишками, они бы бросились друг на друга с кулаками.

– Ты эгоистка! – крикнул Колин.

– А ты кто? – спросила Мери. – Эгоисты всегда говорят так. Всякий у них эгоист, кто не хочет делать то, что им нравится. Ты еще больший эгоист, чем я. Ты хуже всех мальчиков, которых я когда-либо видела!

– Неправда! – отрезал Колин. – Я не такой эгоист, как твой хороший Дикон! Он играет с тобой в саду, когда знает, что я здесь совсем один. Он эгоист, если хочешь знать!

Глаза Мери сверкнули.

– Он лучше всех других мальчиков! Он... он хороший, как ангел!

– Хорош ангел! – презрительно сказал Колин. – Он простой деревенский мальчишка!

– Он лучше, чем простой раджа! – возразила Мери. – В тысячу раз лучше!

Так как она была сильнее Колина, победа оказалась на ее стороне. Дело в том, что ему никогда в жизни не случалось спорить с кем-нибудь похожим на него, и это оказалось очень полезным для него, хотя ни он, ни Мери не подозревали этого. Он повернул голову на подушке, закрыл глаза, и крупная слеза покатилась по его щеке. Он начинал жалеть самого себя – но больше никого.

– Я не такой эгоист, как ты, потому что я всегда болен и я знаю, что у меня на спине растет горб, – сказал он. – И еще... я скоро умру!

– Вовсе нет! – недружелюбно заявила Мери.

Глаза его широко раскрылись от негодования. Ему никогда в жизни не приходилось слышать этого. Он был и взбешен, и в то же время немного польщен, если только такое возможно.

– Нет? – крикнул он. – Умру! Ты знаешь, что умру! Все это говорят!

– А я не верю! – угрюмо сказала Мери. – Это ты только говоришь, чтоб люди тебя жалели! По-моему, ты даже гордишься этим. Я не верю этому. Если бы ты был хороший мальчик, это бы, может быть, была правда, но ты слишком гадкий!

Несмотря на свою больную спину, Колин вдруг сел в постели, исполненный ярости.

– Убирайся отсюда! – крикнул он и, схватив свою подушку, бросил ее в Мери. Он был слишком слаб, чтобы бросить ее далеко, и она упала у ее ног, но лицо Мери сделалось каким-то острым.

– Я иду! – сказала она. – И больше не приду!

Она пошла к двери и, когда дошла до нее, обернулась и снова заговорила.

– Я хотела рассказать тебе кое-что хорошее, – сказала она. – Дикон принес свою лисичку и ворона, и я хотела тебе рассказать про них. А теперь я тебе ничего не скажу! – Она вышла и затворила за собою дверь.

К ее величайшему удивлению, она увидела сиделку, которая как будто подслушивала их; но что было еще удивительней – сиделка смеялась. Это была статная, красивая молодая

женщина, которая вовсе не годилась в сиделки, потому что терпеть не могла больных. Она вечно находила предлоги, чтобы оставить Колина на попечении Марты или кого-нибудь другого. Мери очень не любила ее и теперь остановилась, в изумлении глядя на нее, как она хохотала, зажимая рот платком.

– Чему вы смеетесь? – спросила ее Мери.

– Смеюсь над вами обоими, – сказала сиделка. – Для такого хилого избалованного мальчишки – самое лучшее натолкнуться на кого-нибудь такого же избалованного, как он сам. – И она снова начала смеяться в платок. – Если бы у него была сестренка, с кем он мог бы спорить и драться, – это спасло бы его.

– Правда, что он скоро умрет?

– Я не знаю, и мне дела нет до этого. Половина его болезни – это истерика и злой нрав.

– А что такое истерика?

– Это ты узнаешь, когда у него будет припадок после всего этого. Во всяком случае, ему будет от чего беситься теперь, и я этому очень рада.

Мери ушла к себе в комнату совсем в другом настроении, чем когда она вернулась из сада. Она была зла и недовольна, но ей вовсе не жаль было Колина. Она так ждала того времени, когда можно будет рассказать ему столько всего, и собиралась решить вопрос о том, можно ли ему доверить великую тайну. Она было уже решила, что можно, но теперь переменила решение. Она никогда ничего ему не скажет; пусть себе лежит там в комнате и никогда не выходит на свежий воздух; пусть даже умирает, если ему угодно! Поделом ему будет! Она была так угрюма и озлоблена, что почти забыла про Дикона и про зеленый туман в саду.

Марта ждала ее, и выражение гнева на лице Мери на секунду сменилось выражением любопытства. На столе стоял деревянный ящик, крышка его была снята, и внутри виднелись свертки.

– Мистер Крэвен прислал это тебе, – сказала Марта.

Мери вспомнила, что он спрашивал у нее в тот день, когда она пришла к нему в кабинет: «Не надо ли тебе чего-нибудь – кукол, игрушек, книг?» Она развязала один сверток, думая о том, прислал ли он куклу, и о том, что она с ней будет делать. Но он не прислал куклы. Там было несколько прекрасных книг, таких, как у Колина; в двух из них говорилось о садах и было множество рисунков. Кроме того, там было несколько игр и прекрасный письменный прибор, с золотой монограммой, с золотым пером и чернильницей.

Все это было такое красивое, что удовольствие стало вытеснять гнев в ее душе. Она не предполагала, что мистер Крэвен будет помнить ее, и маленькое черствое сердце девочки смягчилось.

– Я пишу лучше, чем печатаю, – сказала она, – и первое, что я напишу этим пером, будет письмо, чтоб сказать ему, что я ему очень благодарна.

Если б она была дружна с Колином, она побежала бы показать ему подарки; они стали бы рассматривать рисунки, стали бы читать книжки, потом играли бы в новые игры, и Колина было бы так весело, что он ни разу не вспомнил бы, что скоро умрет, ни разу не пощупал бы спины, чтобы удостовериться, что у него не растет горб. У него была такая странная манера делать это, что она всегда пугалась, потому что у него самого бывал такой испуганный вид. Он сказал Мери, что, если он когда-нибудь нащупает на спине хоть маленький комочек, он будет знать, что его горб начал расти. Нечаянно подслушанные перешептывания миссис Медлок с сиделкой навели его на эту мысль; он столько думал об этом, что она прочно засела в его голове. Он никогда не говорил никому, кроме Мери, что большинство его «припадков» было вызвано только тайным страхом. Мери было очень жаль Колина, когда он сказал ей это.

– Он постоянно начинает думать об этом, когда сердит или утомлен, – сказала она вслух. – А сегодня он очень сердит. Он, пожалуй... думал об этом весь день!

Она стояла неподвижно, глядя на ковер.

– Я сказала ему, что больше никогда не приду, – она видимо колебалась, и брови ее сдвинулись, – но может быть... может быть, я пойду, посмотрю, не нужна ли я ему... завтра утром. Может быть... он опять попробует бросить в меня подушкой... но я думаю... я пойду к нему.

Глава XVII

Так как Мери встала рано и усердно работала в саду, то была очень утомлена, и ей хотелось спать. Как только Марта принесла ей ужин и она поела, она с удовольствием отправилась спать. Положив голову на подушку, она пробормотала:

– Завтра я выйду до завтрака и буду работать с Диконом, а потом... я, пожалуй, пойду к нему.

Была уже полночь, как казалось Мери, когда ее разбудил какой-то странный шум, и она сразу соскочила с кровати. Что это было? В следующий момент она поняла, в чем дело. Где-то открывали и закрывали двери, в коридоре слышались торопливые шаги и кто-то плакал и кричал страшным голосом.

– Это Колин! – сказала она. – У него опять припадок, который сиделка называет истерикой. Какие страшные звуки!

Прислушиваясь к рыданиям и крикам, она уже больше не удивлялась, что люди так пугались их и готовы были уступить Колину во всем, чтобы только не слышать их. Она заткнула уши руками, ей было дурно, и она вся дрожала.

– Я не знаю, что делать, я не знаю, что делать, – повторяла она. – Я не могу этого слышать.

Она вдруг подумала о том, перестанет ли он кричать, если она посмеет войти к нему, или нет. Потом она вспомнила, как он прогнал ее из комнаты, и подумала, что ему, пожалуй, станет хуже, когда он увидит ее. Как крепко она ни зажимала уши руками, она все-таки не могла не слышать этих страшных звуков. Они вызывали в ней такой ужас, который вдруг перешел в гнев, ей вдруг захотелось самой закричать и напугать его так же, как он пугал ее. Она не привыкла ни к чьим вспышкам, кроме своих собственных. Она отняла руки от ушей, вскочила и затопала ногами.

– Пусть он перестанет! Пусть ему кто-нибудь велит перестать! Пусть его побьют! – кричала она.

В это время она услышала чьи-то бегущие по коридору шаги; дверь ее комнаты распахнулась, и вошла сиделка. Она уже не смеялась и была очень бледна.

– Он докричался до истерики, – поспешно сказала она. – Он наделает себе вреда, но никто с ним не может ничего сделать. Поди ты и попробуй, будь доброй девочкой! Он ведь любит тебя!

– Он сегодня вечером прогнал меня! – сказала Мери, возбужденно топая ногой.

Эта выходка Мери очень понравилась сиделке. Она боялась, что застанет Мери плачущей, со спрятанной под подушку головой.

– Отлично! – сказала она. – Ты как раз в подходящем настроении духа. Поди, побрани его. Это для него будет ново! Иди же, дитя, да поскорее.

Мери только через некоторое время поняла, что все это было не только страшно, но и смешно; смешно было то, что все взрослые люди так испугались и пришли за помощью к маленькой девочке, потому что считали ее такой же избалованной, как Колин.

Она понеслась по коридору, и чем ближе слышались крики, тем сильнее разгорался в ней гнев, и когда она добежала до двери, она была страшно зла. Одним ударом руки она распахнула дверь и подбежала прямо к кровати.

– Перестань! – крикнула она. – Перестань! Я ненавижу тебя! Все ненавидят тебя! Мне хотелось бы, чтоб все ушли из дому и оставили тебя; кричи хоть до смерти! Ты скоро докричишься до смерти! И пусть!

Очень добрый ребенок, конечно, не сказал бы и не подумал бы ничего подобного; и изумление Колина, когда он все это услышал, было самое лучшее для истеричного мальчика, которому никто не смел противоречить и которого никто не смел обуздать.

Он лежал лицом вниз, колотя руками по подушке, и чуть не выскочил из кровати – так быстро он обернулся при звуках гневного детского голоса. Лицо у него было страшное, бледное, с красными пятнами, все распухшее; он давился и задыхался; но Мери не обращала на это ни малейшего внимания.

– Если ты еще раз крикнешь, – сказала она, – я тоже закричу. А я умею кричать громче, чем ты, и я тебя испугаю, испугаю!

Он действительно перестал кричать от изумления. Крик замер у него в горле. По лицу его катились слезы, и он весь дрожал.

– Я не... могу... перестать! – всхлипнул он. – Не могу!

– Можешь! – крикнула Мери. – У тебя истерика... истерика... истерика... – И она топала ногой при каждом слове.

– Я уже нащупал ком... – прохрипел Колин. – Я это знал. У меня вырастет горб, и потом я умру!

– Ничего ты не нащупал! – гневно сказала Мери. – И твоя гадкая спина вовсе не болит! У тебя только истерика! Перевернись, дай мне посмотреть!

Ей нравилось слово «истерика», и она сознавала, что оно действует на него. Он, вероятно, никогда не слыхивал такого слова, так же, как и Мери.

– Няня! – крикнула она. – Подите сюда и покажите мне его спину, сию минуту!

Сиделка, миссис Медлок и Марта столпились у двери, глядя на нее с полуоткрытыми ртами. У всех трех не раз вырывался вздох испуга. Сиделка сделала шаг вперед, как будто боялась чего-то. Колин весь дрожал и задыхался от рыданий.

– Он... пожалуй... не позволит мне, – сказала она тихо и нерешительно.

Колин услышал это и прошептал, захлебываясь от рыданий:

– Покажите... ей! Пусть... увидит.

Спина у него была такая худая, что можно было пересчитать все ребра и позвонки. Мери наклонилась и стала осматривать ее с серьезным озлобленным видом. С минуту в комнате царило молчание; даже Колин затаил дыхание, в то время как Мери смотрела на его спину с таким вниманием, как будто бы она была важным доктором из Лондона.

– Ни одного комка нет! – сказала она, наконец. – Ни даже с булавочную головку! Это только кости у тебя торчат, потому что ты такой худой. Ни одного комка нет, даже с булавочную головку! А если ты опять скажешь, что есть, я буду смеяться!

Никто, кроме Колина, не знал, какое действие произвела на него эта гневная детская речь. Если бы он когда-нибудь мог кому-нибудь рассказать про свои тайные опасения, если бы он когда-нибудь осмелился задать вопрос, если бы у него были друзья-ровесники и если бы он не лежал на спине в огромном пустынном доме, живя в атмосфере, полной страха, среди невежественных, тяготившихся им людей, он понял бы, что его страх и его болезнь были плодом его воображения. Но он лежал – часы, дни, месяцы, годы, – лежал и думал о себе, о своих болях, усталости. И теперь, когда рассерженная черствая девочка упрямо настаивала на том, что он вовсе не так болен, как ему кажется, ему действительно показалось, что она говорит правду.

– Я вовсе не знала, – вставила сиделка, – что ему казалось, будто у него на спине шишка. У него спина слабая, потому что он не хочет попробовать сесть. Я тоже могла бы сказать ему, что у него на спине нет никакой шишки.

Колин всхлипнул и слегка повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

– Правда? Могла бы? – спросил он жалобно.

– Да, сэр.

– Вот тебе! – сказала Мери и тоже всхлипнула.

Колин снова спрятал лицо и с минуту лежал неподвижно, глубоко и нервно дыша; по лицу его струились крупные слезы и смачивали подушку. Эти слезы значили, что он испытывал

странное, великое облегчение. Через некоторое время он снова обернулся, взглянул на сиделку и – странное дело! – заговорил с нею вовсе не как раджа.

– Как вы думаете... я буду жить... и вырасту большой?

Сиделка не отличалась ни умом, ни добротой, но сумела повторить слова лондонского доктора:

– Вероятно, если будете делать, что вам прикажут, не будете давать себе воли и будете подолгу на свежем воздухе.

Припадок Колина прошел; он ослабел и устал от плача, и это, вероятно, несколько смягчило его. Он протянул руку Мери, вспышка которой тоже прошла, вследствие чего она тоже смягчилась, ее рука тоже потянулась к нему, так что между ними произошло в некотором роде примирение.

– Я... я буду... выходить с тобой, Мери, – сказал он. – Я буду любить свежий воздух... если можно будет найти...

Он вовремя остановился, чтоб не сказать: «таинственный сад», и закончил:

– Я бы хотел выйти с тобой, если Дикон придет и повезет мое кресло. Мне так хочется видеть Дикона и его лису и ворона.

Сиделка поправила смятую постель, взбила подушки, потом подала Колину и Мери по чашке бульона. Миссис Медлок и Марта ушли; сиделке тоже, очевидно, хотелось уйти после того, как все было прибрано. Она была здоровая женщина и не любила, чтобы ее лишали сна; она зевнула и поглядела на Мери, которая придвинула свой большой табурет к кровати Колина и держала его за руку.

– Теперь иди к себе и выспись, – сказала она. – Он скоро уснет, если не слишком взволнован. А я сама лягу в смежной комнате.

– Хочешь, я спою тебе ту песенку, которой я научилась у моей айэ? – шепнула Мери Колину.

Его руки слабо пожали ее пальцы, и он умоляюще взглянул на нее своими усталыми глазами.

– О, да! – ответил он. – Это такая нежная песенка; я через минуту усну.

– Я его убаюкаю, – сказала Мери зевавшей сиделке. – Можете идти, если угодно.

Через минуту сиделки уже не было в комнате, и как только она вышла, Колин опять потянул руки к Мери.

– Я чуть было не сказал, – сказал он, – но вовремя остановился. Я не буду разговаривать и скоро усну... Но ты сказала прежде, что хотела рассказать мне много хорошего... Ты уже... как ты думаешь... узнала ли ты что-нибудь... как найти дорогу в таинственный сад?

– Д-да! – ответила она. – Кажется, узнала. И если ты теперь уснешь, я тебе завтра скажу. У него задрожали руки.

– О, Мери! – воскликнул он. – О, Мери, если бы я только мог попасть туда, я бы остался в живых и вырос большой! Знаешь что... вместо того, чтобы петь мне песню айэ... можешь ты мне рассказать... совсем тихонько, как тогда, в первый день... как там, по-твоему, в этом саду! Я уверен, что это меня усыпит.

– Да, закрой глаза, – ответила Мери.

Он закрыл глаза и лежал неподвижно. Она взяла его руку и начала говорить очень медленно и очень тихим голосом:

– По-моему... сад был так давно запущен, что там все одичало и красиво переплелось... По-моему... розы все тянулись вверх... все вверх... и теперь свешиваются вниз с ветвей и стен... и расстилаются по земле... как странный серый туман. Некоторые умерли... но многие живы, и когда настанет лето, там будут настоящие фонтаны и занавесы из роз. По-моему... там из глубины земли пробиваются подснежники, лилии и ирисы... Теперь, когда настала весна, там, может быть...

Ее тихий голос успокаивал его; она заметила это и продолжала:

– Может быть, там в траве виднеются крокусы, пурпурные и золотистые... даже теперь. Может быть... листья уже распускаются; может быть, серый цвет уже исчезает, и все обволакивается зеленой дымкой... все вокруг... И птицы прилетают поглядеть на сад... потому что там тихо и безопасно. И... может быть... может быть... – закончила она очень медленно и тихо, – малиновка нашла себе друга... и вьет гнездо.

И Колин уснул.

Глава XVIII

На следующее утро Мери, конечно, проснулась не рано. Она спала долго, потому что была утомлена; а когда Марта принесла ей завтрак, она рассказала ей, что Колин был совершенно спокоен, но болен, как всегда после припадков плача. Мери слушала и медленно ела.

– Он говорит: «Пусть Мери, пожалуйста, придет ко мне поскорее», – сказала Марта. – Странно даже, как он к тебе привязался! И задала же ты ему вчера ночью! Никто другой не посмел бы этого сделать. Бедный мальчик! Его так избаловали, что теперь уже нельзя помочь. Моя мать говорит, что хуже всего для ребенка, если ему никогда не позволяют делать по-своему или всегда позволяют; она говорит, что не знает, что хуже. Да и ты сама тоже была зла! А как я сегодня вошла к нему в комнату, он говорит: «Пожалуйста, попроси мисс Мери прийти ко мне, пожалуйста!» Подумай-ка, он говорит: «Пожалуйста!» Ты пойдешь?

– Я сначала сбегаю к Дикону, – сказала Мери, – нет, я сначала пойду к Колину и скажу ему... О, я знаю, что я скажу ему! – добавила она, точно ее вдруг осенило.

Когда она вошла в комнату Колина, на ней была надета шляпа, и на ее лице мелькнуло недовольство. Он лежал в кровати, и лицо у него было жалкое, бледное, а под глазами темные круги.

– Я рад, что ты пришла, – сказал он. – У меня голова болит и все болит, потому что я очень устал. Ты куда-нибудь идешь?

Мери подошла и прислонилась к кровати.

– Я ненадолго! – сказала она. – Я иду к Дикону, но я вернусь. Колин, это... все... про тот таинственный сад...

Его лицо просветлело, и на нем появился румянец.

– Вот что! – воскликнул он. – Я всю ночь видел его во сне. Я слышал, как ты что-то говорила, что все там зеленеет, и я видел сон... будто я стою где-то, и всюду кругом трепещущие зеленые листочки... и всюду птички в гнездах... Я буду лежать и думать об этом до тех пор, пока ты не вернешься.

Через пять минут Мери уже была в саду с Диконом. Лисичка и ворон тоже были там, и на этот раз он еще принес с собою двух ручных белок.

– Я сегодня приехал на пони, – сказал Дикон. – Мой Прыжок – славная лошадка! А этих белок я принес в карманах; вот эту зовут Орех, а другую – Скорлупка.

Когда он сказал «Орех», одна белка вскочила к нему на правое плечо, а когда он сказал «Скорлупка», другая вскочила на левое плечо.

Когда они уселись на траве и Капитан свернулся у их ног, Сажа чинно уселась на дерево, а Орех и Скорлупка стали играть поблизости, Мери показалось, что она никогда не в состоянии будет расстаться со всей этой прелестью; но, когда она начала свой рассказ, выражение смешного лица Дикона заставило ее мало-помалу изменить свое намерение. Она ясно видела, что он жалел Колина гораздо больше, чем она. Он поглядел на небо, а потом кругом.

– Послушай-ка этих птиц! Как они свистят и пищат! – сказал он. – Погляди, как они носятся, и прислушайся... Как они перекликаются. Это весна... точно все зовут куда-то... И листья распускаются... А пахнет-то как славно! – И он потянул в себя воздух своим вздернутым носом. – А вот бедный мальчик лежит взаперти, и ничего этого не видит, и думает все такое... что начинает плакать... Нам надо привезти его сюда... пусть смотрит, и слушает, и нюхает... пусть солнце хорошенько согреет его... всего насквозь... И не надо терять времени.

Когда Дикон чем-нибудь увлекался, он часто говорил на протяжном йоркширском наречии, стараясь иногда смягчить его, чтобы Мери легче было понять. Но ей так нравилось это наречие, что она пробовала сама говорить на нем, и теперь тоже заговорила.

– Конечно, надо, – сказала она. – Знаешь, что мы сделаем прежде всего? – продолжала она, и Дикон улыбнулся, потому что ее попытки говорить по-йоркширски всегда забавляли его. – Ты ему очень понравился, и он хотел бы тебя видеть, и Капитана, и Сажу тоже. Когда я пойду домой, я спрошу его, можно ли тебе прийти к нему завтра утром и привести твоих зверей... А потом... когда листья еще больше распустятся и почки тоже... мы возьмем его сюда... и ты будешь везти его кресло... привезем его и покажем ему все...

Она остановилась, очень гордясь тем, что произнесла такую длинную речь по-йоркширски.

– А ты когда-нибудь поговори с Колином по-йоркширски, – со смехом сказал Дикон. – Он будет смеяться... а людям хорошо смеяться. Моя мать говорит, что полчаса хорошего смеха каждый день вылечат всякого, кто собирается заболеть.

– Я сегодня буду говорить с ним по-йоркширски, – сказала Мери, смеясь.

Наступило такое время, когда каждый день в саду происходила такая перемена, как будто там проходили волшебники, вызывая своими жезлами красоту из земли, из ветвей. Мери трудно было расстаться со всем этим, тем более что Орех уселся на ее платье, а Скорлупка спустилась вниз во стволу яблони, под которой они сидели, и уселась там, вопросительно глядя на Мери. Но она пошла домой, и когда она уселась у постели Колина, он тоже начал нюхать воздух, хотя не так умело, как Дикон.

– От тебя пахнет цветами и еще чем-то... свежим! – радостно воскликнул он. – Чем от тебя пахнет? Это что-то и прохладное, и теплое... и такое душистое!

– Это степной ветер... Это потому, что я сидела на траве под деревом с Диконем, и с Капитаном, и с Сажей, и с Орехом, и Скорлупкой. Это весной пахнет, и свежим воздухом, и солнцем.

Она сказала это по-йоркширски, очень протяжно, и Колин начал смеяться.

– Что ты делаешь? – сказал он. – Ты никогда так не говорила при мне... Как это смешно!

– Это я говорю с тобой по-йоркширски, – торжествующе заявила Мери, продолжая говорить, как прежде. – Я не умею говорить так хорошо, как Дикон и Марта, но немножко умею. А ты понимаешь, когда это слышишь? А ведь ты родился и вырос в Йоркшире! Как тебе не стыдно!

И Мери сама расхохоталась, а потом они вместе так смеялись, что никак не могли перестать. В комнате поднялся такой шум, что миссис Медлок, отворившая было дверь, чтоб войти, отступила назад и стала изумленно прислушиваться.

– Господи Боже! – воскликнула она. – Да это неслыханно! Никто на свете не поверил бы!

Колин, казалось, не мог наслушаться рассказов о Диконе, о Капитане и Саже, об Орехе и Скорлупке, о пони, которого звали Прыжок. Мери нарочно вышла с Диконем в лес, чтобы поглядеть на пони. Это была маленькая степная лошадка, с густой гривой, которая свешивалась ей на глаза, и мягкой, как бархат, мордой. Как только Прыжок завидел Дикона, он поднял голову и тихо заржал, потом подошел к нему и положил голову ему на плечо. Дикон стал что-то говорить ему на ухо, а он ржал и фыркал, точно отвечая ему. Дикон заставил его дать Мери одну из передних ног и «поцеловать» ее в щеку бархатистой мордой.

– Разве он в самом деле понимает все, что ему говорит Дикон? – спросил Колин.

– Кажется, что понимает, – ответила Мери. – Дикон говорит, что всякая тварь поймет тебя, если только ты н а с т о я щ и й друг ей; но надо быть н а с т о я щ и м другом.

Колин несколько секунд лежал молча, и его странные серые глаза смотрели на стену, но Мери видела, что он о чем-то думает.

– Я бы хотел подружиться с каким-нибудь созданием, – сказал он, – только я не умею. У меня никогда не было никого... А людей я не терплю.

– А меня тоже не терпишь? – спросила Мери.

– О, нет, – ответил Колин, – это очень смешно, но я тебя, кажется, люблю.

– Старый Бен говорит, что я на него похожа, – сказала Мери. – Он говорит, что у нас обоих, вероятно, скверный характер. Я думаю, что ты тоже похож на него... Мы все трое одинаковы: ты, я и Бен. Он говорит, что у нас обоих вид такой же кислый, как и нрав. Но я теперь уже не такая кислая, как прежде, когда я еще не знала ни малиновки, ни Дикона.

– А тебе казалось, что ты не любишь людей?

– Да, – ответила Мери без всякого притворства. – Я бы тебя терпеть не могла, если бы узнала раньше, чем малиновку и Дикона.

Колин протянул руку и дотронулся до Мери.

– Мери, – сказал он, – мне жаль, что я сказал, что прогоню Дикона. Я на тебя разозлился, когда ты сказала, что он... ангел, и я смеялся над тобой, но... может быть, это правда.

– Это, конечно, смешно, что я так сказала, – откровенно созналась она, – потому что у него нос вздернутый и рот большой, а на одежде везде заплаты... и говорит он так протяжно... Но если бы ангел пришел в Йоркшир и жил бы в степи... он бы понимал... всякие травы, знал бы, как заставить их расти... и умел бы говорить со всеми лесными тварями, как Дикон, и они знали бы, что он им н а с т о я щ и й друг.

– Я бы позволил Дикону поглядеть на меня, – сказал Колин, – мне очень хочется его видеть.

– Я рада, что ты это сказал, – ответила Мери, – потому что...

В ее голове вдруг мелькнула мысль, что именно теперь настало время сказать ему. Колин понял, что услышит нечто новое.

– Потому что... что?! – воскликнул он оживленно. Мери так увлеклась, что поднялась с табурета, подошла к нему и схватила его за обе руки.

– Можно тебе доверить? Я доверила это Дикону, потому что ему и птицы доверяют. А тебе... можно доверить, можно? – умоляла она.

Лицо ее было так серьезно, что он ответил почти шепотом:

– Да, да!

– Так вот... завтра утром к тебе придет Дикон... и приведет своих тварей...

– О! о! – с восторгом крикнул Колин.

– Но это не все, – продолжала Мери, побледнев от волнения, – остальное еще лучше. В т а и н с т в е н н о м с а д у е с т ь к а л и т к а. Я е е н а ш л а. Она скрыта под плющом в стене.

Если бы Колин был сильным, здоровым мальчиком, он, вероятно, крикнул бы: ура! ура! Но он был слаб и возбужден; глаза его раскрывались все шире и шире, и он точно задыхался.

– О, Мери! – крикнул он. – Я его увижу? Я пойду туда? Я доживу до этого? – И он крепко стиснул ее руки и притянул ее к себе.

– Конечно, ты его увидишь! – с негодованием выпалила она. – Конечно, ты доживешь! Не говори глупостей!

Она была так спокойна, так естественна – как настоящий ребенок, – что скоро образумила его, и он начал смеяться над самим собою. Через несколько минут она уже снова сидела на табурете и рассказывала ему – не о том, каким сад рисовался в ее воображении, а о том, каков он на самом деле, – и Колин забыл о своих болях и усталости и слушал, как зачарованный.

– Он такой, каким, по-твоему, должен быть сад, – сказал он, наконец. – Ты рассказываешь так, как будто ты и в самом деле видела его. Я тебе говорил это и в первый раз, когда ты мне про него рассказывала.

Мери с минуту колебалась и потом смело сказала правду:

– Я его видела! Я нашла ключ несколько недель тому назад и пошла туда. Но я не смела сказать тебе... не смела, потому что я боялась, что тебе нельзя доверять... п о – н а с т о я щ е м у!

Глава XIX

Утром, после припадка Колина, послали за доктором Крэвеном. За ним обыкновенно всегда посылали в таких случаях, и он всегда заставлял его бледным, расстроенным, очень угрюмым и готовым снова разрыдаться при первом слове. Доктор Крэвен боялся и не любил этих визитов. На этот раз он явился в Миссельтуэйт только после обеда.

– Ну, как он? – с раздражением спросил он миссис Медлок. – Когда-нибудь у него лопнет кровеносный сосуд во время такого припадка. Мальчик просто полусумасшедший оттого, что истеричен и страшно избалован.

– Вы своим глазам не поверите, сэр, когда увидите его, – ответила миссис Медлок. – Эта некрасивая кислая девочка, которая, пожалуй, так же избалована, как он, просто околдовала его! Как она это сделала – невозможно понять! Бог свидетель – просто посмотреть не на что, и говорит она очень мало, но она сделала то, чего никто из вас не осмелился сделать. Она накинулась на него, как рассерженный котенок, затопала ногами и п р и к з а л а ему перестать вопить; он был так поражен, что и на самом деле перестал. А сегодня... вы только подите взгляните! Просто невероятно!

Картина, которую увидел доктор Крэвен, когда вошел в комнату пациента, действительно поразила его. Когда миссис Медлок отворила дверь, он услышал болтовню и смех. Колин в халате сидел на диване совершенно прямо, разглядывая рисунки в книге, и говорил с некрасивой девочкой, которую в этот момент едва ли можно было назвать некрасивой, потому что лицо ее сияло оживлением.

– Видишь, вот эти голубые, как стрелы! У нас их будет много! – заявил Колин. – Они называются...

– Дикон говорит, это живокость, только цветы крупнее! – воскликнула Мери. – Там их целые клумбы!

Они увидели доктора Крэвена и умолкли. Мери сразу присмирела, а лицо Колина стало капризным.

– Очень жаль, что ты вчера опять был болен, мой мальчик, – несколько взволнованно заявил доктор Крэвен.

– Мне теперь лучше, гораздо лучше, – ответил Колин тоном раджи. – А через день, два, если будет ясно, меня вывезут в кресле. Мне нужен свежий воздух.

Доктор сел возле него, пощупал его пульс и с любопытством посмотрел на него.

– День должен быть о ч е н ь ясный, – сказал он, – и ты должен быть очень осторожен, чтоб не устать.

– От свежего воздуха я не устану, – сказал маленький раджа.

Бывали времена, когда этот маленький джентльмен громко вопил от ярости и настаивал на том, что на свежем воздухе он простудится и умрет; поэтому-то не было ничего удивительного в том, что доктор был несколько озадачен.

– Я думал, что ты не любишь свежего воздуха, – сказал он.

– Не люблю, когда я один, – ответил раджа, – но теперь со мною будет моя двоюродная сестра.

– И сиделка, конечно? – подсказал доктор.

– Нет, сиделки не надо, – сказал он так высокомерно, что Мери невольно вспомнила о маленьком радже, с его брильянтами, изумрудами и жемчугами, которые «везде торчали на нем», о его маленькой смуглой руке, украшенной рубинами, которую он давал знак своим слугам приблизиться и выслушать его приказания.

– Моя двоюродная сестра умеет ухаживать за мной; мне всегда лучше, когда она со мной. Вчера ночью она меня успокоила. А кресло мое повезет сильный мальчик... которого я знаю.

Доктор Крэвен встревожился. Если этот надоедливый истеричный мальчик выздоровеет, то он, доктор, потеряет всякую возможность унаследовать Миссельтуэйт... Но он все-таки не был бесчестным человеком и не хотел позволить мальчику подвергнуться какой-нибудь опасности.

– Этот мальчик должен быть сильный и надежный, – сказал он. – Я должен знать его. Кто он? Как его зовут?

– Это Дикон! – вдруг сказала Мери. Ей казалось, что все в степи должны знать Дикона. И она не ошиблась, она увидела, как на озабоченном лице доктора Крэвена появилась улыбка облегчения.

– О, Дикон! – сказал он. – Если это Дикон, тогда вполне безопасно. Он силен, как степной пони.

– И он самый надежный мальчик во всем Йоркшире, – сказала Мери.

– А ты принял вчера брому, Колин? – спросил доктор.

– Нет, – ответил он. – Сначала я не хотел принимать его, а потом, когда Мери меня успокоила, она убаюкала меня... она говорила так тихо... про весну, которая идет... в сад...

– Гм... это очень успокаивает, – сказал доктор, совершенно сбивый с толку, взглянув мельком на Мери, которая сидела на табурете и молча глядела на ковер. – Тебе, очевидно, гораздо лучше, но ты должен помнить...

– Я не хочу помнить, – прервал Колин опять тоном раджи. – Когда я лежу один и вспоминаю, у меня все начинает болеть, и я думаю о таких вещах, что мне хочется кричать... потому что я боюсь... Если бы где-нибудь был такой доктор, который может заставить забыть о болезни, а не помнить, я бы велел привезти его сюда... Мери заставляет меня забыть, и поэтому мне лучше, когда она тут.

Доктору Крэвену никогда не доводилось делать такого короткого визита после припадков Колина; ему обыкновенно приходилось оставаться долго и делать очень многое. На этот же раз он не прописал никакого лекарства и не дал никаких указаний. Когда он сошел вниз, у него был очень задумчивый вид, и миссис Медлок, с которой он остановился поговорить в библиотеке, сразу поняла, что он был очень озадачен.

– Ну, что, поверили ли бы вы этому, сэр? – спросила она.

– Положение вещей теперь совсем иное, – сказал доктор, – и нельзя отрицать, что оно лучше прежнего.

...В эту ночь Колин спал, ни разу не проснувшись, и когда он открыл глаза утром, то остался лежать неподвижно и улыбался, сам не подозревая этого, улыбался, потому что ему было как-то удивительно хорошо. Он повернулся на бок и с наслаждением потянулся. Доктор Крэвен, вероятно, сказал бы, что его нервы отдохнули и успокоились. Вместо того чтобы лежать и глядеть на стены и сожалеть о том, что он проснулся, он думал о планах, которые они с Мери строили вчера, о саде, о Диконе и его зверях. Минут через десять он услышал, как кто-то бежит по коридору; через секунду Мери уже была в комнате и подбежала прямо к его постели, внося с собою запах свежего, душистого утреннего воздуха.

– Ты уже выходила! Как хорошо от тебя пахнет листьями! – воскликнул он.

Она бежала, и волосы ее распустились, и вся она точно сияла.

– О, как хорошо! – сказала она, слегка запыхавшись. – Ты никогда ничего подобного не видел! О н а п р и ш л а! Я думала, что она уже давно пришла, но она пришла только сегодня! Весна пришла! Так говорит Дикон!

– Пришла? Правда? – крикнул Колин, и хотя он ровно ничего не знал о весне, у него забилося сердце. Он сел в кровати. – Открой окно! Может быть, мы услышим трубный глас! – добавил он, смеясь не то от волнения, не то своей выдумке.

Мери тут же очутилась около окна, широко открыла его, и в комнату ворвался свежий, душистый воздух и пение птиц.

– Это свежий воздух! – сказала она. – Ложись на спину и вдыхай глубоко! Дикон всегда так делает, когда лежит в степи. Он говорит, что поэтому он такой сильный, как будто будет жить всегда... во веки веков. Дыши же! – Она повторяла слова Дикона, и они почему-то особенно понравились Колину.

– «Во веки веков»! Неужели? – сказал он и стал глубоко вдыхать в себя воздух, и ему показалось, что с ним происходит нечто новое и чудесное.

Мери опять подошла к его постели.

– Всякие растения так и спешат выглянуть из-под земли, – продолжала она, – везде распускаются цветы, везде почки, и зеленое покрывало уже почти закрыло все серое. А птицы так спешат вить гнезда, потому что боятся, что уже поздно, они даже дерутся за место в саду... А розовые кусты уже совсем ожили, и в лесу уже есть подснежники... Семена, которые мы посеяли, уже взошли, и Дикон принес с собою свою лису, и ворона, и белок, и маленького ягненка... – Она остановилась перевести дух.

Три дня тому назад Дикон нашел в степи крохотного ягненка, лежавшего подле своей мертвой матери между кустами терновника. Ему не раз случалось находить таких «сирот», и он знал, что надо делать. Завернув его в свою куртку, он принес его в коттедж, положил подле печи и напоил теплым молоком... Теперь же он всю дорогу нес его на руках; в кармане у него вместе с белкой была бутылка молока, из которой он поил ягненка; а когда Мери уселась под деревом и теплый, мягкий ягненок свернулся у нее на коленях, она не могла говорить от радости. Ягненок! Живой ягненок, который лежит на коленях, точно дитя!

Она с увлечением описывала все это Колину, а он лежал и слушал, глубоко дыша, когда вошла сиделка. При виде открытого окна она слегка вздрогнула. Не один жаркий день просидела она, задыхаясь, в этой комнате, только потому, что ее пациент был уверен, что люди простуживаются, если окна открыты.

– Вам не холодно, мистер Колин? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Видишь, как я глубоко вдыхаю свежий воздух. От него становишься сильным. Я буду завтракать на диване, и Мери будет завтракать со мной.

Сиделка ушла, едва скрывая улыбку, чтобы распорядиться относительно завтрака.

Когда Колин уже сидел на диване и на столе стоял завтрак для двоих, он заявил сиделке самым высокомерным тоном, как раджа:

– Сегодня утром ко мне в гости придет мальчик с лисицей, вороном, ягненком и двумя белками. Пусть их приведут наверх, как только они придут. Пусть никто не играет с животными внизу и не задерживает их там. Я хочу, чтобы они были здесь.

Сиделка тихо ахнула и закашлялась, чтобы скрыть это.

– Слушаю, сэр, – ответила она.

– Ты можешь сделать вот что, – добавил он. – Скажи Марте, чтобы она привела их сюда. Этот мальчик – брат Марты; его зовут Дикон, и он чародей: он привораживает животных.

– Надеюсь, что звери не будут кусаться, – сказала сиделка.

– Я тебе сказал, что он чародей, – строго проговорил Колин, – а звери чародеев не кусаются.

– В Индии есть заклинатели змей, – сказала Мери, – и они всовывают головы змей себе в рот!

Когда они позавтракали, Колин спросил Мери:

– Как ты думаешь, когда придет Дикон?

Он не заставил себя ждать. Минут через десять Мери подняла руку.

– Слушай! – сказала она. – Слышишь карканье? – Колин прислушался и услышал хриплое «карр-карр».

– Да, – ответил он.

– Это Сажа, – сказала Мери. – Слушай еще! Слышишь теперь блеяние... тихое такое?

– Да, да! – крикнул Колин, весь зардевшись.

– Это ягненок! – сказала Мери. – Дикон идет! – На Диконе были тяжелые, неуклюжие сапоги, и хотя он старался ступать тихо, они стучали, точно чурбаны, когда он шел по длинным коридорам. Колин и Мери слышали, как он шагал, до тех пор, пока он не миновал завешенную ковром дверь и не вошел в устланный мягким ковром коридор, ведущий в комнату Колина.

– С вашего позволения, сэр, – доложила Марта, отворив дверь, – сюда пришел Дикон и его твари.

Дикон вошел, улыбаясь своей широкой, милой улыбкой. На руках у него был ягненок; вслед за ним шагала рыжая лисичка; Орех сидел у него на правом плече, Сажа – на левом, а из кармана куртки выглядывали голова и лапки Скорлупки.

Колин медленно приподнялся, сел и стал пристально глядеть на них, так же пристально, как глядел на Мери, когда впервые увидел ее, но взгляд его выражал восторг и удивление. Дело было в том, что, несмотря на все рассказы, которые он слышал, он все-таки не мог себе представить, что за мальчик Дикон; не мог представить, что его лиса, ворон, ягненок и белки держатся так близко к нему, что почти кажутся частью его самого. Колин никогда в жизни не говорил с другим мальчиком и был так поглощен любопытством и радостью, что ему и в голову не приходило сказать что-нибудь.

Дикон же не испытывал ни малейшей робости или неловкости. Он не испытывал никакого смущения, если, например, ворона, не зная его языка, не говорила с ним, а только смотрела, когда они впервые встретились: все живые создания делали то же самое, пока не узнавали друг друга. Он подошел к дивану и спокойно положил ягненка на колени Колина; маленькое животное сейчас же прижалось к теплему бархатному халату, тыча мордочку в его складки и нетерпеливо толкаясь курчавой головкой о бок Колина. Конечно, никто не мог бы удержаться, чтобы не заговорить!

– Что он делает?! – воскликнул Колин. – Чего ему надо?

– Ему надо свою мать, – сказал Дикон, улыбаясь еще шире. – Я принес его тебе голодным, потому что знал, что ты захочешь посмотреть, как его кормят.

Он стал на колени подле дивана и вынул из кармана бутылку молока.

– Иди-ка, малыш, – сказал он, осторожно поворачивая своей загорелой рукой маленькую белую головку, – ведь тебе этого хочется! – И он сунул резиновый наконечник бутылки ему в рот; ягненок стал жадно сосать.

После этого, конечно, нашлось о чем поговорить. Когда ягненок заснул, на Дикона так и посыпались вопросы, и он на все ответил. Потом он рассказал им, как нашел ягненка три дня тому назад на рассвете, когда стоял в степи, слушая пение жаворонка.

Пока он говорил, Сажа степенно вылетела и влетела в открытое окно. Орех и Скорлупка карабкались на деревья, стоявшие под окном, бегали вниз и вверх по их стволам, а Капитан свернулся клубком возле Дикона, сидевшего на ковре.

Потом они рассматривали рисунки в книгах по садоводству. Дикон знал «деревенские» названия всех цветов и знал, какие именно из них росли в таинственном саду.

– Я не могу выговорить вот этого имени, – сказал он, указывая на рисунок, под которым было написано «Aquilegia», – но у нас эти цветы называются голубки, а вот эти – жабрей, и растут они возле изгородей; только те, что в саду, – крупнее и красивее. В саду есть большие клумбы голубков; когда они распускаются, они похожи на стаи белых и голубых мотыльков.

– Я все это увижу! – крикнул Колин. – Я все это увижу!

– Конечно! Ты должен это видеть! – сказала Мери. – И не надо терять времени!

Глава XX

Детям, однако, пришлось ждать целую неделю: сначала дули сильные ветры, а потом Колин был слегка простужен. И то, и другое, вероятно, привело бы его в бешенство, если бы каждый день не приходилось строить осторожных и таинственных планов и если бы каждый день не являлся Дикон с рассказами о том, что происходит в степи, у тропинок и изгородей, на берегах ручьев.

Рассказы о жилищах выдр, барсуков, водяных крыс, не говоря уже о птичьих гнездах и норах полевых мышей, вызывали в слушателях дрожь любопытства, тем более что все подробности передавал сам «чародей».

– Они все равно что мы, – говорил Дикон, – только им приходится строить себе жилища каждый год!

Но самым всепоглощающе интересным в жизни детей были приготовления, которые приходилось сделать, прежде чем можно было с надлежащей таинственностью повезти Колина в сад. Никто не должен был видеть ни его кресла, ни Мери, ни Дикона после того, как они дойдут до известного поворота и пойдут по дорожке возле заросшей плющом стены. С каждым днем в Колине все более и более укреплялась мысль, что таинственность, окружавшая сад, была его главной прелестью. Ничто не должно было нарушать ее, никто не должен был даже подозревать, что они хранили тайну. Пусть все думают, что Мери и Дикон просто вывозят Колина, потому что он их любит и позволяет им смотреть на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.